

**КАК
ЕЛЬЦИН
СТАЛ
ПРЕЗИДЕНТОМ**

ЗАПИСКИ ПЕРВОГО ПОМОЩНИКА

ЛЕВ
СУХАНОВ

КАК
ЕЛЬЦИН
СТАЛ
ПРЕЗИДЕНТОМ
ЗАПИСКИ ПЕРВОГО ПОМОЩНИКА

ЭКМО
Москва
2011

алгоритм

УДК 338
ББК 65.9(2)
С 91

Суханов Л. Е.
С 91 Как Ельцин стал президентом. Записки первого помощника / Лев Суханов. — М. : Эксмо : Алгоритм, 2011. — 224 с. — (Кремлевский триллер).

ISBN 978-5-699-35267-8

Лев Евгеньевич Суханов был бессменным помощником Ельцина с 1988 по 1997 год. Он являлся свидетелем опалы Б. Ельцина при М. Горбачеве, а затем его возвышения до Председателя Верховного Совета РСФСР и Президента Российской Федерации.

В своей книге Лев Суханов рассказывает о самых острых моментах политической биографии Бориса Ельцина – об отставке с поста Первого секретаря МГК КПСС, о покушениях на него, о выборах в Верховный Совет и роли КГБ в судьбе Ельцина, о его американских покровителях, об августе 1991 года, истинной роли Б. Ельцина в событиях, связанных с ГКЧП, и т.д.

Книга содержит множество подробностей из жизни Б. Ельцина и его окружения, которые были известны только автору, а также показывает закулисные стороны головокружительной карьеры первого президента России.

УДК 338
ББК 65.9(2)

ISBN 978-5-699-35267-8

© Суханов Л. Е., наследники, 2011
© ООО «Алгоритм-Издат», 2011
© ООО «Издательство «Эксмо», 2011

В САМОЕ ПЕКЛО

Горбачев — в Крыму, Ельцин — в Казахстане. И те, кто заварил переворот, конечно же, знали о датах возвращения обоих президентов. Однако Ельцин прилетел в Москву раньше — вечером 18 августа, как раз в самое пекло. Теперь уже известно, что по сценарию путчистов Горбачеву «светила» полная изоляция в Форосе, а вот какой жребий мог выпасть на долю Ельцина — об этом наверняка знали только сами заговорщики.

Российский Президент мог стать для них непреодолимой преградой, что позже со всей очевидностью и подтвердилось. Однако все по порядку...

Воскресенье, 18 августа, отдых президентов — Назарбаева и Ельцина. После тенниса мы выехали в Талгарский район — очень живописное место недалеко от Алма-Аты. В совхозе имени Панфилова посетили конезавод, где выращивают племенных лошадей — призеров многих чемпионатов мира и Олимпийских игр. Полюбовались на многих тяжеловозов, горячих скакунов, тонконогих кобылиц. По народному обычаю, высокий гость должен дать имя молодой лошади, да так, чтобы в нем присутствовали буквы имен ее родителей. К Ельцину подвели жеребенка и назвали его родителей: Гизель и Снегопад. Буквально за считанные секунды Борис Николаевич придумал слово, в котором также присутствовали начальные буквы фамилий президентов — «Е» и «Н». Гинес — так назвал стригунка российский Президент. Затем прошли соревнования всадников, после чего символическая тройка, впряженная в карету, сделала по манежу круг почета. В ней восседали оба лидера.

В обеденный перерыв мы съездили на Медео, где услышали довольно подробный рассказ о том, как в 50-х годах строители защитили Алма-Ату от селя.

Во второй половине дня главы республик отдыхали в живописной долине — с фруктовыми деревьями, быстрой горной речкой, юртами в национальном убранстве. Возле одной из них была огорожена площадка, на которой выступали приглашенные артисты. Показали свой номер и президенты: пел и играл на домбре Назарбаев, аккомпанировал ему на деревянных ложках Борис Николаевич.

Ельцин и на этот раз не изменил своему правилу: искупался в горной речушке. Вода была ледяная, но исключительно прозрачная, с зеленоватым отливом.

В какой-то момент Назарбаев предложил Борису Николаевичу на пару часов отложить его отъезд, и, поскольку был выходной, Ельцин согласился. Сразу же дали команду главе МВД Казахстана перенести вылет Президента России. Впоследствии в Белый дом поступила информация, что самолет Ельцина, который должен был вылететь из Алма-Аты в 16 часов, вероятнее всего, был бы сбит. И это, по расчетам заговорщиков, стало бы «хорошим» поводом для оправдания чрезвычайного положения. Вот тогда руки членов ГКЧП были бы развязаны полностью.

У меня нет документов, подтверждающих готовившееся покушение на президентский самолет, но развитие последующих событий говорит в пользу этой версии. Почему самолет Ельцина не был сбит позже — это уже из той серии необъяснимых явлений, которые так настойчиво преследовали путчистов.

К себе домой я вернулся 18 августа в 22.55. Жена была на даче, и я, посмотрев «Вести», лег спать. И хотя ушедший день был суматошным, мне ничего не снилось. Однако ранний звонок был из области фантазмагорических снов: звонил Валерий Борцов (о нем я еще расскажу) и сказал, что, судя по всему, в стране произошел государственный переворот. Это было похлеще самого ледяного душа. И когда Валерий сказал о Лукьянове, заявившем, что-де Союз-

ный договор в таком виде, как он был подготовлен в Ново-Огареве, подписывать нельзя, я окончательно поверил в возможность мятежа. Один из политических мотивов путча был налицо: Союзный договор «в таком виде подписывать нельзя».

Моментально собрался и поехал в Белый дом. А там, несмотря на ранний час, уже находились помощники президента и почти весь Секретариат: Илюшин, Семенченко, Корабельщиков и другие. Естественно, всех волновала судьба Ельцина — где он, что с ним? Вскоре, однако, связь с его дачей в Архангельском была налажена, и Илюшин (зав. Секретариатом Президента) вместе с машинисткой отправился туда. Собственно, первые документы за подписью Ельцина там и родились.

Поскольку моего участия в этой работе не требовалось, у меня появилось «окно». События явно набирали ураганные обороты, и неизвестно, чем все это могло кончиться. Я посчитал излишним повидаться с женой, взял служебную «разгонную» машину и отправился за город. Только мы выехали на Калужское шоссе (возле местечка Сосенки), как водитель говорит: «Смотрите, Борис Николаевич мчится!» С огромным трудом мы успели взять вправо, едва не став жертвой нашего шефа. Два правительственных ЗИЛа, в плотном окружении машин сопровождения с вооруженными людьми, пронеслись мимо нас на бешеной скорости. Эскорт мчался во всю ширину магистрали. Зрелище было тревожно-величественное...

Встреча со Светланой была мимолетной. Как могли, успокоили друг друга и, попрощавшись, я поехал в Москву. На Калужское шоссе мы выезжали вместе с танками. Они уже грохотали по Кольцевой дороге. Это было ужасное зрелище. Не прошло еще суток, как я любовался игривыми жеребятами, радовался шуму горной реки.

Мы выбрались на Минское шоссе (переходящее в Кутузовский проспект) и вместе с танками стали пробираться к центру.

Кое-как добрались до гостиницы «Украина», а дальше все движение было заблокировано, то есть весь мост (от гостиницы «Украина»), вся площадь, все улицы у здания СЭВ и гостиницы «Мир» заняты танками. Я отпустил машину, а сам — через мост — побежал к Белому дому.

Люди уже заполняли пространство у Верховного Совета России, уже слышались крики в сторону танков, кто-то плакал — картина жуткая. Я подбежал в тот момент, когда Борис Николаевич взбирался на танк. Именно с брони прозвучало первое обращение к народу, произнесенное Президентом России. Рядом с Борисом Николаевичем находился его телохранитель Саша Коржаков, вся ельцинская охрана, генерал Кобец, которого сначала не хотели пускать на танк, полагая, что это язовский генерал...

И, наверное, именно в то мгновение, когда я смотрел на Бориса Николаевича, на его напряженное лицо и ловил каждое его слово, пришло окончательное решение написать о нем книгу, если конечно, останусь жив...

Ведь я находился с ним рядом с самого начала, когда Борис Николаевич был «один в поле воин». И я, как мог, помогал ему.

Когда Ельцин шел к цели, ему здорово мешали, а значит, мешали и мне. Когда его имя предавали анафеме, она распространялась и на мое имя. Когда ему не везло — не везло и мне. Я пытаюсь рассказать о Ельцине с точки зрения человека, который волею судеб находился с ним рядом: и в моменты его падения, и во время его высочайшего взлета. Всем, разумеется, любопытно узнать — каков он в жизни, в быту, в семейных отношениях, каковы его страсти и слабости. Но я, наверное, сильно разочарую тех, кто надеется найти в этой книге какие-то особо пикантные моменты из жизни Президента. Хотя вся его жизнь — сплошной «пикантный» момент.

Ельцина часто упрекают в своеволии, и я должен подтвердить — порой он действительно бывает своевольным и потому непредсказуемым. Но, по моему глубокому убеждению, его своеволие и непредсказуемость являются не-

плохим защитным средством от сонма подхалимов и царедворцев, пользующихся его отзывчивостью на доброе слово и дружеский жест.

Я рассказываю только о тех событиях и встречах, участником которых был сам и о чем знаю не понаслышке... Я сознательно ставлю перед собой задачу давать обстоятельные оценки отношениям Бориса Николаевича с М.С. Горбачевым и другими современными политическими лидерами, не пытаюсь что-либо опровергать или утверждать, подчиняясь эмоциональному порыву. Хотя, честно говоря, такое желание иногда бывает очень сильным.

ПЕРВАЯ АУДИЕНЦИЯ

По меркам застоя у меня просто безукоризненная биография. Отец 40 лет проработал на московском «Электрозаводе», мать — 20, а старший брат Игорь — кругленьких 50. В общей сложности наша семья отдала «делу пролетариата» 110 лет жизни. Я же, закончив Московский архитектурно-строительный техникум, а затем вечернее отделение Московского инженерно-строительного института, как бы автоматически оказался причисленным к категории «советская интеллигенция». В моей анкете значилось, что я, Суханов Лев Евгеньевич, — сын добропорядочных родителей-пролетариев, член партии, не еврей, ну и т. д. Плюс к этому заграничная командировка — два года работы на Кубе. Как инженер-строитель, после окончания в 1966 году института, я был направлен на Остров свободы реконструировать сахарные предприятия.

Хочу подчеркнуть, что поездка на Кубу была чистой случайностью, обусловленной нашей суровой действительностью. Когда у нас со Светланой родился сын Вадька, тут же ребром встал вопрос: как сочетать крохотные размеры нашей хрущевской квартирki — 32 кв.м. — с прибывающим семейством? Выход был один: поехать хоть к черту на кулички, лишь бы заработать денег на кооперативное жилье. Кто-то подсказал адрес: Дагестан, Строительство Чиркейской ГЭС. Вот туда я и наострился. Но в отделе кадров моего НИИ знакомый столоначальник резонно у меня полюбопытствовал: зачем, мол, ехать зарабатывать деньги на юг, если то же самое можно сделать на Западе. «Где конкретно?» — поинтересовался я, хотя от кого-то уже слышал, что готовился «десант» из специалистов нашего НИИ на Кубу. Ну да, Куба — что же еще? Остров свободы —

пальмы, подводное плавание, которое меня так же влекло, как футбольное поле. (Кстати, за успехи в игре за сборную команду советской колонии на Кубе я был награжден Почетной грамотой.)

Возвращение в Москву было отмечено небольшим повышением по службе. Я стал старшим инженером, хотя на серьезный рывок в карьере тогда особенно не рассчитывал, поскольку был беспартийный. В апреле 1974 года нас, троих молодых специалистов, вызвал к себе секретарь парторганизации и сказал, что, мол, Черемушкинский райком «завалил план по интеллигенции». И поэтому в тот же вечер мы должны были проштудировать Устав партии, хотя бы перелистать программу КПСС и вы зубрить наизусть несколько цитат из классиков марксизма-ленинизма.

На следующий день состоялось партбюро, и нас оптом приняли в кандидаты. И, действительно, вскоре после окончания кандидатского стажа меня повысили в должности, и я стал главным инженером проекта. Чтобы читатели лучше представляли, о чем идет речь, назову несколько объектов, на которые работал наш НИИ: КамАЗ, ВАЗ, Бхилайский металлургический завод в Индии, такой же завод в Новой Гуте в Польше и другие.

Оглядываясь назад, ловишь себя на ощущении какой-то фатальной взаимосвязи всех служебных и личных «преобразований». Как будто нарочно все делалось для того, чтобы я рано или поздно попал на работу именно в Госстрой, а там — «в руки» Ельцина. Однажды мне оттуда позвонили и сказали, что приглашают на работу — старшим экспертом. Я был, конечно, удивлен и вместе с тем польщен — как-никак Госстрой считался нашей головной организацией. И я начал работать в отделе типового проектирования. Через два года моего начальника Алексеева назначают заместителем председателя Госстроя СССР. Как-то вызывает меня Алексеев к себе и без предисловия предлагает стать его помощником.

— Виталий Александрович, — говорю ему, — я ведь инженер, мое дело — проект, экспертиза...

Но в ответ на мой лепет он выдвигает, кажется, неотразимый аргумент: зарплата — 400 рублей, спецпаек, лечение в первой поликлинике Минздрава, кое-какие льготы для семьи и другие «мелочи».

Вечером дома устроили совет. Но советская действительность дамокловым мечом висела над нашей жизнью. Я был против, жена — «за». Так я стал «профессиональным» помощником.

Однако через два года в Госстрое началась новая перетряска кадров. Может, помните угрожающую ситуацию на Атоммаше, когда случились грунтовые просадки и другие конструктивные срывы? Обвинили проектировщиков, экспертов и самого председателя Госстроя Новикова, которому из-за этого пришлось уйти на пенсию. ЦК КПСС на его место назначил свердловчанина Башилова, который со своим замом Алексеевым так и не нашел «общего языка». Словом, Алексеев «слетел», а я остался без работы. Нет, меня не уволили, но и конкретного дела тоже не было. В конце концов я стал помощником у другого зампреда — Ищенко.

Когда началась перестройка, многие большие чины, стали стремительно вылетать из своих кресел. Председатель Госстроя Башилов тоже «не справился с работой» (как будто был на Земле человек, который мог справиться с архигромоздкой строительной отраслью), и его оформили рядовым министром. А на должность председателя пришел Баталин, тоже из Свердловска. Это был декабрь 1987 года.

Позади уже остались октябрьский Пленум ЦК КПСС и ноябрьский МГК, которые сокрушали Ельцина. Словом, два поезда вышли в неизвестном направлении, один из которых все же доехал до какого-то пункта, а другой еще маневрировал между тупиками, подчиняясь воле некомпетентных диспетчеров...

Однажды мы сидели всей семьей за ужином, когда по ТВ объявили о том, что Борис Ельцин, освобожденный от должности первого секретаря МГК, назначается первым

заместителем председателя Госстроя СССР — министром СССР. (Такой должности в Госстрое не было и ее «придумали» специально для Ельцина.) Тут я и сказал жене: «Вот увидишь, буду работать помощником у Ельцина». Это было интуитивное, совершенно ни на чем не основанное предположение. Светлана, хотя и усомнилась в реальности такого исхода, всё же предостерегла: «Ты, мол, выбрось это из головы... Если при Ищенко у тебя были выходные, то с Ельциным, будь спокоен, их у тебя не будет и на нашем огороде можешь поставить крест»... «Ладно, — говорю, — раньше времени не паникуй... Поживем — увидим».

Когда утром пришел на работу, почувствовал, как уже гудит весь Госстрой. В каждом углу шушукались: «Ельцина назначили, Ельцина назначили»... При одном только упоминании его имени многих бросало в дрожь. Как же — кандидат в члены Политбюро, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Моссовета...

Вообще ситуация сложилась нештатная: в кресло чиновника, хотя и высокопоставленного, должен сесть один из небожителей партийного Олимпа. Кто-то молча ему сочувствовал, кто-то попросту боялся. Ведь все же знали его непримиримость к номенклатурным привилегиям, к нерадивым работникам, отбывающим службу как наказание.

Что же касается меня... Пожалуй, о Борисе Николаевиче я тогда знал столько же, сколько знал о нем любой москвич. К тому времени уже говорили о его борьбе с торговой мафией, резких, независимых высказываниях в адрес партийного аппарата. Более того, в начале 1987 года Ельцин провел нашумевшую встречу с пропагандистами страны. Как рассказывал Бунич (он приезжал после этого к нам в Госстрой и поделился впечатлениями об этой встрече), собралось более 1000 человек, которые по роду своей деятельности должны были нести «заветы» партии в народ.

Встреча проходила в Доме политпросвета и продолжалась шесть часов. Наверное, это было одно из первых публичных выступлений Ельцина, когда он позволил себе говорить такое, что в то время даже не каждый диссидент мог

принародно произнести. Такого у нас еще не случилось, чтобы кандидат в члены Политбюро собрал под одной крышей столько пропагандистов и на пределе откровенности говорил с ними несколько часов. И Бунич подтвердил, что он никогда не слышал, чтобы человек из Политбюро так свободно и демократично общался с аудиторией.

В начале января меня вызвал к себе управляющий делами Госстроя и поставил в известность, что меня хотят рекомендовать на должность помощника Бориса Ельцина. Рекомендовать, и только, поскольку назначает сам Ельцин. Я попросил сутки на обдумывание, хотя про себя уже все решил. Вечером я провел формальные «консультации» с женой, выслушав все ее «про» и «контра». Она говорила то, что я уже знал: Ельцин привык работать до упора, он просто не может не работать по выходным. И еще, говорят, что Ельцин крутой человек, жесткий руководитель, с которым не каждый может сработаться. Я Светлане назвал плюсы, о которых знал тоже понаслышке. «Решай сам», — сказала Светлана.

Мы еще немного посидели, поговорили, обсудили возможные проблемы и пошли спать. Конечно, я долго не мог заснуть. Вроде бы все уже решил, а все равно сомнения одолевали. На следующий день я пришел к заместителю управляющего делами Н.Г. Павлову и дал официальное согласие быть помощником Ельцина.

«ЗАХВАТ» ГОССТРОЯ

В один из январских дней к нам приехал начальник личной охраны Ельцина Ю.Ф. Кожухов. Это была своего рода разведка, так как он уже знал о моей кандидатуре. Хотел, наверное, посмотреть на будущего помощника своего шефа, поближе познакомиться. Лично мне Юрий Федорович сразу понравился: симпатичный парень, с приятным взглядом, рослый, спортивного вида. Мы с ним поздоровались, затем уселись рядышком, и он мне говорит: «Лев Евгеньевич, расскажите, пожалуйста, немного о себе». И я ему в двух словах поведал свою жизнь: «Вырос на Пресне, гонял с мальчишками в футбол, перворазрядник, закончил строительный институт, 23 года прослужил в ЦНИИ «Проектстальконструкция», которым руководил академик Мельников, и вот уже десять лет — в Госстрое. Что еще?» Он мне: «Ну, в общем, нам это уже известно... А как вы относитесь к политике?» Я пожал плечами: мол, как и все, нормально.

На этом наш разговор с начальником охраны Б.Н. Ельцина закончился. А когда он уезжал из Госстроя, я передал ему пачку писем, которые уже стали поступать на имя Бориса Николаевича. Через какое-то время Юрий Федорович снова звонит и предупреждает: «Ельцин приступает к работе в Госстрое...».

И вот утром 8 января мы с Николаем Григорьевичем Павловым «сосредоточились» в небольшой приемной будущего кабинета Бориса Николаевича Ельцина. Ждем. Поглядываем на часы и почему-то оба больше обычного говорим. Председатель Госстроя отсутствовал. В офисе пронесся слух, якобы Ельцин уже побывал у Баталина и что они еще по Свердловску друзья. Однако впоследствии Ба-

талин наилучшим образом проявил себя в отношении Бориса Николаевича, о чем я еще расскажу.

Представьте себе ситуацию: на улице Пушкина (на ней находился Госстрой) и примыкающей к ней улице Москвина в одно мгновение прерывается все движение, дается «зеленый свет» для правительственного кортежа. Все ближайшие подъезды и переулки взяты под контроль охраной. В самом Госстрое тоже стоит жуткий переполох — на работу прибывает кандидат в члены Политбюро. И не кто-нибудь из «старцев», а сам смутьян Ельцин.

Машины подъехали к правительственному подъезду Госстроя, из ЗИЛа вышел Борис Николаевич и в сопровождении охраны поднялся на четвертый этаж. В приемную сначала вошли телохранители, за ними — Ельцин. Подтянутый, в элегантном темно-синем костюме, белоснежной сорочке и стильно подобранном галстуке. И седин тогда у него было намного меньше...

Когда меня представили, Борис Николаевич протянул руку и пристально посмотрел в глаза. Потом я не раз был свидетелем этого «рентгеновского взгляда» — его коронного, безошибочного, как он считал, метода распознавать людей. И я должен подтвердить, что ошибался он действительно редко, хотя считаю, что не каждый, допустим, стеснительный человек, способен ответить таким же открытым пронизывающим взглядом...

Павлов открыл кабинет, и высокий гость, уже на правах хозяина, вошел в него. Затем они с Павловым остались наедине и беседовали около часа. И вот, когда Павлов вышел оттуда, меня пригласил Ельцин. Три его телохранителя вместе со своим начальником остались в приемной, а я пошел на первую свою аудиенцию к Ельцину.

Захожу. Он сидит не за рабочим столом, а за тем, что слева от входа для заседаний. Еще раз пожал мне руку, еще раз пристально посмотрел в глаза и предложил сесть. Взгляд его я выдержал и, сдерживая легкое волнение, устроился напротив. Затем он открыл лежащую перед ним мою анкету и стал читать.

— Ваша анкета, — сказал он, — пожалуй, лучшая рекомендация... Вы проработали много лет в НИИ у академика Мельникова, я хорошо его знаю, это порядочный человек, крупный ученый и сильный руководитель.

Ельцин отодвинул бумаги и попросил рассказать о себе. Что я мог ему открыть нового, кроме того, что уже говорил начальнику его охраны? Коренной москвич, родился 1 июня 1935 года, «Близнец», родители всю жизнь работали на «Электрозаводе»... И вдруг он резко сменил тему разговора. Стал интересоваться — какие участки работы мне больше всего знакомы? Я ответил: «Проектирование, экспертиза, наука». Тогда он завел разговор об экономическом подразделении, но я ответил, что экономикой не занимался и что эта сфера целиком находится в ведении зампреда Бибина.

Борис Николаевич слушал так внимательно, что у меня невольно создалось впечатление, будто это какое-то наигранное, нарочитое, что ли, внимание. Потом, конечно, я разобрался: Ельцин, когда разговаривает с кем-то (причем любого ранга), всецело поглощен этим человеком. Довольно редкая черта.

После того, как мы довольно обстоятельно поговорили о производственных делах, он перешел за свой рабочий стол, а меня усадил напротив. Оглядел потолок, стены, шкафы, и в его лице что-то дрогнуло. Я почувствовал, что ему наш офис не очень уютен. Возможно, он сравнивал его с недавно покинутыми апартаментами МГК... Но недолгим было то замешательство — неожиданно он перешел к важному для меня разговору. «Знаете, Лев Евгеньевич, — сказал он, — я привык со своими помощниками быть откровенным. Иногда я им доверял такое, что не всегда доверишь собственной жене. Я сам предельно искренен со своими помощниками и поэтому вправе требовать того же и от них. Не терплю лести, — продолжал Борис Николаевич, — не люблю лицемерия и ненавижу трусость».

Я выслушал и ответил примерно в том же духе: меня, мол, ваши принципы вполне устраивают, потому что я тоже, кажется, не трус, не лицемер и, смею надеяться, честен.

И Борис Николаевич заключил наш разговор словами: «Ну, что ж, эти принципы нам близки обоим, будем работать». При разговоре у меня не возникло никаких отрицательных ощущений, но вместе с тем не было и легкости. Однако я понял главное: мы внутренне приняли друг друга.

Когда Борис Николаевич уехал (а был он в Госстрое неполный рабочий день), ко мне сбежались коллеги и стали расспрашивать. Многие из них не одобрили мой выбор, но я не стал им объяснять, что в данном случае выбираю не я...

На следующий день из спецполиклиники к нам приехали лечащий врач Ельцина, заместитель заведующего отделением, а также диетолог, отвечающий за рацион питания кандидата в члены Политбюро. Номенклатурная машина работала четко. Весьма напористо эти люди стали давать нам наставления. Проверив в столовой блюда, гости нашли их не соответствующими стандарту «олимпийской кухни» и в связи с этим сделали необходимые рекомендации. Это было странно и неожиданно.

Дальше — больше: открытым текстом заявили, что за здоровье Бориса Ельцина мы отвечаем головой. Заставили нас повесить в его кабинете аптечку с широким набором лекарств, оборудовать сигнализацией его рабочий стол и стол заседаний, чтобы в случае необходимости можно было быстро вызвать помощника или секретаря. И поскольку мой кабинет находился не рядом с кабинетом Ельцина, его тоже оборудовали прямой звонковой связью. В комнате отдыха порекомендовали поставить диванчик, на случай внезапного недомогания. Все это для нас, естественно, было непривычным и вызывало досужие разговоры.

Наконец мы приступили к работе. Я съездил в МГК и взял там образец так называемой «шахматки», с помощью которой проще осуществлять планирование. Ельцин к этому методу уже привык, и я впоследствии тоже понял преимущества «шахматки». День и неделя у него были «разбиты» вплоть до 15 минут.

Начал Борис Николаевич со знакомства с руководителями и ведущими специалистами подразделений, которые входили в его компетенцию. Беседовал с ними обстоятельно, стараясь разобраться в тонкостях работы. Затем начались встречи с людьми. Собирали коллективы и работали по системе: вопрос — ответ.

Он тяжело входил в новые обязанности и весь январь и февраль чувствовал себя скверно. На службу являлся уже уставшим: под впечатлением случившихся с ним передраг он потерял сон. По-настоящему еще не отошел от октябрьского Пленума ЦК и ноябрьского МГК, а впереди уже маячила новая «разборка» — февральский Пленум ЦК.

Я, как мог, отвлекал его: то дружеское письмо положу ему на стол, то соединю по телефону с каким-нибудь интересным собеседником, а то какую-нибудь любопытную тему ему «подкину». И часто он на это живо откликнулся. Все эти маленькие хитрости как-то положительно на него действовали, а общение с людьми имело для него буквально терапевтический эффект. На работу я обычно приходил на 20—30 минут раньше Бориса Николаевича. Иногда он просил принести ему чай или кофе. Просматривал прессу, которую я каждое утро оставлял на его столе. Потом он приглашал меня к себе в кабинет, и мы вместе планировали текущие дела.

В конце 1987 года (еще до прихода в Госстрой) из-за непрекращающихся стрессов он попал в больницу, где его пичкали такими дозами лекарств, которые могли быть смертельными для менее устойчивого организма. Будучи в Испании, он рассказал, какие дозировки баралгина ему прописывали московские врачи, — испанские медики были поражены до крайности...

Ребята из его личной охраны вспомнили, в каком состоянии находился Борис Николаевич, когда его привезли на ноябрьский Пленум МГК. Он походил на абсолютно нетранспортабельного, тяжело больного человека. Так наши эскулапы с помощью лошадиных доз релаксантов ставили его «на ноги»...

...После февральского Пленума (1988 г.) ЦК КПСС, когда утром он пришел на работу, на нем не было лица. Все это напоминало финал какой-то заулокной мессы, которую ему «промузицировали» коллеги по Политбюро. Да, он оставался еще членом ЦК КПСС, но уже без служебного ЗИЛа, без личной охраны...

В нем как будто еще жили два Ельцина: один — партийный руководитель, привыкший к власти и почестям и теряющийся, когда все это отнимают. И второй Ельцин — бунтарь, отвергающий, вернее, только начинающий отвергать правила игры, навязанные системой. И эти два Ельцина боролись, и я не возьму на себя большой грех, если скажу, что борьба была жестокой, а победа отнюдь не молниеносной. Ведь пересев из ЗИЛа в «Чайку», он не стал более свободным и независимым от номенклатурных связей. Но все дело в том, что процесс-то уже начался, и как, должно быть, он потом над собой издевался, вспоминая свою оторопь в первые мгновения пребывания за пределами партийного Олимпа, который он ненавидел, но к которому он был еще незримо прикован.

Почти весь 1988 год Ельцин находился под психологическим прессом, что, однако, не мешало ему заниматься текущими делами. Пройти «через Ельцина» какому-нибудь захудалому проекту было так же трудно, как вспять повернуть северные реки. А между прочим, этот сумасшедший проект уже обсуждался в Госстрое, как и строительство промышленных предприятий на Байкале или проблемы на просадочных грунтах Атоммаша. Ельцин был категорически против этих проектов, писал докладные, звонил знакомым министрам, связывался с самим Рыжковым. Тот, к его чести, всегда выслушивал Бориса Николаевича и обещал помочь... По мере того, как последствия февральского Пленума уходили в прошлое, Ельцин обретал большую уверенность. В чем это выражалось? Только в одном — полном, с головой, уходом в работу. Если перечислить все вопросы, которые за день должен был решать первый зампред, пришлось бы посвятить этому целый фолиант. Прав-

да, много времени сгорало впустую. Одни только заседания в кабинете Баталина чего стоили, особенно помпезные коллегии. И хотя Юрий Петрович считался весьма грамотным руководителем, им безраздельно владела одна страсть — самолюбование. Это были не коллегии, а нечто напоминавшее театр одного актера, продолжающийся по 4 и более часов. Выдерживать это Борису Николаевичу было непросто. И действительно, после каждого такого заседания Ельцин возвращался к себе с жуткой головной болью. К тому же стало известно, что Баталин получил сверху команду — собирать на Ельцина компромат. Это было несложно «расшифровать»: в глаза бросалась резкая перемена отдельных руководителей и, в первую очередь, замов Баталина. Даже мои коллеги помощники стали вдруг отводить от меня взгляды и потихоньку избегать. «Ледниковый период» отчуждения складывался из невидимых штрихов, тонких психологических нюансов и лишь изредка прорывался откровенной враждебностью. Борис Николаевич сильно переживал.

Но по мере того как шел поток писем, в которых люди выражали ему поддержку, по мере того как удавалось одержать хоть маленькую победу, зарубив какой-нибудь головотяпский проект, — настроение несколько улучшалось, и мы позволяли себе помечтать о будущем. Я уже говорил, что Борис Николаевич получал колоссальный оптимистический заряд от общения с людьми. Однажды секретарю Тане позвонил один человек из Брянска. Это был Илья Иванович Малашенко — подполковник в отставке, очень энергичный и непременно желающий лично лицезреть Бориса Николаевича. Таня соединила гостя со мной, и я, естественно, у него поинтересовался: кто, откуда и какой у него вопрос к Ельцину? Гость ответил, что он юрист и в Москву приехал только за тем, чтобы увидеть Ельцина и пожать ему руку. Я заказал пропуск и через пару минут встретил его на четвертом этаже.

Борис Николаевич, когда я ему рассказал о визитере из Брянска, согласился его принять. Беседа длилась несколь-

ко минут, в течение которых Малашенко лаконично, солдатски четко объяснил Борису Николаевичу цель приезда и в очень сжатых выражениях изложил свое к нему отношение. А сказал он примерно следующее: «Борис Николаевич, я целиком на вашей стороне и у нас в Брянске таких, как я, много. Держитесь, мы вас не оставим в беде».

Тогда я почувствовал, что, если Ельцину не дать простора, лишить непосредственного контакта с людьми, он в своем кресле просто зачахнет. Конечно, он тоже это прекрасно понимал, тяжело переживал и ломал голову — как выйти из этого тяжелейшего ступора?

НЕМНОГО ПОЛИТИКИ ПОДНИМАЕТ ТОНУС

В разговорах Ельцина все чаще стало появляться словосочетание «XIX партконференция». И, возможно, тогда, в одной из наших вечерних бесед, начала вырисовываться тактика на ближайшее будущее. А почему бы, решили мы, для начала не возобновить активные встречи с избирателями? Ведь Борис Николаевич еще был действительным депутатом Моссовета, и избрало его население микрорайона Раменки. Это 75 тысяч жителей, текстильное предприятие, завод счетных приборов и электромеханический... Тем более, в Раменках его знали: Ельцин как депутат помог там построить универсам, поликлинику, детсад с бассейном, школу, подключил Мосстрой к реализации наказа избирателей. При встрече с ними он предупредил: я свое обещание сдержу, но и вы должны провести озеленение микрорайона, благоустроить... «И давайте, — сказал он, — соревноваться — кто первый сдержит данное слово».

Мы определили день приема избирателей — по четвергам и в один из них приехали в Раменки. Борис Николаевич обошел весь микрорайон и убедился, что избиратели тоже умеют держать слово. Радовали глаз просторный стадион, обильные зеленые насаждения и свежие газоны.

Постепенно связь с избирателями переключилась на меня. Люди звонили в Госстрой, и неизбежно пришло время, когда туда стали приезжать наиболее активные. Началась предвыборная работа. Раменки стали тем небольшим плацдармом, откуда Ельцин ввязался в «упорные бои» с номенклатурой. Борьба пошла за голоса избирателей. Это во многом позволило ему выжить психологически, а главное — обрести в себя веру.

Как бы там ни было, три месяца он отработал в Госстрое и, кажется, потихонечку начал приходить в себя. Вообще, будучи человеком чрезвычайно впечатлительным, он первые удары судьбы воспринимал весьма болезненно, но зато потом, внутренне сгруппировавшись, обретал феноменальную устойчивость. А тут «подарок судьбы»: первомайское поздравление от Александра Яковлева, Анатолия Лукьянова и Николая Рыжкова. Жест малообъяснимый, если учесть обстоятельства конфликта между Ельциным и Политбюро. Возможно, это была всего лишь дань традиции номенклатурных структур — поздравлять товарищей по партии, даже если к этому времени они «вышли из игры». А возможно, аппарат без ведома своих хозяев, чисто механически, разослал поздравления, особо не вникая в их содержание, по старым спискам. Впрочем, в это почти невозможно поверить, ибо на том уровне, откуда был «спущен» Ельцин, таких промахов отродясь не бывало. Там все железно взаимосвязано и без поворота главного маховика ни один винтик не закрутится.

То, что поздравление пришло от Яковлева, — это еще как-то можно было объяснить, он всегда отличался независимостью суждений. Николай Рыжков — земляк Ельцина и при его щепетильности не послать поздравление, хоть и опальному, но высокопоставленному своему подчиненному, тоже было бы верхом некорректности. Лукьянов... Если на этого человека смотреть с сегодняшней точки зрения, то его первомайское поздравление Ельцину в 1988 году можно объяснить каким-либо скрытым подтекстом. Может быть, этот жест направлялся против главного патрона — Горбачева? Ему в пику или в надежде, что в грядущих «дворцовых играх» Ельцин еще может пригодиться как сильный оппонент Генсека? Что ж, для опытного законника, каковым, безусловно, являлся Лукьянов, формула «разделяй и властвуй» имела, очевидно, какой-то практический смысл. А может быть, все было совсем не так. Хотя Горбачев лично не поздравил своего товарища по перестройке, тем не менее какие-то отношения с опальным министром у него сохранились. (Поговаривали, что после

октябрьского Пленума (1987), когда все члены ЦК уже разошлись, а за столом остался сидеть один Ельцин (находящийся на грани гипертонического криза), именно Горбачев подошел к нему и, подав руку, помог поверженному подняться и выйти из помещения. Символично, не правда ли: придет время, и Ельцин подаст руку Горбачеву...)

И надо сказать, что этот знак внимания со стороны бывших коллег, чем бы это ни мотивировалось, пришелся кстати, хотя и вызвал у Б.Н. Ельцина двойственное чувство. Тогда же он получил приглашение участвовать в первомайской демонстрации, но не на трибуне Мавзолея, а внизу, где обычно группируются чиновники рангом ниже. И Борис Николаевич был на празднике вместе с Наиной Иосифовной — среди многочисленных министров, председателей бесчисленных комитетов, начальников главков, секретарей райкомов Москвы, областных комитетов и т.д.

Порой мне кажется, что еще тогда, в самом начале конфликта с Ельциным, Горбачев доверился своей фантастической интуиции и не предпринимал против Бориса Николаевича «хирургических» мер. Конечно, представить Михаила Сергеевича в роли фаталиста чрезвычайно трудно, но создавалось впечатление, что Ельцин ему зачем-то был нужен. Сначала Горбачев назначает его министром, хотя вполне мог бы «сослать» в какую-нибудь тьмутаракань послом без всяких шансов на политическое выживание. Затем, после выборов в ВС СССР, Горбачев создает специально для Ельцина Комитет по делам архитектуры и строительства. И все это делается при огромном нетерпеливом стремлении окружения Горбачева расправиться со строптивым свердловчанином. Да, Ельцин уже стал популярен в народе, его звезда понемногу поднималась над политическим горизонтом... И все равно у Горбачева было гораздо больше возможностей избавиться от Ельцина, чем у Ельцина выстоять в той ситуации.

Я снова возвращаюсь к фантастической интуиции Михаила Сергеевича: кажется, он терпел неудобного Ельцина лишь для того, чтобы в один прекрасный день и час тот подал ему руку и вытащил из ямы...

КОМУ НУЖНА ТАКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ?

Борис Николаевич прекрасно понимал силу своего личного воздействия на людей, понимал также и психологию россиян — за одного битого двух небитых дают, — понимал, что дело идет к более или менее демократическим выборам. Поэтому и мы, его окружение, осознавали, что ему просто необходим выход к широкой аудитории.

Пресса и телевидение молчали, а куца информация о нем, уходящая на Запад, была практически недоступна большинству советских людей. Очевидно, по этой причине Борис Николаевич большие надежды связывал с предстоящей партконференцией. И ставил задачу-максимум: выступить на ней и изложить то, что думает о положении в стране, в партии, а главное — воспользоваться трансляцией конференции по телевидению и донести свои взгляды до широких слоев населения. Более того, он считал, что конференция может стать стартером в его «гоночной» политической машине.

Казалось, что у него не должно быть никаких проблем с мандатом делегата конференции: он продолжал оставаться членом ЦК КПСС и по статусу мог свободно принимать в ней участие с правом совещательного голоса. Но нет, пришлось пройти сквозь сито выборов, и те, кто организовал конференцию, сделали все возможное, чтобы Ельцин не очень-то обольщался своим членством в ЦК.

Сначала его хотели выдвинуть свердловчане, но манипуляторы от аппарата дело повернули так, что он стал делегатом от... Карелии. Тут была небольшая, но существенная интрижка: свердловская делегация должна была находиться в зале в первых рядах, откуда рукой подать до трибуны. Делегацию же Карелии планировали «поднять»

на балкон — своего рода Камчатку, прорваться с которой к трибуне было почти нереальным делом. И тем не менее Борис Николаевич принял предложение Карелии и был занесен в список делегатов от нее. Не согласись он на это — прощай, конференция, и те надежды, которые он с ней связывал.

Свое выступление на конференции он писал сам. Сначала у него появилось четыре варианта, затем — пятый, но не окончательный. Коррективы вносила сама жизнь. Страна пребывала в эйфории зреющей, но еще очень слабой демократии.

По утрам Борис Николаевич вызывал к себе и проверял на мне тезисы своего будущего выступления. Иногда я буквально терялся, и мне казалось, что мой шеф недавно упал с Луны, а не прожил 57 лет в стране социализма. В его тезисах, на мой взгляд, было столько резкости в адрес партии, что я за него начинал бояться. Но в том-то и дело, что Ельцин уже тогда шел на несколько «километров» впереди всех нас. Он ведь первым затронул вопрос о партийной кассе, о чем разве что во сне можно было мечтать, твердо доказывая необходимость радикальной реконструкции в рядах партии, говорил и неллицеприятные вещи о ее вождях. Естественно, я по своей «близорукости» начинал какие-то моменты оспаривать, но после того, как он мне их «разжевывал», все становилось на свои места.

Я никогда не занимался политикой, но, проработав с Борисом Николаевичем три года, прихожу к выводу, что она, кажется, навсегда вошла в мою плоть и кровь, и теперь многое в жизни я вижу сквозь призму Ельцинского мировоззрения и не жалею об этом.

Вскоре открылась конференция, и он в первый же день отправил в президиум записку — дать слово для выступления. Но там все уже было расписано и разыграно, как по нотам, и такого «исполнителя», как Ельцин, в списках выступающих не числилось.

Однако каждое утро, в семь часов, он приходил на работу и вместе с секретарем Таней переписывал очередной

вариант — с учетом происходящего на конференции. Пять или шесть ночей он вообще не спал. Главный тезис в его окончательном (15-м по счету) варианте был связан с Горбачевым. Ельцин открыто критиковал Генсека и резко его упрекал в том, что-де перестройка была начата без четкого плана и что это архисложное дело надо было «заводить» с реконструкции самой партии, ее идеологического стержня — Центрального Комитета.

Но что любопытно: многое из того, что мы обсуждали в его кабинете, тут же становилось достоянием «гласности». У нас не было сомнений, что находимся в пределах досягаемости «большого уха». И поэтому мы слишком страховались, ибо знали — чтобы избавиться от негласного прослушивания, надо было до основания снести весь Госстрой и еще десять метров вглубь, выскрести все, что под ним... В этой связи припоминается один странный эпизод. Однажды вечером (из дома) я звонил в Пермь и в разговоре были кое-какие моменты, касающиеся моего шефа. Утром, когда я пришел на работу, позвонил незнакомый человек и попросил, чтобы я спустился к нему вниз. Он сам подошел ко мне и, после того как немного отошли от подъезда, спросил: звонил ли я в Пермь? Я подтвердил. И незнакомец тогда сказал: «Будьте осторожны в разговорах по телефону». И, ни слова больше не говоря, повернулся и ушел.

У нас в Госстрое работал Владимир Павлович Юрченко, совмещая работу эксперта при председателе Госстроя с должностью начальника отдела КГБ. Это ни для кого не было секретом, он часто заходил к Борису Николаевичу и как бы незначай «пропускал» какую-нибудь интересующую нас информацию. Однажды он пригласил меня к себе и спросил: «Ну как, Лев Евгеньевич, работается?» Я хотел было отделаться общими фразами, но не утерпел и рассказал ему о звонке в Пермь и предупреждении незнакомца. Юрченко рассмеялся и, сказав: «Сейчас я там наведу переполох», — стал куда-то звонить. Он возмущался «грубыми методами работы...» То есть я лишний раз убедился, что мы находимся под большим, очень тяжелым и очень прозрачным колпаком.

Когда однажды в моем доме возник пожар (в подвале загорелся оставленный строителями битум), то сразу же во всех квартирах были отключены телефоны, во всех, кроме моей. Как будто это была негоряемая, абсолютно автономная линия, которая должна функционировать независимо ни от огня, ни от атомного взрыва. Случайность? Не думаю...

Уже после путча мне показали в КГБ несколько томов негласно собранной на меня оперативной информации. Все мои встречи и телефонные разговоры были зафиксированы и подшиты «к делу».

Но вернемся к XIX партконференции.

Ельцин, если уж замахивался, то всегда бил, причем попадал в самое уязвимое место.

И первый мощный удар системе, державшейся на ходулях демократического централизма, он нанес именно на XIX партконференции. Это был реванш за поражение на октябрьском Пленуме, хотя сам Борис Николаевич так не считал. Представляемый им «счет» правящей партии дал ему такое народное признание, о котором мог только мечтать любой политик. (О том, как Ельцин в буквальном смысле слова прорывался на трибуну, он рассказывал в своей «Исповеди на заданную тему».)

Растиражированные в многомиллионном потоке газет ельцинские слова распространились по стране, восхищая и обнадеживая «демократов». И ярый заступник партии, бодренький Егор Кузьмич Лигачев попал в анекдотическую ситуацию, когда на весь белый свет бросил репризу: «Борис, ты не прав!» Анекдот, родившийся на партийном форуме, автором которого стал самый правоверный большевик, «запачкал» не только его самого, но и весь высокий ареопаг и самого главного держателя перестроечных идей — Горбачева.

Перед партконференцией мы с Борисом Николаевичем много раз возвращались к вопросу о реабилитации, о которой он попросил на конференции. Позднее многие его ругали, упрекали в слабости... Но он должен был

пойти на этот шаг, хотя бы для того, чтобы вынудить оппонентов выбросить на стол главные козыри. Этот свой поступок Ельцин потом объяснил так: «Реабилитация через 50 лет сейчас стала привычной, и это хорошо действует на оздоровление общества. Но я лично прошу политической реабилитации при жизни. Считаю этот вопрос принципиальным, уместным в свете провозглашенного в докладе (имеется в виду доклад Горбачева на XIX партконференции. — Л.С.) и в других выступлениях социалистического плюрализма мнений, свободы критики, терпимости к оппоненту».

Конечно, сегодня таких слов, с толикой просительной-извиняющейся интонации, от Ельцина ни за что не дождешься. Тогда многие восприняли их как приглашение Политбюро к компромиссу. Но как бы там ни было, демарш Ельцина относительно реабилитации помог ему, как в свете фотовспышки, зафиксировать позиции его противников. Из этого вытекали и методы защиты... В одном просчитался Ельцин: он не предусмотрел ответный тактический ход Горбачева и его клеветов. Ельцин рассчитывал свою речь подать «на десерт» конференции и, хлопнув дверью, заставить ее проглотить. Но Горбачев в повестку дня внес вдруг существенные изменения: вместо того, чтобы после перерыва (последнего дня конференции) заняться обсуждением общих вопросов, спустил с партийного «поводка» первого секретаря Пролетарского райкома Москвы Лукина и директора завода имени Орджоникидзе Чикирева и придал им «гаубичную артиллерию» — Е.К. Лигачева. И как ни странно, это на какое-то время смутило дух Ельцина, на несколько дней вывело его из равновесия.

Однако у меня на этот счет было совершенно другое мнение. Ельцин тогда не проиграл, а крупно выиграл: он публично, на глазах всей страны, задрал партии подол и дал ей хорошего шлепка. Правда, та тоже взбрыкнула и ненароком задела пяткой смутьяна. Было, конечно, больно, и, наверное, от боли смутьян недооценил свой успех и позволил себе раскиснуть.

Реакция на дуэль Ельцина с Лигачевым была в Госстрое однозначной: «Ну и разделал Лигачев нашего... Ну Егор врезал... Тоже мне Каменев нашелся, реабилитации захотел...» В нашем офисе Ельцина многие ненавидели, да и за что им было любить человека, покусившегося на их спецпайки и спецпривилегии.

Ельцин в своем выступлении на конференции указал людям «нарыв» и инструмент, с помощью которого этот нарыв можно вскрыть. К нам в Госстрой письма и телеграммы пошли пачками. Звонили со всех концов страны — поддерживали. Пользуясь боксерской терминологией, Ельцин в летне-осеннем «раунде» нанес своему противнику несколько мощных апперкотов и, хотя сам пропустил «прямой», — вышел все же в «следующий круг». Только надо было хорошенько отдышаться. И Ельцин, в июле 1988 года, отправился на отдых в Юрмалу, в правительственный санаторий «Рижский залив».

ПЕРВОЕ ИНТЕРВЬЮ

Лето 1988 года на Рижском взморье стояло просто превосходное. Насколько мне известно, это была не первая поездка Бориса Николаевича в Латвию, где ему очень нравилось. Он много играл в теннис, бадминтон, купался.

Однажды, когда он гулял с Наиной Иосифовной среди разноцветных торговых палаток, к нему подошел корреспондент газеты «Юрмала». Борис Николаевич со свойственной ему дотошностью расспросил журналиста — кто он, в какой газете работает, о чем может дать интервью и т. д. В разговор, однако, вмешалась Наина Иосифовна и сказала, что, может, пока не стоит связываться с газетами, ибо у Ельцина и так много хлопот с Соломенцевым.

— Да ладно, ничего страшного, — махнул рукой Ельцин и назначил корреспонденту день встречи.

Позже в своей «Исповеди» он рассказал о том, как после бесцеремонного замалчивания нашей прессой его имени, он дал два интервью западным агентствам, что и вызвало жгучую «ревность» в ЦК. После этого его пригласил к себе «на ковер» Соломенцев и, видимо, по инерции хотел «надрать уши» диссиденту из Госстроя, однако тот сам, перейдя в атаку, сделал хорошую выволочку председателю КПК. Со слов шефа известно, что он тогда говорил на Старой площади: партия, дескать, лишила его законного права обращаться в средства массовой информации, что совершенно недопустимо и антиконституционно. «Каждый человек, — сказал он, — имеет право на свободу слова, тем более когда сама партия провозгласила политику гласности. Или это голая пропаганда, рассчитанная на наивный Запад?»

Конечно, престарелый номенклатурщик Соломенцев понимал всю тщетность призывов к Ельцину быть сдержаннее в отношении «вражеских голосов». Хотя он и не мог не знать, что средства массовой информации страны сделали все возможное, чтобы похоронить имя опального свердловчанина под глыбами своих многомиллионных тиражей. Обкомы, райкомы, парткомы предприятий, отвечающие за свои печатные органы, были зорки и бдительны. Ни одна строчка о Ельцине в печать не просачивалась. Еще перед отъездом в Латвию он дал интервью журналу «Огонек» и АПН, но оба они так и не увидели света.

Особый разговор о Полторанине — бывшем редакторе газеты «Московская правда», которого Ельцин назначил на эту должность, став первым секретарем МГК. До этого Полторанин был сотрудником газеты «Правда». И, справедливости ради, хочу засвидетельствовать: этот человек сделал многое для развития гласности. В «Московской правде» в «эпоху» Ельцина практически не было запретных тем, и такие материалы, как «Кареты у подъезда», сделали бы честь любому изданию.

И когда убрали Ельцина с поста первого секретаря МГК, то, естественно, вынужден был уйти и Полторанин. Он перешел работать в АПН.

Часто бывал в Госстрое, они встречались в кабинете и на даче Ельцина, вели конфиденциальные беседы, и однажды Борис Николаевич сказал мне, что он дал Полторанину пространное интервью. И более того, с вероятным выходом его за рубеж, чему будет способствовать редакция газеты «Московские новости». При нашей-то цензуре — дело фантастическое!

Ельцин, однако, очень ждал этого материала, который он считал в какой-то степени программным. Но пришел месяц, второй, третий, а интервью ни в одном издании так и не появилось.

Мы стали разыскивать Полторанина, и вскоре Ельцин окончательно понял — интервью не будет опубликовано. Но в какой-то степени Полторанин исправил ситуацию: он

сам дал интервью итальянской газете (по-моему, «Републике»), подвергнув беспощадной критике руководство Политбюро и одновременно постарался честно сказать о Ельцине.

...Так вот, когда к нему подошел корреспондент газеты «Юрмала», Ельцин тоже не очень оболежался на его счет. И тем не менее, блокируемый аппаратом и лишенный всякой возможности использовать прессу в качестве широкой трибуны, он пошел на контакт с местным журналистом. И хотя у редактора «Юрмалы» тоже были потом свои сложности с горкомом партии, интервью все же опубликовали в полном объеме. И не только в газете «Юрмала», но и в расходящейся по всему Союзу «Советской молодежи». Это была спланированная одновременная акция двух газет. Интерес к «новой информации» о Ельцине был огромен: интервью перепечатывали и пересылали люди, уже угадывающие в Ельцине будущего демократического лидера.

В Госстрое юрмальскую газету мы тоже распечатали на ксероксе и разослали по разным регионам России, уже тогда понимая, что грядут серьезные изменения в выборной системе, когда каждое публично произнесенное слово будет решать очень и очень многое.

Правда, для некоторых газет перепечатка из «Юрмалы» и «Советской молодежи» кончилась печально. Например, тираж иркутской газеты «Советская молодежь» с перепечаткой из латвийской тезки по приказу обкома был полностью уничтожен. В Кировской области такая же участь постигла другую молодежную газету. А всего около ста сорока изданий, больших и малых, перепечатали интервью с Ельциным, которое в свою очередь копировалось и в сотнях тысяч экземпляров разлеталось по стране.

В декабре 1988 года такую же перепечатку сделал журнал АПН «Спутник», расходящийся в сто стран мира. Но здесь была одна тонкость. Дело в том, что Горбачев (в декабре) готовился к поездке в США, и ему нужно было «алиби» в отношении опального Ельцина. Не было ни одной пресс-конференции, ни одной официальной встречи, чтобы

у него кто-то не поинтересовался: какова судьба отставного Ельцина? То был срочный засыл в почти готовый «Спутник», что говорило о росте популярности Бориса Ельцина, с которой партийным боссам уже следовало считаться.

Конечно, такое интервью могло бы появиться и раньше в советской прессе, но верноподданные редактора и их хозяева в обкомовских и районных «белых домах», словно церберы, зорко несли свою службу.

Интервью в латвийских газетах было серьезным прорывом в заговоре молчания вокруг имени Ельцина. Оно как бы удесятирило «вес» его выступления на XIX партконференции, развеяло многие сомнения, укрепило веру сторонников демократических преобразований.

В сентябре мне позвонил секретарь комсомольской организации Московской Высшей комсомольской школы Юрий Раптанов. Борис Ельцин получил от него неожиданное приглашение выступить перед слушателями школы. Я помню тот момент. Борис Николаевич был тогда в сером пуловере, в очках — выглядел как-то по-домашнему. После моих слов о звонке Раптанова он весь преобразился, глаза загорелись, и он, засунув руки в карманы, стал ходить по кабинету и вслух рассуждать: «Ну как, Лев, осилим?» Только благодаря настойчивости Юрия Раптанова и состоялась та встреча...

Я позвонил Раптанову и сказал ему, что мой шеф в принципе согласен выступить, только просил поставить в известность секретаря парторганизации и руководство ВКШ. Впрочем, секретарю парторганизации я позвонил сам, но вразумительного ответа от него так и не получил. Конечно, я понимал его затруднения: жил себе человек спокойно и вдруг — на голову Ельцин. Словом, не сказал ни «да», ни «нет». Хотя я уже знал, что в школу звонили из ЦК КПСС и руководству была дана четкая установка: делайте, мол, что хотите, но чтобы встреча с Ельциным не состоялась. Отсюда и невнятица партийного секретаря. Я понял, что в ВКШ быстренько ищут какую-нибудь зацепку, чтобы нас отфутболить. Что делать? Советуемся с Ельциным — может, ему самому съездить в школу и поговорить с руководством?

Здесь я должен объяснить, почему мы ухватились за возможность выступить в ВКШ. По сути, все ее слушатели — будущие работники так называемого идеологического фронта. Значит, скоро они разъедутся по стране и понесут в «массы» то, чему их научили и чем они сами запаслись в этой школе. Резерв партии — каков он будет? Тогда, разумеется, никому из нас не могло прийти в голову, что «руководящая и направляющая сила» вскоре вообще уйдет в небытие...

...Зал ВКШ был забит до предела, хотя никакой особой информации о встрече не давали. Перед нами находились одухотворенные лица не школяров, а будущих (новых) политических работников. Ельцин сразу же предупредил: «Буду говорить без перерыва, кто хочет, может уйти, не обижусь». Более трех часов «игры у сетки»: вопрос — ответ, вопрос — ответ... Причем, вопросы все как на засыпку: о Горбачеве и его жене, о членах Политбюро, о Прибалтике, о пристрастиях Бориса Николаевича, его отношениях с семьей, о Брежневе и Андропове... Записки сыпались, как из рога изобилия, и одна заковыристее другой. Ельцин тогда преследовал еще одну цель: выступая без перерыва, он как бы демонстрировал свое физическое состояние, ибо ходили слухи о его тяжелой болезни, и он отнюдь не желал быть в глазах людей немощным, вызывающим сострадание политиком.

На встречу приехал его бывший телохранитель Александр Коржаков. Он устроился за занавесом и записывал на магнитофон все выступление.

Ельцин, кажется, был в ударе, он держал аудиторию в таком напряжении, что мне порой было за него страшно. Казалось, добром все это не кончится, ибо то, что мой шеф тогда говорил, походило на сон. Он явно «работал» на опережение времени, и благодарные студенты, да и преподаватели тоже, своими вопросами как бы заключили с ним договор: мы, дескать, с вами, Борис Николаевич, солидарны и вы говорите все, что думаете, а там разберемся... И Борис Николаевич прекрасно понимал, что каждое

слово, произнесенное им, — это своего рода инвестиции в общественную мысль и что завтра или послезавтра страна будет знать каждое его слово. В тот вечер, после окончания встречи (после четырех или пяти часов работы), все мы были счастливы.

Когда мы вышли из ВКШ, от тротуара отъехали две черные «Волги», принадлежащие ЦК КПСС. Кто-то со Старой площади тоже слушал Ельцина. И действительно, вскоре на Пленуме Горбачев попенял ему: мол, что же ты, Борис Николаевич, настраиваешь против меня молодежь? И Ельцин ему возразил: «Молодежь сама достаточно зрелая, чтобы разобраться в элементарных коллизиях». Однако вскоре пришло еще одно подтверждение тому, что члены ЦК довольно агрессивно восприняли встречу в ВКШ и вроде бы даже затевают судебное дело против Ельцина. И нашли даже предлог: будто он выдал о членах Политбюро какие-то секретные сведения, кого-то даже оскорбил. Когда Ельцин об этом узнал, снова сник, настроение испортилось, а тут еще какой-то анонимный ругательный звонок по связи АТС-2, которой обычно пользуются номенклатурные особы средней важности.

Я ему говорю: «Разве можно все так близко принимать к сердцу? Они ведь знают вашу ранимость и будут специально морочить голову всякой белибердой». И между прочим, злопыхатели постоянно играли на его душевной уязвимости: грязными звонками и письмами били по нервам.

Однажды нам принесли какой-то текст, который на Арбате продавался за двадцать пять рублей. Когда я ознакомился с ним, моему удивлению не было предела. Оказывается этот текст не что иное, как фрагменты из выступления Ельцина в ВКШ. Я, естественно, показал ему этот «коммерческий экземпляр», и он тут же спрашивает: «А почему мы до сих пор не сделали своей стенограммы?» Действительно, — почему? И он посадил своих дочерей Таню с Леной за работу, и они распечатали те пленки, которые записал Саша Коржаков. Таким образом, у нас появилось двенадцать экземпляров машинописного текста, которые мы затем отдавали людям под расписку.

Из Перми приехал сотрудник газеты «Молодая гвардия» Валерий Дементьев и привез с собой типографский оттиск с выступлением Ельцина в ВКШ без заголовка и без фотоснимков. Этот оттиск мы показали Ельцину, и тот взялся внимательнейшим образом его читать, делая временами кое-какие исправления. Корреспондент уехал, а мы стали ждать из Перми известий. Но их долго не было, и в один из вечеров Борис Николаевич сам набрал номер телефона Пермского обкома партии и поинтересовался у дежурного: вышла ли молодежная газета с его выступлением? «Да, вышла, — подтвердили в Перми, — только название у статьи какое-то странное»... Смотрю, мой шеф меняется в лице, будто услышал о начале атомной войны. Он мне в тот момент напоминал боксера, пребывающего в тяжелом нокадауне. Положил трубку и на меня смотрит волком. «Вы знаете, Лев Евгеньевич, какой заголовок дали в этой газете?» — Я пожимаю плечами. — «Политик или авантюрист»... Поняли? — огорошивает меня Борис Николаевич. — Что бы завтра эта газета со статьей лежала у меня на столе».

Утром звоню в Пермь редактору «Молодой гвардии».

— Как же так, Ирина Федоровна, получился какой-то конфуз с заголовком...

— Да все нормально, Лев Евгеньевич. Разве кто-то сомневается — политик Борис Николаевич или авантюрист? По-моему, это однозначно — конечно, политик...

Я ей свое:

— Ирина Федоровна, вы мне голову не морочьте, лучше ответьте — почему такой странный заголовок?

И она объяснила, что есть такой журналистский прием, построенный на контрасте. Слово «авантюрист» обязательно вызовет у людей обратную реакцию и пойдет к нам поток писем в поддержку Ельцина. «А во-вторых, — сказала она, — никто нам не позволил бы такой материал печатать».

Вот это было уже ближе к истине. Через неделю в Москву снова приехал Валерий Дементьев и привез свежий номер газеты с опубликованными письмами-откликами на выступления Ельцина. Одна читательница с возмущением

писала: «Нам больно за то, что статья со странным, мы бы сказали, с бескультурным заголовком появилась в нашей молодежной газете... Неужели в вашем лексиконе не нашлось более благозвучного названия статьи?» Ну и так далее. И тогда я понял одну простую истину: когда за дело берутся профессионалы, не надо им мешать. Если, конечно, они что-то делают во благо.

И все же Борис Николаевич тем заголовком остался очень недоволен. Пришлось перед ксерокопированием материала заголовок закрыть листом бумаги.

Информация о выступлении в ВКШ распространялась по стране. Ее бесплатно перевозили из города в город пилоты гражданской авиации, командированный люд — словом, любой способ тогда был хорош.

Итог лета и осени 1988 года для Ельцина был особенно благоприятен. Ему удалось разорвать информационную блокаду, и этот прорыв начался с XIX партконференции, затем — юрмальское интервью и к финалу года — выступление в ВКШ... Все это создало серьезные предпосылки в предвыборной борьбе. Не прошло и года, как «выдворенный» с партийного Олимпа диссидент Ельцин, набрав форму, вновь вышел на политический ринг. Но пока он был один, его же противников — легион...

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

О выборах в Верховный Совет СССР написано много разного. И все же целиком обойти предвыборную кампанию и сами выборы я не могу, поскольку участие Ельцина в них важно было не только для него самого, но и для выхода демократических сил к законодательным рубежам. В конце концов Ельцин мог бы дожидаться выборов в Российский парламент и не в таких ураганных условиях завоевать его и стать тем, кем он стал — Президентом России. Но ждать неизвестно чего, конечно же, не в духе Бориса Николаевича. На него ориентировались, за ним, словно в фарватере мощного ледокола, шли легкие джонки и бригантины перестройки.

Каких-то грандиозных задач накануне выборов штаб Ельцина не ставил. Просто надо было баллотироваться и постараться обойти альтернативщиков. Все. Пока все.

И когда по Москве началось выдвижение кандидатов в депутаты, первым предприятием, которое назвало имя Бориса Николаевича Ельцина, был мой родной ЦНИИ «Проктсталь конструкция».

В Госстрой приехал мой товарищ по НИИ Саша Музыкантский (позднее ставший префектом Москвы) и привез с собой протокол выдвижения Ельцина кандидатом в народные депутаты СССР. Музыкантский был тем человеком, который стал первым официальным доверенным лицом Бориса Николаевича Ельцина. Всего их — десять человек (зарегистрированных) и примерно столько же работало в команде на общественных началах. Затем из одного совершенно «закрытого» предприятия явилась целая группа поддержки во главе со Львом Шимаевым.

Это тот человек, который организовал в Москве митинги демократов.

..Из Ростова в Москву приехал один симпатичный парень — Валерий Борцов. Человек с двумя высшими образованиями, какое-то время работал в райкоме партии и, когда начал конфликтовать с партчиновниками, ушел в грузчики. Я представил его Ельцину, и тот мне сказал, чтобы мы Борцова проверили. Для нас было важно: способен ли Валерий самостоятельно мыслить и излагать свои мысли письменно. Дали ему текст выступления Ельцина в ВКШ, чтобы из него Борцов синтезировал нечто вроде предвыборных тезисов. С этим он справился быстро, с необыкновенной легкостью. Хотя жилось ему в Москве, вернее в Подольске, где он снимал коечное место, очень нелегко, в Госстрой он приходил в девять утра и уходил поздно вечером. Фамилия была у него подходящая его натуре.

Многие приезжали к нам и говорили, что хотим помочь Ельцину. Из «революционного» Зеленограда прислали талантливых людей, которые впоследствии стали доверенными Б.Н. Ельцина: Викторию Митину и Сашу Гарнака. Один парень назвался журналистом с Сахалина и в доказательство показал статью о Хрущеве. Очень интересный и грамотно написанный материал. Однако он пропуском для зачисления в команду Ельцина служить не мог. Мы его, как и Борцова, решили испытать на том же тексте и на составлении тех же предвыборных тезисов. У парня ничего не получилось. Борцов не был журналистом, а с заданием справился легко, этот же «хрущевовед», вроде бы с наработанным пером, в новом деле, однако, оказался беспомощным. В целом же он был чрезвычайно активным и проявлял для новичка исключительную осведомленность. Например, когда нам понадобилось выйти на Московскую патриархию, он сделал это мгновенно. Хотя мы-то знали, какое это непростое дело. Потом пошли слухи, что этого человека часто видят на Лубянке. Однажды Борис Николаевич в лоб у него спросил: «Почему вас так часто видят в КГБ?» Он ответил, что у меня, дескать, там работает друг... Пришлось с

этим «помощником» расстаться. Большинство ополченцев приходило с предприятий, по рекомендации надежных людей. Борис Николаевич, как правило, с каждым из них разговаривал, «экзаменовал» взглядом, иногда сам выезжал на предприятия... У нас, конечно же, была элементарная страховка. И все же однажды интуиция подвела Ельцина. Одно из наших общественных доверенных лиц совершило компрометирующий Ельцина поступок: на избирательном собрании этот человек искажил выступление Бориса Николаевича и сказал то, на что полномочий не имел. Поговаривали, что он тоже в каком-то смысле причастен к делу на Лубянке.

По крупицам у нас сформировалась сильная команда: Музыкантский, Демидов, Шимаев, Михайлов, Гарнак...

Окружное собрание — это сито, сквозь которое только два кандидата попадали в «финальную пулю». Члены окружных собраний, как правило, набирались из «верноподданных» активистов, которые нагло мешали выдвижению демократов.

Ельцин баллотировался не только в Москве. Его кандидатуру выдвинули, разумеется, и в Свердловске, и в его родных Березниках, где он, без сомнения, проходил на все сто процентов. Вопрос — где баллотироваться — для Бориса Николаевича был принципиальным. Он хорошо запомнил слова Горбачева, сказанные на ноябрьском Пленуме МКК: «Вас, Борис Николаевич, москвичи отвергли...» — «Отвергли? Посмотрим!» И, сделав на всякий случай ставку на Березники, Ельцин дал согласие баллотироваться в самом большом в стране национально-территориальном округе номер 1. Он хотел получить вотум доверия от шести миллионов москвичей. Конечно, стремился быть избранным, но только не любой ценой, а так, чтобы его победа ни у кого не вызвала сомнений. Риск? Безусловно, но ведь в резерве еще был Урал. А во-вторых, первый избирательный округ подходил ему еще и по сугубо прагматическим соображениям. В нем баллотировались Воротников и еще какой-то малоизвестный кандидат. Так что здесь было мно-

го места для маневра, тем более кандидатура Воротникова уже тогда не была конкурентоспособной. В других же районах выдвигалось по десять-двадцать кандидатур на одно место, и особенно много альтернативщиков появлялось там, где баллотировался Ельцин.

И каково же было наше удивление, когда буквально за два дня до окончания выдвижения кандидатов в том же национально-территориальном округе номер 1 появилось ... 32 кандидата. У партаппарата явно сработал инстинкт самосохранения, и он бросил все силы, чтобы отобрать голоса у Ельцина. Для нас все это было уже прочитанным «букварем» закулисной возни. В новых списках появились новые фамилии, в том числе космонавта Гречко (на решающем окружном собрании отдавшего свои голоса Борису Николаевичу) и директора ЗИЛа Бракова. На него-то и делали ставку в ЦК.

И все же наши аналитики посоветовали Ельцину не снимать своей кандидатуры, ибо победа в округе номер 1 давала ему хороший шанс попасть в Совет национальностей. На «финальном» окружном собрании, в Колонном зале, на Ельцина обрушился град провокационных вопросов. Главным обвинением было то, что он, дескать, борется с привилегиями, а сам живет в доме ЦК, пользуется медицинскими услугами четвертого управления Минздрава, хотя к тому времени он уже перешел в районную поликлинику, что его дочь Лена якобы получила квартиру незаконно. Однако Ельцин запретил нам очернять соперников, особенно главного из них — Бракова. Правда, и Браков принял условия борьбы и тоже не стал открыто обливать Бориса Николаевича грязью. Но когда мы приехали на ЗИЛ, откуда выдвигался Браков, все было сделано так, чтобы встреча провалилась. Рабочих отпустили в отгулы, а зал заполнили аппаратчики и администрация. У работника, желающего выступить, на руке был написан номер — очередность выступления. И каждый старался как можно больше «ударить» Ельцина. Но он вел себя мужественно и не принял грязных методов борьбы. Зато, когда сели в машину, дал волю чувствам: сокрушался, скрипел зубами...

Почему так зашевелился «муравейник» на Старой площади? У меня сохранилась копия документа, в котором все было расписано по пунктам с целью провала Ельцина на выборах.

Это «рабочая памятка» для политического убийства. И на некоторых предвыборных собраниях я часто слышал (слово в слово) целые абзацы из этой рожденной в недрах ЦК «памятки».

Вот только одна выдержка из того документа: «Он (Ельцин, — Л.С.) не из тех, кто будет занимать на съезде народных депутатов взвешенную позицию. Ринется в политическую схватку. Чем все это закончится?» Как в воду смотрели: закончилось тем, чего они больше всего боялись, — крахом КПСС, чему очень способствовал ненавидимый ими Ельцин. Но в принципе ее авторов можно было понять: Ельцин, не скрывая, катил на партию такую «бочку», из-под которой не всякий мог выкарабкаться. И не маскировал своих намерений: утверждал, что партия, доселе подменявшая все государственные структуры, с выбором парламента должна будет уступить ему место. Чего ей очень не хотелось делать.

В конце 1988 и в начале 1989 года за такие мысли среди коммунистов еще считалось особой доблестью принародно «высечь» бунтаря...

В бой вступили «рабочие» члены ЦК — доярки с кухарками, осуждающие «антипартийные» высказывания Ельцина. Был даже созван Пленум ЦК КПСС: формально — по сельскому хозяйству. Текст резолюции этого Пленума насчитывал 61 строку — 44 из них были «посвящены» Ельцину. Вот как «любили» и «чтили» коммунисты своего «заблудшего сына».

Надеялся ли Ельцин на победу в выборах? На Урале — вне всяких сомнений. В Москве — был риск. Однако наши аналитики предсказывали благоприятный исход. Они ссылались на то, что людям осточертела партия, которая гробила все живое. Люди, особенно среднее поколение, ощущали всю свою пришибленность и мечтали только о том,

чтобы каким-то образом начать менять свое позорное существование. И Ельцин оказался как раз тем человеком, который, зная повадки и жуткую ограниченность своих бывших «олимпийцев», реально мог противостоять им. И чем больше его били, тем ближе он становился своим потенциальным избирателям. Нужно было недюжинное мужество, чтобы одному выйти против стаи, как он называл весь ЦК и все Политбюро. Это потом его поддержали миллионы, а вначале ельцинские баррикады были не очень надежны.

Растерявшаяся партия и ее боевой отряд КГБ дали откровенную промашку. А будь они понаглее и будь у них тогда настоящие лидеры, не пришлось бы спустя три года, творить государственный переворот. Ведь, по существу, в августовские дни в прицелах снайперских винтовок в основном маячила фигура Ельцина. В 1991, как и в 1988, 1989 и 1990 годах, он был для партии главным «сукиным сыном».

«Ну хорошо, — рассуждали мы, — пройдут выборы, Ельцина изберут, и он попадет в Верховный Совет. Какие у него шансы занять там какую-нибудь ключевую позицию?» Ясно было, что Ельцин не сможет сразу же конкурировать с Горбачевым.

Однажды мне позвонил мой знакомый из ВС СССР, и мы договорились встретиться. Тогда он дал мне раскладку всех должностей в новом Верховном Совете СССР. Я понял, что места для Ельцина в том списке не нашлось, и этот же знакомый мне сказал, что в этом смысле хорошо поработал аппарат Лукьянова и что большинство депутатов будут голосовать против Ельцина.

Должность председателя Совмина СССР тоже рассматривалась демократами, но была сразу же отвергнута. К ней, думали мы, на том «горбачевском» съезде не дадут даже приблизиться. Собрались свердловчане и решили, что Ельцину все же надо выдвигаться на самую высокую должность — Председателя ВС СССР.

Сначала хотели, чтобы это предложение исходило от Бурбулиса (позднее — Госсекретаря и первого вице-преьера России), но Бурбулис сам был из Свердловска, и по-

тому его предложение могло показаться депутатам неубедительным. Позвонили «нейтралу» (в географическом смысле) депутату Оболенскому, и где-то около двенадцати ночи наш представитель конфиденциально встретился с ним в гостинице «Россия». Договорились, что Оболенский на Съезде народных депутатов предложит кандидатуру Ельцина. В тот день я с нетерпением ждал этого момента у телевизора, и каково же было мое изумление, когда Оболенский, подойдя к микрофону, предложил... свою кандидатуру. Это для Ельцина и его окружения было большим откровением. И мы поняли, что сделано это было неспроста, — видимо, кто-то с Оболенским неплохо «поработал» и... «переубедил» ...

Свободные выборы — это великолепная мужская игра. В ней как в зеркале отражаются человеческие страсти, характеры. В ней можно приобрести высокий человеческий рейтинг, но можно все безнадежно проиграть.

Кто же в конце концов выиграл? Горбачев ли, поддавшийся соблазну «обвенчаться» с Генштабом и «штабом» на Старой площади, Лукьянов ли, тихой сапой манипулирующий Верховным Советом, или все же Ельцин, которого «толкали и пихали», но которого не дал в обиду народ.

ЕЛЬЦИН ОТКРЫВАЕТ АМЕРИКУ, АМЕРИКА — ЕЛЬЦИНА

Июль 1989 года. Позади кошмар предвыборного марафона. Мы с Борисом Николаевичем работаем в гостинице «Москва». Здесь обосновался комитет Верховного Совета по вопросам архитектуры и строительства, председателем которого избран Ельцин. И вот, видимо, в пору отпусков и некоторого затишья парламентской текучки родилась идея заокеанского путешествия. В конце концов не помещает, думали мы, набраться международного опыта, посмотреть жизнь в заморских странах, чему-то поучиться и, разумеется, показать себя. И когда я вернулся из отпуска (а я проводил его на своем садовом участке), мне сказали, что уже ведутся переговоры о поездке Ельцина в США и что к этой поездке имеет какое-то отношение вновь испеченный Фонд социальных изобретений, который возглавляет ученый из Новосибирска Геннадий Алференко. Располагался этот фонд в здании «Комсомольской правды», под эгидой которой, собственно, и учреждался.

Еще будучи в Новосибирске, Алференко опубликовал убедительную статью о социальных изобретениях, рождающихся в недрах народа, но совершенно экономически не защищенных. «Хорошо бы, — развивал дальше свою мысль Алференко, — создать фонд социальных изобретений»... И как часто бывает, этой публикацией господин случай распорядился по-своему. «Комсомольская правда» со статьей Алференко попала на глаза Раисы Максимовне Горбачевой, и та, увлекшись проектом новосибирского ученого, обратила на проблему внимание своего супруга. Михаил Горбачев поддержал идею создания фонда. Так судьба фонда и самого Алференко, по существу, была ре-

шена. Ученого пригласили в Москву, и он, не откладывая, прибыл в столицу. А затем при содействии заместителя директора одного из московских НИИ Виктора Ярошенко и обозревателя газеты «Комсомольская правда» кандидата экономических наук Павла Вощанова начал создаваться Фонд социальных изобретений. Параллельно с ним формировался так называемый Институт парламентских связей, генеральным директором которого стал Виктор Ярошенко. Впрочем, все еще было на бумаге, когда зародилась идея «свозить» Ельцина в США. Не без помощи Программы советско-американских обменов Института «Эсален». Представителем его был некий Джим Гаррисон, контакты с которым у Алференко, по-видимому, были давние.

Когда я встретился с Алференко, Вощановым и Ярошенко, то заинтересовался у них: что собой представляет Фонд социальных изобретений, кто собирается оплачивать поездку в США, кто организует билеты, перелеты, содержание и прочие тонкости предстоящего путешествия? И эти люди меня заверили, что все будет организовано на высоком уровне и с материальными выгодами для Ельцина. Речь шла о том, что Борис Николаевич без особых проблем прокатится по Америке, кое-где выступит с лекциями, за что и получит неплохой гонорар. Ибо Америка — такая страна, где каждое слово чего-то стоит, а тем более слово такого деятеля, как Ельцин.

Узнав условия поездки, Борис Николаевич сначала категорически отказался участвовать в таком «коммерческом турне». Но затем, прояснив ситуацию с платными лекциями, согласился на гонорары, в надежде использовать их не только для собственных нужд, но и на покупку одноразовых шприцев для наших больниц.

Когда программа визита в США была в общих чертах готова, мы всей нашей командой (из пяти человек) собрались на совет. Один из вариантов программы я отдал на рассмотрение Борису Николаевичу, и он его как следует скорректировал, ибо понимал, что справиться со столь загруженным расписанием у него просто не хватит сил. И уже сокращенную и согласованную программу я передал

в руки Алференко, который заверил меня, что все наши замечания американской стороной будут учтены.

Поставили в известность посла США Д. Мэтлока, который за день до нашего вылета в Нью-Йорк прибыл в гостиницу «Москва». Его принял Ельцин, беседа продолжалась около часа. Г-н Мэтлок — весьма интеллигентный политик, дипломат высшей квалификации, пользующийся большим авторитетом в Белом доме. Борис Николаевич попросил его посодействовать в организации встречи с Президентом Бушем. Мы тогда еще не знали, что собой представляет Институт «Эсален» и кто такой Джим Гаррисон. Правда, Мэтлок знал Гаррисона, но зато мы не ведали, каков представительский уровень этого джентльмена. А зря не удосужились поближе познакомиться с человеком, от которого во многом зависело качество визита в США.

Как бы там ни было, Мэтлок пообещал содействовать встрече Ельцина с Бушем, но предупредил, что, дескать, визит у вас, господин Ельцин, неофициальный и потому питать большие надежды на встречу с Президентом Америки не стоит. Он недвусмысленно дал понять, что главе Белого дома будет затруднительно встречаться с человеком, который находится в откровенной оппозиции к Горбачеву и является сопредседателем Межрегиональной депутатской группы, которая тоже идет вразрез с политикой «апостола перестройки». Для Ельцина же встреча с Бушем была принципиальным моментом. Однако американцы в то время еще азартно увлекались «преферансом» Горбачева, стараясь не задеть его легкоранимое самолюбие.

И когда каждый день визита в США был продуман, когда все детали были оговорены, а билеты куплены, мы выехали в Шереметьево и в элегантном «Боинге» устремились в сторону Атлантики.

Летели мы высшим классом. Настроение у меня было прекрасное, хотя не совсем верилось в происходящее: вот я, Левка с Красной Пресни, чьи родители умерли, так и не познав человеческой жизни, лечу в великолепном самолете в неведомую для меня Америку. И не просто лечу в Америку, а сопровождаю замечательного человека, кото-

рого бесконечно уважаю... Нет, мы направляемся на Американский континент отнюдь не как туристы: США должны близко познакомиться с этим выбирающимся из небытия политиком...

И поскольку перелет предстоял долгий, мы подготовили для Бориса Николаевича много справочных материалов, в основном касающихся экономики, государственного устройства, истории, биографии президентов... Перед самым отъездом к нам приезжали заместители Арбатова из Института США и Канады. Снабдили Ельцина богатейшей информацией, сориентировали его в области политики, американского образа жизни, оговорили отдельные вопросы, которые вероятней всего будут задавать нам в Штатах.

Во второй, официальной, поездке в США все было уже гораздо проще — ее готовил целый штат сотрудников российского МИДа и сам его глава сопровождал Ельцина. А тогда, в сентябре 1989 года, союзный МИД палец о палец не ударил, чтобы как-то способствовать нашей поездке...

...Во время полета Ельцин, переодевшись в спортивный костюм и домашние тапочки, вовсю штудировал «американскую литературу», а когда в чем-то хотел разобраться более основательно, приглашал к себе Вощанова, Ярошенко и Алференко. Они летели в бизнес-салоне, и это была уже не первая их поездка в США.

Любопытный эпизод произошел с нами на борту «Боинга». Когда мы, устроившись в удобных креслах, нашпиговывали себя сведениями об Америке, к нам подошла симпатичная женщина и на чистом русском языке представилась: Вера фон Верен-Гарчински, дочь бывшего кронштадтского коменданта Верена, расстрелянного в 1918 году. Вера была известным психологом, профессором Сити колледжа. Вкратце она рассказала о себе: она единственная американка русского происхождения, награжденная Почетной медалью, которую в США вручают детям и внукам эмигрантов — за блестящее представительство русского наследия. Она также была корреспондентом и членом Московского пресс-клуба «33 и 1». После столь яркого «представительства» Вера попросила Бориса Николаевича дать ей неболь-

шое интервью. «Пожалуйста, я не против», — сказал Ельцин и вместе с ней поднялся на верхнюю палубу «Боинга».

Полтора часа продолжалась у них беседа. Причем, судя по улыбке, с которой он потом спустился вниз, разговор доставил обоюдное удовольствие.

И вдруг, через какое-то время, ко мне подходит стюардесса и тоже по-русски говорит: «Господин Суханов, вас просят к выходу». Я, разумеется, встал и пошел за стюардессой. Выхожу, смотрю, стоит Вера фон Верен с абсолютно паническим выражением лица. «Что произошло?» — спрашиваю у нее. «О, ужас! Я полтора часа говорила с господином Ельциным впустую... Магнитофон... Иссякли батарейки». Вот уж действительно конфуз. И она просит: «Господин Суханов, вы должны меня выручить». И Вера дала мне свою визитную карточку, фотографии, статьи из газет и очень живо начала рассказывать о себе, все время подчеркивая, что знакома и несколько раз встречалась с Барбарой Буш и т. д. Я ей ответил, что понимаю ее «трагедию», но чем собственно могу помочь? Проговорили мы с ней довольно долго, и, насколько это было возможно, я удовлетворил ее любопытство. Разумеется, я ее интересовал только как помощник Ельцина, и у меня до сих пор не проходит ощущение, что разыгранная сцена с батарейками — всего лишь прием, дабы получить дополнительную информацию. И если это так, то Вере надо отдать должное, она своего добилась, что впоследствии и нашло отражение в американской прессе. А кроме того, Вера занимается благотворительностью, помогает советским деятелям культуры. По ее приглашению в США побывали многие советские граждане и с помощью лекций, организованных фон Верен, стали по существу экономически независимыми людьми...

...Когда я вернулся к Борису Николаевичу и рассказал ему о «трагедии» Веры, он долго смеялся. Затем мы пришторили иллюминаторы, закутались в мягкие пледы и стали смотреть какой-то американский вестерн. И когда добродетель в «видике» взяла верх над злом, а мы с Борисом Николаевичем досматривали свой первый воздушный сон, шасси «Боинга» мягко коснулись бетонки аэропорта имени Дж. Кеннеди.

НЬЮ-ЙОРК: ГДЕ ЗДЕСЬ БЕЗДОМНЫЕ?

Нас встретили советник Буша Джим Гаррисон и Грегори Гуров — американец русского происхождения, который является координатором президентской инициативы по американо-советским обменам при информационном агентстве США. Ельцина также ждали тридцать пять представителей национальных и местных средств массовой информации.

Бориса Николаевича посадили в отдельный автомобиль, я с переводчиком поехал во втором, а в третьем — Воцанов, Ярошенко и Алференко. По дороге из аэропорта в Нью-Йорк я не мог оторвать взгляда от зрелища за окном лимузина. Я понимал, что попал в совершенно иной, как бы зазеркальный мир, чему аналогов в моем воображении еще не было. А когда увидел величественные небоскребы, меня как инженера-проектировщика заела зависть. Я очень люблю Москву, родился и вырос в ней, но когда увидел Нью-Йорк... Здесь не было ни одного похожего друг на друга здания (это в целом относится ко всем городам и сельским районам США), меня буквально потрясло их техническое воплощение. Поразило и то, как рационально американцы используют рельеф, насколько разнообразен город в эстетическом смысле. Я видел гигантские небоскребы, словно воздвигнутые из уральского хрустала, отражающие в себе всю гамму цветов южного неба. Стоял великолепный сентябрьский день, и такого яркого и глубокого неба я давно не видел...

Нас привезли в комфортабельную гостиницу в центре Манхэттена. Расселили: Ельцина — в двухъярусные апартаменты, внизу роскошный холл с очень красивой, свободно расставленной мебелью и с такой же роскошной спальней наверху.

Когда вещи были распакованы и разложены по шкафам, мы собрались в холле у Бориса Николаевича и всей командой уселись за стол. Как я уже говорил, еще в Москве, когда Ельцин знакомился с программой визита в США, он многие пункты из нее изъясил. Он отдавал себе отчет в том, что такую программу он физически не осилит. И вот уже в гостинице Нью-Йорка, в присутствии Джима Гаррисона, мы еще раз стали согласовывать ее по пунктам. И тут же выяснилось неприятное разночтение: оказывается, Гаррисон пренебрег нашими поправками и оставил график пребывания в США в прежнем, супернасыщенном виде.

Я смотрю на Вошанова и Алференко с недоумением, но они только пожимают плечами. А когда мы обратились за разъяснениями к самому Гаррисону, тот сделал вид, что вообще ничего не знает. Потом, конечно, выяснилось, что он обо всем знал и программу не сократил только потому, что боялся потерять большие деньги.

Борис Николаевич, посмотрев график предстоящих мероприятий, заинтересовался у Гаррисона: а где, мол, обещанная встреча с Бушем? На что получил ответ: «Такая встреча вероятнее всего состоится, только вопрос пока прорабатывается, этим уже занимается помощник Президента».

Переводчиком у нас был Гарри Колтер, прекрасно говорящий по-русски. Он — профессионал. Обычно его приглашают тогда, когда приезжает какая-нибудь важная делегация из Союза. Позже я узнал, что за свои праведные труды Гарри получал пятьсот долларов в день. К нам представили двух телохранителей из какого-то полицейского ведомства. Эти ребята исправно несли службу, и у нас к ним не было ни малейших претензий.

В Нью-Йорк мы прилетели в 14.35, и сразу же Ельцин встретился с газетчиками и телевизионщиками, а уже в 19.00 началась наша программа: прогулка по Нью-Йорку, встреча с бездомными. Наверное, только в извращенной «советской голове» может возникнуть идея начинать знакомство с чужой страной с ее язв... Однако все по поряд-

ку. Мы вышли из машин и отправились гулять по широким нью-йоркским улицам. И хотя они были намного шире нашей Тверской, однако, терялись в ущелье небоскребов и люди на них походили на лилипутов.

Меня поразило изобилие фруктов и овощей, которые буквально горами возвышались на тротуарах. Ананасы, которые в Москве стоили по двести рублей за штуку, в Нью-Йорке — один-два доллара. Вам нужны апельсины и лимоны? Нет проблем, господа, — Нью-Йорк такой город, где кажется, произрастает вся экзотика мира.

Ради любопытства мы посетили небольшой магазинчик, где продается спиртное. Помещение крохотное, и в нем не было ни одного не занятого товаром сантиметра. «Столичная», «Смирновская», «Горбачевская», «Московская», бесчисленное количество виски, коньяков, ликеров... Мне тут же вспомнился московский магазин, где в очереди однажды задавили человека, и милиция, чтобы навести порядок, вынуждена была стрелять в воздух.

Нас сопровождал один начинающий бизнесмен, хорошо говорящий по-русски. Сказав, что хочет нас удивить, он подошел к автомату (похожему на автомат размена денег в метро) и с помощью электронной карточки-жетона получил «из рук» «банкомета» 1000 долларов.

После этого мы поднялись в лифте на смотровую площадку 102-этажного Эмпайр-стейт-билдинга. И наверное, потому, что это были самые первые впечатления, вечерний Нью-Йорк, увиденный с высоты птичьего полета, запомнился на всю жизнь. Кстати, не надо забывать, что мы были пришельцами из «антимира» и в наших головах насчет США царил вселенский хаос. Смешно сказать, иногда мне снится Америка, где очень красиво и очень сумеречно и где всегда царит какая-то тревога. Зловещий колорит... «Компромат» на США всегда жил в моем подсознании, ибо, сколько я себя помню, мне постоянно талдычили, что негры и индейцы — заложники этой страны, живут в резервациях, люди спят на помойках и что вся Америка — это сплошная несправедливость, апофеоз социальных контра-

стов. (Боже мой, где их нет, этих социальных контрастов!) Вот, наверное, почему мне захотелось увидеть (или наоборот — не увидеть и тем самым как бы «реабилитировать» Америку. Не смешно ли?!) «знаменитых» американских бездомных. И такое же ощущение возникло не только у меня одного. Борис Николаевич спросил у переводчика: «А где тут ваши бездомные?»

Нас привели на огороженную площадку, и там мы увидели несколько корейцев и темнокожих людей. Но по виду, по поведению и одежде их никак нельзя было ассоциировать «с идеальными» представителями «армии» бездомных. Во всяком случае они не производили впечатления людей, находящихся на грани голода и нищеты. Некоторые из них, увидев Эльцина, начали восклицать: «О, Эльцин, Эльцин!» Вот тогда Борис Николаевич произнес слова, которые затем стали достоянием всей Америки: «Хорошо бы нашим странам провести обмен своими бездомными». Потом кто-то из сопровождающих сказал: «Эти люди бастуют не потому, что им негде жить, а потому, что хотят иметь свою землю для строительства домов».

Средний заработок в Америке составляет 3000 долларов, а цена одного ананаса, как я уже говорил, — 1—2 доллара. Кто пожелает, может легко сравнить эти цифры с аналогичными нашими...

Первый познавательный день в США закончился без особого напряжения. Мы вернулись в гостиницу, утомленные и растревоженные увиденным.

ДЕНЬ ВТОРОЙ. «СВОБОДА» И СВОБОДА

Американские средства массовой информации не цитировали слова Бориса Николаевича о его повороте на 180 градусов во мнении о США и американцах.

Эти слова Ельцин произнес в первые дни пребывания в Штатах в одном из интервью. «Всю мою жизнь, — сказал он, — я представлял себе Америку по нашим учебникам истории. Теперь, за полтора дня пребывания здесь, мое представление о США изменилось на 180 градусов. Похоже, что капитализм не находится на последней стадии загнивания, как нас учили... Наоборот, похоже, капитализм процветает. То, что вы называете трущобами, у нас было бы вполне нормальным жилищем».

Второй день неофициального визита начался в восемь утра с интервью телекомпании Си-би-эс, ее программе «Лицом к стране». Число зрителей — 1,5 миллиона человек. Ельцин тогда заявил, что у него не две правды, ибо правда одна и он ее придерживался в СССР и будет придерживаться здесь, в США. Было много вопросов, связанных с отношениями Ельцина с Горбачевым. Потом все эти вопросы превратятся в дежурные и будут с небольшими вариациями возникать всюду, где бы мы ни находились.

После интервью с Грегори Гуровым нас принял известный миллионер Боб Шварц. Собрались у него дома, в фешенебельном здании, окна которого выходят в Национальный парк. Меня поразили «холодные» мраморные полы, такие же подоконники, и никаких перегородок — лишь колонны разделяли огромный холл, где проходила встреча. Завтрак состоялся в десять утра, после чего, по инициативе Боба Шварца, на машинах мы отправились на вертолетную площадку. Погода стояла исключительная и пото-

му, наверное, сам Нью-Йорк и статуя Свободы произвели на нас неизгладимое впечатление. Это была фантастическая фигура на фоне бирюзовой лагуны, и ее («Свободы») позолоченный факел на солнце казался ослепительно огненным. Лучший символ свободы просто трудно представить! Мы пролетели над статуей один раз, затем, сделав широкий разворот, снова облетели ее. Именно тогда Ельцин шутливо заметил, что после облета статуи Свободы он почувствовал себя в два раза свободнее.

Более часа находились мы над Нью-Йорком, любовались его огромными зданиями из стекла. В солнечную погоду они становятся золотисто-голубыми, а в пасмурную — отливают темно-синим мрамором. Побывав на тридцатом этаже такого гигантского многоэтажника, я пытался понять, к чему же крепятся стеклянные конструкции...

Затем мы посетили «Метрополитен музей», где Ельцин довольно живо делился своими впечатлениями. Он свободно называл имена художников и картины, говорил что-то об освещении и Третьяковской галерее.

После прогулки по Национальному парку в доме Боба Шварца состоялась представительная пресс-конференция, на которой, в частности, присутствовали корреспонденты «Вашингтон пост», «Нью-Йорк таймс», «Национального общественного радиовещания», «Ассошиэйтед пресс». И тогда я лишний раз убедился, что такие пресс-конференции — родная стихия Бориса Николаевича. Он легко и, я бы сказал, с удовольствием отвечал на все вопросы, которые на этот раз имели гораздо более широкий тематический спектр. Например, зная, что он является председателем Комитета по делам архитектуры и строительства Верховного Совета СССР, журналисты довольно подробно расспрашивали его об этой отрасли. Многое из той пресс-конференции сейчас кажется как бы выпавшим из времени. Например, когда он говорил о консерваторах, на поддержку которых рассчитывал Горбачев, то называл в числе прочих бывшего главу КГБ Виктора Чебрикова, секретаря ЦК КПСС Егора Лигачева, секретаря МГК партии Льва Зайкова, первого секретаря

ЦК КП Украины Владимира Щербицкого. Сейчас, после провала попытки государственного переворота, мы знаем, что те старые консерваторы были почти ручные, «плюшевые мишки», которых можно было потрепать за ушко. Тогда, разумеется, никто не мог даже предположить, что очень скоро им на смену придут генералы, которые вызовут в Москву танковые дивизии с большей легкостью, чем это требуется для вызова «неотложки».

Но в чем-то Ельцин был пророком. Когда корреспондент газеты «Вашингтон пост» спросил: «Кто среди членов Политбюро работает удовлетворительно?» — Ельцин, улыбаясь, ответил: «Вы задаете мне вопрос, на который невозможно ответить». Но тут же добавил, что вполне доверяет Александру Яковлеву, либерально настроенному секретарю ЦК по иностранным делам и, по-видимому, самому доверенному лицу Горбачева.

После разговора с журналистами Ельцин встретился с председателем Комитета по внешним сношениям Сената США Клейборном Пэллом. Я не был на той встрече и потому не знаю, о чем тогда шла речь. И вечером, опять же в доме Боба Шварца, был устроен ужин в честь Ельцина. Я впервые присутствовал на такой трапезе. Было накрыто несколько столов. Я сидел за тем, где находились люди моего ранга: помощники, советники, консультанты. Борис Николаевич находился в одной компании с Бобом Шварцем, Пэллом, Дэвидом Экманом из еженедельника «Тайм».

Меня поразило многообразие блюд, в которых преобладали овощи и фрукты, множество холодных и горячих закусок. Была, разумеется, рыба, большие куски мяса, и непременно с кровью, какое-то блюдо, напоминавшее наши пельмени, какие-то неведомые деликатесы. Все разложено по блюдам, и тебе остается только протянуть руку и взять то, что пожелаешь. Никто нас не обслуживал, напитки находились на импровизированной стойке, хочешь — встань и возьми то, что душе угодно. Царила совершенно непринужденная обстановка, никаких условностей и церемоний. Свобода предпочтений...

Я поглядывал на своего шефа и понимал, что поужинать ему не удастся. С одной стороны от него сидел Шварц, с другой — Пэлл, и оба наперегонки задавали ему вопросы. И он, естественно, на них отвечал. Вопросы сыпались и от других участников застолья.

Я знаю, что такие разговоры, и у себя на работе за день столько наговоришься — по телефону и с посетителями, что к вечеру уматываешься до чертиков. Здесь же, в США, не было ни одной минуты отдыха (за исключением, разумеется, сна) — бесконечные контакты с людьми, требующие колоссального напряжения.

В гостиницу мы возвратились после одиннадцати вечера.

А на завтра был понедельник — рабочая неделя. Для нас она начиналась в 7.15 — с интервью Ельцина в телепередаче «Доброе утро, Америка!». Программа транслируется в 84 страны мира и ее смотрят 50 миллионов человек. И когда мы составляли план поездки, я категорически был против столь ранних мероприятий. Надо было учитывать «специфику» сна Ельцина. Первые часы он спит глубоким сном, затем пробуждается, и начинается двухчасовое бодрствование, кстати, очень для него продуктивное. Мозг в эти часы работает особенно интенсивно, без помех. И когда он потом, перед самым утром, снова засыпает, то разбудить его можно только из пушки. А в тот вечер было столько впечатлений, и мы с ним проговорили далеко за полночь...

Невыносимо тяжело было встать, но ведь нас ждала любимая программа американцев. Правда, на телестудию мы явились тютелька в тютельку, и только уселись за столик, как были включены мониторы...

...Великая Америка, едва открыв глаза после сна, сразу начинает трудиться. Оттого она и такая богатая, и красивая.

В 8.00 на метро мы отправились в финансовый район Уолл-стрит. Меня очень разочаровала «подземная Америка». Нью-йоркское метро заметно проигрывает москов-

скому. Наша подземка — это роскошные «дворцы» и почти абсолютная чистота. Сабвей же Нью-Йорка — это бесприютность при колоссальной концентрации народа. Мусор в огромном количестве и разнообразнейшем ассортименте. После элегантного дома Шварца, роскоши нашего отеля и лимузинов, в которых мы разъезжали, метро показалось жуткой дырой. И когда мы поднялись наверх, в районе фондовой биржи (на Уолл-стрит), все вздохнули с облегчением.

А биржа — потрясла. И потрясла кажущейся хаотичностью, людским муравейником, хотя более организованного «муравейника» трудно себе представить. Вдоль стен, поверху, бежала светящаяся строка с биржевой информацией, но, когда в здание вошел Ельцин, эта строка мгновенно «перестроилась» и появился другой текст: «Сегодня у нас в гостях Ельцин». И все, кто был в этом огромном зале, заплотировали.

Пожалуй, кульминацией дня стали обед и лекция в Совете по внешним сношениям. Нас предупреждали, что от этой встречи с деловой элитой Нью-Йорка во многом будет зависеть встреча Бориса Николаевича с Президентом Бушем.

Встречал сам Дэвид Рокфеллер, и на лифте вместе с Ельциным они поднялись наверх, а я с редактором журнала «Тайм» остался внизу. Тут же стояли накрытые столики, очень аппетитно сервированные, но на сей раз без крепких напитков.

Лекция должна была состояться на втором этаже, в небольшом старинном зале, рассчитанном на 150 человек. Но публики, пожелавшей встретиться с советским лидером, собралось гораздо больше. Поэтому и в фойе, и в библиотеке, находящейся напротив зала, расставили дополнительные стулья, которые мгновенно были заполнены. Все двери — настежь, чтобы отовсюду было слышно, что происходит в зале. Со мной рядом сидел какой-то пожилой господин, который признался, что за все его 60-летнее посещение этого клуба, он никогда не видел такого многочисленного собрания.

Дэвид Рокфеллер представил Ельцина как оппозиционера Горбачева, что, однако, не помешало присутствующим заплотировать. Мой шеф был настроен по-боевому. Для него чем больше народу и чем острее вопросы, тем увереннее себя чувствует. Был один вопрос, что называется, в лоб: почему, дескать, вы выступаете против Горбачева и тем самым вносите раскол в стране? Он ответил: «Это здесь, в США, так нежно относятся к Горбачеву, а у нас о нем существуют разные мнения». И Ельцин стал объяснять прописные для нас истины. Что перестройка началась без стратегии и что начинать ее надо было с перестройки самой партии. У нас все еще господствует тоталитаризм, который душит всякую инициативу и мешает обществу двигаться вперед.

Когда встреча закончилась, никто из присутствующих не хотел расходиться. Среди собравшихся были Дуэйн О. Андреас — председатель Совета правления и исполнительный директор фирмы «Арчер Даниэл Мидланс» и советско-американского торгового и экономического совета; Роберт Бернстайн — председатель Совета правления и президент издательства «Рандом Хаус инк»; Том Брокоу — ведущий и редактор-администратор вечерней передачи известий «Эн-би-си Найтли Ньюз»; Кеннет Дам — вице-президент по юридическим вопросам и внешним сношениям корпорации Эй-би-эм; Памела Харриман — председатель общественного движения «Демократы на 1980-е годы», член национального комитета партии демократов; Джоэл Мотлей — вице-президент фирмы «Лазар Фрорес энд Ко» и многие другие.

Во время встречи произошел любопытный эпизод. Кто-то из присутствующих спросил: «Что Ельцин привез в Америку?» То есть с какими идеями он приехал в Штаты? И он, не моргнув глазом, ответил: «Обо всем, что я с собой привез, я скажу самому Бушу. У меня есть что сказать вашему Президенту, и, я думаю, ему будет интересно встретиться со мной». Этими словами Борис Николаевич всех заинтриговал.

Экман, который находился рядом со мной, воскликнул: «Все в порядке, ваш шеф обеспечил себе встречу с Бушем». И переводчик Гарри Колтер тоже поздравил меня: «Радуйтесь, Лев, что вы работаете с таким человеком. Он, кажется, убедил этих людей и обеспечил себе встречу с нашим Президентом».

От Рокфеллера мой шеф вышел триумфатором. Он весь сиял. Но радоваться особенно было некогда: через двадцать минут его ждала прямая телепрограмма «Час новостей ведущих Макнила и Лерера». Число телезрителей — от пяти до семи миллионов.

За каждое интервью в США платят, и Б.Н. Ельцин в этом смысле не был исключением. Однако от каждого его выступления имел свой процент и Джим Гаррисон, спрессовавший программу своего «раба» Ельцина до последней степени. Легко сопоставить его график работы: в 14.15 интервью на ТВ, а уже в 17.00 — лекция в институте Гарримана при Колумбийском университете. К нему мы подъехали на машинах, затем поднялись по очень широкой (напоминавшей нашу Потемкинскую в Одессе) лестнице, ведущей к величественному старинному зданию. На ступенях — сотни студентов, которые встречали московского гостя бурным ликованием. Столь теплый прием растрогал Бориса Николаевича, и он уже готов был пренебречь программой и начать выступление прямо на площадке перед университетом. Попросил даже через переводчика организовать внешнюю радиотрансляцию. Здесь уже находились представители ведущих телекомпаний и вели прямой репортаж. Ельцин чувствовал себя в родной стихии — московского митинга... Но вскоре пришел представитель администрации и сказал, что лекция все же должна состояться в зале университета.

Встретили Ельцина президент Колумбийского университета Майкл И. Соверн и профессор политических наук директор института Гарримана Роберт Легволд. Ельцин подчинился и вошел в зал, где уже находился мэр Нью-Йорка и многочисленная публика. Это было гигантское по-

мещение необыкновенной красоты. Побывав в таком святилище хоть раз, человек наверняка задумается о смысле и значении просвещения.

Лекция продолжалась около двух часов и, на мой взгляд, была одной из лучших лекций Бориса Николаевича в Америке...

Затем состоялся ужин в «Речном клубе», на котором председательствовал Дэвид Рокфеллер и собралось много именитых гостей (в том числе: Пол Баралан — руководитель программной деятельности, фонд имени Форда; Антонина Бунс — исполнительный директор, фонд Сороса; Колин Кампбелл — президент, фонд имени братьев Рокфеллеров; Уэйл Грин — советник фонда семьи Рокфеллеров; Дейвид А. Хамбург — президент корпорации имени Карнеги в Нью-Йорке и еще несколько президентов).

В Балтимор мы вылетели на частном самолете, предоставленном в наше распоряжение Дэвидом Рокфеллером. В половине двенадцатого ночи мы уже были в университете Дж. Гопкинса.

СОН В СЕНТЯБРЬСКУЮ НОЧЬ

В Балтиморе нас встречали президент университета Дж. Гопкинса Стивен Мюллер, мэр города Курт Шмоке, многочисленные представители общественности. На машинах нас повезли по ночному Балтимору в студенческий городок. Улицы были пустынные, ибо американцы не имеют моды разгуливать ночью по улицам. Семья и клубы по интересам дают им верную возможность со вкусом провести свой досуг. И мы, проезжая по пустынному городу, в полусвещенных старинных зданиях угадывали какое-то особое очарование. После нью-йоркского столпотворения Балтимор казался Эдемом. Сам студенческий городок — это обособленный, со своей неповторимой аурой заповедный уголок.

Стивен Мюллер проводил нас в заведение, где находился кабинет основателя университета Гопкинса, показал библиотеку, свой кабинет, после чего нас препроводили в отведенные для гостей апартаменты. Вощанов и Алференко разместились в одной комнате, я остался с Ярошенко. У Ельцина был довольно скромный, но со всеми удобствами и уютный номер. Мы расселились на втором этаже, а ужинать нас пригласили вниз, где уже был накрыт длинный стол. Запомнилась его «доминанта»: изобилие и колорит всевозможных сортов ветчины и колбас и, конечно же, множество фруктов, овощей и несколько сортов великолепного американского пива. Кстати, оно нам напомнило, что в мире существует и такой прекрасный напиток, о котором мы уже стали потихоньку забывать. Понятно, у нас другие мерки. Когда ровно тридцать лет назад, и тоже в сентябре, в США приехал Никита Хрущев, то его главным козырем был первый советский спутник и тот факт, что в

СССР ежегодно выпускается инженеров вдвое больше, чем в Америке. Тогда Никита Сергеевич обещал «догнать и перегнать» США, а ровно тридцать лет спустя, будущий первый Президент России засвидетельствовал полнейшую несостоятельность «социалистического выбора» перед «загнивающим капитализмом».

Заканчивался трудный день — второй день пребывания в Соединенных Штатах Америки. Но ночного застолья мы все же не избежали, но и оно, вкупе с оживленными разговорами, теплым вечером с топазовыми звездами, создавало определенное настроение.

Пошли спать поздно — где-то около четырех утра. Растревоженные впечатлениями, физической нагрузкой и перепадом во времени, мы долго не могли заснуть. Обычно я не жалуясь на бессонницу, но тогда мы с Ярошенко почти до утра не могли сомкнуть глаз. Все было для нас непривычно: сам воздух, стрекот цикад, уличные шумы, словом — вся обстановка. И я невольно вспомнил предупреждение Мэтлока, что самый «критический момент» после его прилета в СССР наступает именно на третьи сутки. Не надо на этот день планировать серьезных встреч и постараться свести до минимума всякую физическую активность. И когда я наконец заснул, меня вдруг разбудил Ярошенко. «В чем дело?» — спрашиваю. «По-моему, Борис Николаевич не спит». Я поднялся, пошел в номер к Ельцину и застал его бодрствующим. «Очень тяжело, — сказал он, — никак не могу уснуть». Я напомнил ему, что у нас нелегкий день, а уже в семь часов нужно вставать, так как нас предупредили, что скорее всего состоится поездка в Белый дом..

...Не захочешь, да станешь фаталистом. Еще в тяжелые дни «падения» Ельцина к нам в Госстрой пришла женщина, большая поклонница Бориса Николаевича. И тогда на свой страх и риск я повел ее в кабинет шефа и представил как экстрасенса. Во всяком случае, она сама себя к ним относил. Любовь Павловна... Не знаю, насколько сильны ее парапсихологические «чары», но одна черта действительно очаровывала. Она умела любого человека вытащить из уны-

ния. После ее визитов настроение у Бориса Николаевича и у меня становилось намного оптимистичнее. И что удивительно: за несколько дней до отъезда в Штаты она, вопреки обычному ее жизнеутверждающему прогнозу, предупредила, что Борису Николаевичу надо опасаться 12-го числа...

Я, конечно, пропустил это предупреждение мимо ушей и вспомнил о нем лишь в университете Дж. Гопкинса, именно 12 сентября.

Проснувшись в 6 часов, я умылся, привел себя в порядок и вышел на улицу. Погода стояла отличная. Все наши были на ногах и напомнили мне, что Мюллер уже приехал и ждет всех на завтрак. И поскольку Борис Николаевич не давал о себе знать, я отправился к нему в номер, чтобы прояснить ситуацию. Но он еще спал, причем спал тем глубоким сном, о котором я говорил раньше. Стоило огромных усилий его расшевелить, и, когда он вроде бы пришел в себя и начал одеваться, я понял, что он еще так и не проснулся. Принятое накануне снотворное было сильнее его воли. Все его движения — вялые, заторможенные. И тогда я вспомнил Любовь Павловну, предупреждавшую о таблетках. Вернувшись в Москву, я рассказал ей о том «сонном эпизоде», который случился в Балтиморе. Как же она сокрушалась: «Ведь он мог вообще не проснуться»...

Мюллер пригласил на встречу с Ельциным всю знать Балтимора. К семи часам все собрались и с любопытством ждали появления гостя. Они, как пионеры на линейке, выстроились в ряд, и Ельцин пошел их приветствовать. Это было жуткое зрелище. Алференко и Гаррисон схитрили и под каким-то предлогом ушли в город. Воцанов и Ярошенко остались с гостями, а мы с Борисом Николаевичем отравились пить кофе...

Короче, к девяти часам, то есть к началу лекции, он с трудом оклемался и мы отправились к публике. В зале его ждали 800 слушателей. И вот в этот момент произошло резкое перевоплощение. Ельцин оживился и даже начал подшучивать над Мюллером. На сцену они вышли вместе, и, когда хозяин университета начал что-то читать по бумажке,

Борис Николаевич подошел и забрал с его пюпитра текст. Это была еще та сцена! Публика по достоинству оценила «нестандартный ход» гостя и бурно зааплодировала. «Давайте будем в равных условиях, — смеясь, сказал Мюллеру Ельцин, — раз я буду говорить без бумажки, то и вы говорите без нее...» Слушатели от души смеялись — по американским меркам ничего предосудительного в этом не было. И все все правильно поняли.

Вопросы были традиционными, почти одни и те же, что, однако, не вполне устраивало самого лектора. Борис Николаевич, видимо, разнообразия ради стал варьировать свои ответы и, наверное, многие помнят, как он нарочито растягивал аббревиатуру — Ка-Ге-Бе...

Встреча еще не закончилась, когда меня поставили в известность о том, что Ельцина ждут в Белом доме. Нет, нас не соби́рался принимать сам Президент, мы должны были поехать на аудиенцию к его советнику по национальной безопасности Brenton Scookroft. Это не так уж и мало: приглашение в Белый дом «неофициального визитера» — хороший признак. Словом, шеф закруглил свою «веселую» лекцию, поблагодарил Мюллера, и мы быстро отправились в Вашингтон. (Это 35 минут езды от Балтимора.) Однако в мыслях он все еще находился там, в зале университета. Ему явно не терпелось узнать, какова реакция публики на его выступление. Я сказал, что подходили наши соотечественники и тоже доброжелательно отзывались о лекции. И вообще, говорили они, американцы не такие зацикленные, как мы, русские, и любят нестандартное поведение...

...И вдруг, по дороге в Вашингтон, «новости для прессы»: Борис Николаевич во всеуслышание заявляет, что он не поедет на встречу со Скоукрофтом. Не тот, мол, уровень... Переводчик и Гаррисон едва не потеряли дар речи. Особенно шокирован был Джим, для которого «выходка» Ельцина могла бы иметь воистину катастрофические последствия. Ведь Белый дом — кульминация его программы, а значит — это и деньги, и реклама. А Борис Николаевич все больше нагнетает обстановку: «Ну, представьте

себе, Лев Евгеньевич, что Буша встречаете вы, мой советник, а не я?» Я ему возразил, что Скоукрофт — это не Суханов, а Ельцин — это Ельцин. И что Скоукрофт — это все же советник по национальной безопасности и в Белом доме он величина, и с этим надо считаться. Но Борис Николаевич все равно упрявился: «Но быть в Белом доме и не встретиться с Бушем...»

Джим Гаррисон тоже гнет свое: теперь ни за что уже нельзя отказываться, надо ехать... Пока мы спорили, машина уперлась в ворота Белого дома. Они открылись, и мы въехали на его территорию, позади остались двое охранников.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ГОСПОДИН БУШ!

Небольшое красивое здание. Тут же, напротив него, еще одно сооружение, к которому подходит нечто похожее на пандус. Машина подъехала к самому входу. На первый взгляд, все необычно, как-то просто, буднично. Вышла симпатичная мулатка и вручила нам карточки визитеров. На них так и написано: «Визитер». Борис Николаевич вроде бы даже немного обижен и потому с ударением говорит: «Я — Ельцин». Мол, какие тут визитки... Я положил его визитку к себе в карман, свою же повесил на грудь, то же сделали переводчик и Гаррисон.

Нас повели по неширокой беломраморной лестнице, и на втором этаже мы зашли в скромную приемную. В ней сидел секретарь, работал. Слева дверь, и секретарь пригласил нас войти в нее. Мы попали в кабинет — небольшой, с камином и диванчиком. Типично домашняя обстановка. Смотрю на человека, сидящего за большим столом. Это, видимо, и есть Скоукрофт. Он встает из-за стола, улыбается. Здоровается с Борисом Николаевичем и представляет ему своего помощника. Рассаживаемся: я — почти у самой двери, переводчик — спиной ко мне, Ельцин устроился на диванчике, а сам Скоукрофт возвратился в свое кресло. И вдруг, как гром среди ясного неба, вопрос Скоукрофта:

— Господин Ельцин, зачем, собственно, вы сюда приехали? Что вы хотите?

Шеф выслушал переводчика, улыбнулся и, глядя в глаза Скоукрофту, ответил:

— Ну, во-первых, я никогда не был в Америке и приехал сюда по приглашению ваших видных сенаторов и Фонда Рокфеллера. Во-вторых, мне интересно посетить вашу великую страну и познакомиться с ее трудолюбивым народом...

В это время открывается дверь и входит человек — в элегантном сером костюме, длинный узкий галстук, уголок платка выглядывает из нагрудного карманчика. Все в тон. Красивый, белозубый, стройный мужчина. Я, разумеется, сразу узнал его — это Буш. И так как я находился ближе всех к дверям, Президент мне первому протянул руку, и мы поздоровались. Затем он поприветствовал Гаррисона, помощника Скоукрофта и только потом подошел к Ельцину. Он долго тряс ему руку, другая рука Президента дружески пожимала его предплечье. Они доброжелательно улыбались, и в какой-то момент Ельцин сказал: «Да, мы стоим друг друга». (Ростом они были одинаковы.) Эту фразу переводчик не стал переводить. А я глядел на своего шефа и гордился им. Он держался и выглядел подобающе. Это были два равных друг другу партнера.

Однако Буш сразу оговорился, что у него, к сожалению, очень мало времени и что сейчас его ждет телевыступление по проблемам наркомании. И тут же поинтересовался — как в этом плане обстоят дела у нас в Союзе? Борис Николаевич ответил: «Это серьезная проблема и для нас, но о ней в нашей стране предпочитают не говорить».

Буш передал большой привет Горбачеву и выразил свою осведомленность о визите Ельцина в США: «Я думаю, Америка вам понравится...» И все в таком же ключе.

У Президента открытое лицо, доброжелательная речь, что сильно к себе располагало. Тут же сидела стенографистка и все записывала. Поговорили они ровно 12 минут, что я зафиксировал по своим часам. Ельцин поблагодарил Буша за то, что тот нашел возможность встретиться. В свою очередь, Президент США сказал Ельцину, чтобы все вопросы к нему (Бушу) мы передали Скоукрофту, и покинул помещение.

Буквально через минуту в кабинет стремительно вошел вице-президент США Дэн Куэйл. Они с Ельциным дружески поприветствовали друг друга. Куэйл находился с нами недолго и, сославшись на какую-то встречу, удалился. Смотрю, у моего шефа глаза горят, да и Скоукрофт уже

по-другому себя ведет. Суровости в его лице заметно побавилось. Заложив ногу на ногу, он стал непринужденно беседовать с Ельциным.

В какой-то момент зашел секретарь и сказал Скоукрофту, что русского гостя уже ждут сенаторы на Капитолийском холме.

Итак, Ельцин первым из высокопоставленных советских деятелей сорвал «пломбу» на Белом доме в период властвования Буша. Не Горбачев, а именно Ельцин, хотя это и была «полулегальная» аудиенция. Однако говорила она о многом. Во-первых, встреча с Бушем как бы «нечаянно» накладывалась на встречу со Скоукрофтом, и потому никто не мог упрекнуть Президента в прямой демонстрации признания главного оппонента Горбачева. Буш, конечно же, понимал двойственность своего положения, поскольку готовился в декабре к приезду в США Горбачева. Ведь как раз был пик конфликта Михаила Сергеевича с Борисом Николаевичем. Не зря же Буш при встрече с Ельциным был подчеркнута нейтрален и горячо передавал приветы Горбачеву. И мимолетный, как бы тоже случайный, приход Куэйла в кабинет Скоукрофта также имел свою дипломатическую логику. Пока в Союзе шла дискредитация Ельцина, в Белом доме (да и в Госдепартаменте тоже) все уже наверняка было просчитано с большой степенью вероятности. Горбачев — это, конечно, звезда первой величины, но профессионалы от политики (в том же ЦРУ) прекрасно понимали, что в протуберанцах этой звезды появилась новая, по яркости превосходящая «главное» светило. И уже, пожалуй, не было силы, которая могла бы помешать самостоятельному восходу этой новой звезды. И если этого еще не понимали на Востоке, то аналитики Запада, и в том числе США, давно, наверное, вычислили все варианты будущего противостояния этих «звезд». И не будь у Буша и его окружения хотя бы 50 процентов уверенности в том, что Ельцин неотвратимо идет к верховной власти в России, они ни под каким соусом «не оказали бы честь» опальному Ельцину. Слишком велика ответственность приносить

в большую политику (тем более связанную с ядерным разоружением) элемент случайности.

Контакты Ельцина в США шли по восходящей: журналисты, политологи, крупные бизнесмены, которые присматривались к нему во сто крат внимательнее, чем он к ним. Я не сомневаюсь, что впечатление о нем где-то концентрировалось, сводилось воедино и уже в виде какого-то результата «поднималось» вверх. И то, что его принял Буш, а вернее, Ельцин в кабинете Скоукрофта принял Буша, говорило о том, что предварительный «анализ» американцев был в пользу Ельцина. Лично мне не верится, что Буш «случайно» зашел к Скоукрофту, а за ним так же случайно — Куэйл... По-моему, все это было расписано по секундам и выверено от первого до последнего слова.

Принимая в «тени» своего кабинета Ельцина, Буш убивал двух зайцев: как бы привечал вероятного главу России, а, с другой стороны, ненавязчиво подавал Горбачеву сигнал: ты, мол, Горби, нам очень нравишься, но что поделать, у тебя появился серьезный соперник, с которым мы тоже должны считаться.

Я сомневаюсь, что в те 12 минут, в течение которых находились вместе Ельцин и Буш, можно было что-либо основательно объяснить или доказать друг другу. Да и скорее всего Буш уже был знаком с главными политическими постулатами Ельцина. Президента и его окружение больше всего интересовал сам Ельцин как личность, в ее человеческом измерении. И наверняка очные впечатления Буша, Куэйла, Бейкера и других высокопоставленных лиц имели решающее значение в «создании» образа Ельцина. Точно так же для Бориса Николаевича имел решающее значение его визит в Белый дом и встреча с Президентом Бушем. Мне даже показалось, что после этого мой шеф немного поостыл, успокоился. Кульминационный момент в поездке по США, кажется, миновал.

Но визит в Белый дом и мимолетная встреча с Бушем автоматически подняли рейтинг Ельцина в глазах западной и своей общественности. Так что предсказания о «несчаст-

ном числе 12», к счастью, не оправдались: 12 сентября в течение 12 минут Б.Н. Ельцин преодолел первые ступени, ведущие на большую международную арену. (Не говоря уже о 12 июня, когда он стал первым Президентом России.) В 13 часов того же дня Борис Николаевич встретился в Капитолии с сенаторами Биллом Брэдлеем (штат Нью-Джерси), Тимоти Виртом (Колорадо), Бобом Грахом (Флорида), Уайком Фаулери-младшим (Джорджия), Джозефом Либерманом (Коннектикут). Лидер сенатского большинства Брэдлей, сам бывший баскетболист (чемпион Олимпийских игр), быстро нашел общий язык с бывшим волейболистом Борисом Ельциным. Эта встреча носила экскурсионный, ознакомительный характер, конечно, с теплым приемом, в непринужденной обстановке. Потом принесли записку, из которой явствовало, что Ельцина ждут в Госдепартаменте...

...Перед входом в кабинет Бейкера уже собралась большая группа журналистов. И вдруг вошел госсекретарь — очень высокий, стройный человек. То была официальная встреча, и продолжалась она полтора часа. Борис Николаевич изложил Бейкеру свои десять пунктов, затронув при этом вопрос о статусе наибольшего благоприятствования в торговле с Советским Союзом. Шла также речь об обмене специалистами по продовольственным вопросам. Бейкер был весьма внимателен, и все, о чем говорил Ельцин, было запротоколировано помощниками госсекретаря.

После визита в Госдепартамент мы вылетели в Чикаго. Там, в Совете по внешним сношениям, гостя ждали три тысячи человек. После встречи, которая по содержанию напоминала предыдущие, мы направились в отель. По дороге туда Бориса Николаевича осенило связаться по телефону с Москвой. Он хотел уточнить дату предстоящего Пленума ЦК КПСС. И тогда мы лишний раз убедились во всемогуществе американской техники. Когда переводчик узнал, что нам надо позвонить в Москву, он с готовностью начал помогать. «Назовите номер в Москве», — сказал он и стал прямо из лимузина вызывать в Москве секретаря Бориса Николаевича. И когда я Тане сказал, что говорю из маши-

ны, которая движется по дорогам Америки, она не поверила. Да и для нас с Ельциным этот ненавязчивый американский сервис был большим сюрпризом.

Вообще 12 сентября — самый насыщенный день за всю поездку по Соединенным Штатам. Судите сами: университет Д. Гопкинса, встреча с представителями общественности, организация поездки в Вашингтон, встреча в Белом доме, обед по приглашению сенаторов от штата Мэриленд, встреча в Сенате, а затем — в Госдепартаменте с Бейкером, вылет в Чикаго, ужин и лекция в Совете по внешним сношениям. И заключила день пресс-конференция для представителей национальных и местных средств массовой информации.

НЕУНЫВАЮЩИЙ РОНАЛЬД

По первоначальной программе мы должны были посетить Калифорнию и бывшего Президента США Рональда Рейгана (попутно отмечу, что слово «бывший» в отношении своих президентов американцы не употребляют). Но бывший хозяин Белого дома, к несчастью, упал с лошади и получил серьезную травму головы. Еще в Нью-Йорке нам рассказали об этом журналисты и советовали съездить к нему в Рочестер, где он проходил лечение. И когда мы направлялись в Миннеаполис, Борис Николаевич пожелал заехать в военный госпиталь, где лечился Рейган. Правда, предварительно мы туда позвонили, поговорили с врачами и с самим пациентом. И 14 сентября мы прибыли в Рочестер, где нас встретил старший администратор клиники имени Майо Кен Джохансон.

Так мы оказались на улочках небольшого городка, располагающегося к покою, безукоризненно ухоженного, с роскошными газонами.

Джохансон проводил нас в офис, где уже был накрыт стол, и среди изобилия фруктов мне запомнился виноград какого-то незнакомого сорта.

На Ельцина надели халат, и руководитель клиники повел его на второй этаж, где находился Рональд Рейган. А мы продолжали беседовать с администрацией и вскоре узнали, что это бывший военный госпиталь (ему 150 лет) и что работают в нем известные в США нейрохирурги. Прилетел сюда Рейган без охраны, никакой помпезности в быт клиники не привнес, его положили в рядовую палату, и по соседству с ним находились такие же палаты, в которых лечились обыкновенные американцы.

Рейган пребывал в хорошем расположении духа, и, возможно, это объяснялось тем, что рядом с ним постоянно была его очень милая и очень обаятельная супруга Нэнси. Рейган оптимист и ни в каких ситуациях не раскисает.

Вспомнить хотя бы, что не прошло и двух с половиной месяцев, как он вступил в должность Президента, как в него разрядил пистолет некто Джо Хинкли. Хирурги извлекли из тела нового Президента пулю, застрявшую в 2,5 дюйма от сердца. Когда его навестила жена Нэнси, он сказал ей: «Милая, я забыл пригнуться...» У докторов, которые его лечили, он, посмеиваясь, все время спрашивал: «Скажите мне, что вы все республиканцы».

Во время беседы с Ельциным Рейган пошутил: наши народы объединяет одна общая черта — мы любим юмор. Только американцы смеются над другими, а вы, русские, — над собой... Возможно, поэтому, подумалось мне тогда, мы потеряли к себе самоуважение и превратились в мрачных зубоскалов, которым все «до фени».

По прибытии в Москву Борис Николаевич получил из Штатов такое письмо:

«Дорогой мистер Ельцин!

Нэнси и я хотели бы выразить свою сердечную благодарность за Вашу любезность, когда Вы преподнесли прекрасные цветы. Они осветили всю комнату.

Я особенно ценю то, что вы нашли время в Вашей напряженной зарубежной программе, чтобы посетить меня в Рочестере.

Я получил удовольствие от нашей беседы, и я доволен, что мы смогли встретиться, даже на короткое время.

Еще раз благодарю Вас за внимание. Нэнси присоединяется ко мне, посылая наши наилучшие пожелания.

С уважением *Рональд Рейган.*

18 сентября 1989».

ЗА ШТУРВАЛОМ КОМБАЙНА

Мы направляемся в американскую «деревню» по ровной, словно бильярдный стол, магистрали, настолько ровной, что решили провести небольшой эксперимент: налили полный стакан воды и поставили его на переднюю панель... Ждали, прольется ли из него хоть одна капля, но так и не дождались...

Я с нетерпением вертел головой в ожидании, что вот-вот покажется деревня — дома с соломенными крышами, грязные каналы, брошенные комбайны, сгнившие копны сена... Словом, тот «сельскохозяйственный ландшафт», к которому мы привыкли у себя дома. Конечно, я несколько утрирую, но факт остается фактом — никакой деревни или деревеньки мы так и не встретили. По обеим сторонам дороги мелькали разноликие одно- и двухэтажные коттеджи, окруженные травяными газонами и кустарниковыми ограждениями. Деревни, разумеется, в нашем представлении, мы так и не увидели.

Ферма Джина Хардина находилась в 50 километрах от Индианаполиса и специализировалась на откормке свиней. Хозяину примерно 45—50 лет, и весь его облик сочетается с классическим типом американского фермера: загорелый, с натруженными руками, белозубой улыбкой. Но, это был не простой фермер, он являлся руководителем Всемирной организации свиноводства. Так что это был, по нашим понятиям, знатный, заслуженный свиновод. Разве что с единственной разницей: если у нас на «заслуженных свиноводов» работает целый штат подсобных рабочих, то у Джима Хардина было всего три помощника: сын и два брата. А сколько свиней? 6000! И на 500 гектарах земли. По нашим колхозным масштабам для обработки и откармливания такого количества голов потребовался бы

целый колхоз и не менее 100 человек администрации. То есть на одного свиновода по одному бюрократу... А у Хардина даже наемных рабочих не бывает.

И когда мы отправились осматривать ферму, нас заставили надеть чистые халаты, чтобы, не дай бог, мы не занесли хрюшкам какую-нибудь инфекцию. Здесь не было ни грязи, ни отвратительных запахов. Свиноматки находились почти в герметических помещениях — по пять-шесть в каждом, и наблюдать за ними мы могли только через специальный «глазок».

Все строго нормировано: и еда, и температура помещений, и освещение. Все процессы — кормление, уборка и другие — автоматизированы. Поросята живут на сетчатых стеллажах, где всегда сухо и тепло. Навоз, который остается от них, попадает в специальные поддоны, а оттуда автоматически сливается в баки. Затем с помощью биотехнологии он превращается в ценное органическое удобрение.

И когда мы вышли из «питомника», мы молча переглянулись и лишь развели руками. Чему же здесь удивляться, если полтора процента населения США (именно столько занято в сельском хозяйстве страны) в состоянии прокормить свой народ и еще полмира, и нас в том числе. То есть 4 миллиона американских фермеров против 22 миллионов наших колхозников.

Затем мы прошли в ангар с техникой. Пред нами предстал красавец-комбайн такой чистоты, будто он находился не на свиноферме, а где-нибудь в выставочном павильоне ВДНХ. Я сам автомобилист, но когда увидел стеллажи, заполненные новенькими, промаркированными запчастями, у меня перехватило дыхание. И Борис Николаевич, не утерпев, полез в кабину комбайна, чтобы воочию познакомиться с системой управления. Он обнаружил там очень удобное сиденье и вообще очень комфортную кабину, в которой, должно быть, приятно работается при любой погоде. Там же шеф заметил компьютер, который по программе управляет навесными агрегатами. «А почему этот комбайн у вас голландского производства?» — спросил у Хардина Ельцин. И тот ответил: «Американские комбайны тоже неплохие, но давление у них на грунт составляет 3 кг/см², а у

голландских лишь 2 кг/см²». В Америке берегут землю, хотя ее и потому не считаются с затратами на современную технику. В 1985 году машиностроительные компании США предлагали 343 модели тракторов, 8 компаний — 41 модель зерновых комбайнов. Имеется 12 тысяч фирм, которые выполняют работы по внесению удобрений.

Мы поинтересовались — где находятся корма? И нам показали силосную башню, транспортер, другие механизмы и автоматику, обеспечивающую дозировку подкормок и витаминов. Я уж не говорю о самом доме, где живет семья Хардинов. Все в нем из дерева, кругом чистота, стоит смоляной дух. В рабочем кабинете хозяина — два небольших компьютера, и он тут же продемонстрировал их возможности. Включил программу, и на дисплее появились мировые цены на свинину: какая цена, в каком городе или государстве самая низкая и самая высокая. Затем на экране появился контракт, который Хардин заключил со своими контрагентами на поставку свинины в 1990 — 1991 гг. В договоре сказано, что в случае неурожая или стихийного бедствия убытки делятся пополам — между Хардином и его покупателями. Причем цены регулирует спрос, и государство, и фермеры не могут их поднять выше определенного уровня.

Меня поразил такой факт. Борис Николаевич спросил у 14-летнего сына Хардина: чем он будет заниматься, когда закончит школу? Останется помогать отцу? Нет, оказывается, у паренька свои планы, и он хочет, закончив колледж, остаться жить в городе. И ему никто не прпятствует, ибо свободный выбор в США — святое дело. Хардин-старший, хотя и не в восторге от такой самостоятельности отпрыска, тем не менее права его не ущемляет, но с одной оговоркой: «Учись, — говорит он сыну, — и если станешь хорошим специалистом, я буду просто счастлив». И все же парень должен рассчитывать только на свои силы. Возможно, отец ему и поможет, но минимально, и то на первых порах. Быть независимым — это одно из основных правил жизни американцев. И деньги зарабатывать каждый должен научиться сам...

ШОК ПОСЛЕ СУПЕРМАРКЕТА

В 22.30 мы вылетели в Даллас на частном реактивном самолете. Приземлились в час ночи. А уже в 11 утра — выступление перед Советом по мировым делам города Далласа. Аудитория — 1000 человек. После этого — пресс-конференция, визит в «Мировой торговый центр инфо-рынка». В 12 часов ночи наша программа в этом городе завершилась ужином и приемом, организованным Техасской ассоциацией Атлантического Совета. На приеме присутствовали 100 выдающихся представителей городской общественности.

На следующий день на реактивном самолете, представленном в наше распоряжение миллионером Андреасом, мы вылетели в Хьюстон.

И, естественно, главной его достопримечательностью был Центр космических исследований имени Джонсона. Нас поразила его «незащищенность» — это ведь, по нашим понятиям, секретный объект и без высоких заборов я его просто не представлял. А увидели мы низкое ограждение и одного полицейского у шлагбаума. По всей территории центра гуляли туристы. Кто хочет — пожалуйста, может наблюдать за управлением полета ракеты или даже «Шаттла». И все же что-то общее между этим центром и нашим Звездным городком есть. Разве что, у нас все строже и меньше той свободы передвижения, что свойственна любому штату США.

Визит в Центр имени Джонсона был организован с помощью вице-президента США Дэна Куэйта и советника по национальной безопасности Brenta Скоукрофта, а также Доэйна Андреаса.

Когда уже возвращались в аэропорт, черт нас дернул заглянуть в типичный американский супермаркет. Из-за большой занятости нам не пришлось раньше побывать ни в одном из них. Назывался он «Рандоллс супермаркет». Из нашей группы только я и Борис Николаевич никогда не бывали в такого рода торговых заведениях. Причем это был не столичный и тем более не нью-йоркский магазин и, по нашим понятиям, самый «обыкновенный» провинциальный... Если, конечно, Хьюстон можно считать провинцией.

Выйдя из автобуса, я стал искать глазами скопление людей и нечто похожее на нашу очередь.

Однако никакой очереди не было ни около магазина, ни в нем самом.

Это одноэтажное, сделанное из легких металлических конструкций здание. Естественно, никто из обслуживающего персонала не знал о нашем прибытии и потому ни о какой показухе не могло быть и речи. Обыкновенный день, обыкновенный ассортимент, обыкновенные посетители...

Сразу же поразило изобилие света. Цветовая гамма настолько яркая и впечатляющая, что возникло ощущение, будто мы находимся в самом центре калейдоскопа. Завораживало также изобилие цветов — сочных, живых, словно только что срезанных с клумбы, причем цветов, не предназначенных на продажу, а являющихся составным элементом внутреннего дизайна.

Как только мы зашли в супермаркет, тут же пригласили кого-то из администрации. Откуда-то из чрева подсобных помещений появился очень симпатичный молодой человек в белоснежной рубашке, аккуратно причесанный и, конечно же, улыбающийся. Это был главный администратор. Мы представились и сказали, что хотели бы познакомиться с работой магазина. Нет проблем: администратор дал нам в помощники молоденькую продавщицу, и она повела нас по рядам. Естественно, главное, что нас интересовало, — ассортимент. И в этой связи Ельцин задавал вопросы работникам магазина. Цифра, названная ими, нас буквально шокировала, и Борис Николаевич даже переспросил —

мол, правильно ли он понял переводчика? И администратор еще раз повторил, что ассортимент продовольственных товаров на тот момент действительно составлял примерно 30 тысяч наименований. Когда мы пошли вдоль рядов, глаза не знали, на чем остановиться. Я предполагал разное, но то, что увидел в этом супермаркете, было не менее удивительно, чем сама Америка.

Кто-то из нас стал считать виды колбас... Сбились со счета. Мне вспомнился наш колбасный магазин на Красной Пресне, где еще в 1963 году можно было купить «браншвейгскую», «столичную», «тамбовскую», «угличскую», «краковскую» и еще столько же наименований колбас. Тогда мне казалось, что это предел человеческих мечтаний и что именно в том магазине проклюнулись первые признаки коммунизма. Правда, с годами прилавки магазина стали пустеть, и сейчас остались только одни воспоминания о его светлом прошлом. Вспомнил я тот магазин и сравнил с этим, хьюстонским, и понял, что изобилие, к которому нас вел Хрущев, прошло мимо нас. В тот момент (в Хьюстоне) меня могли бы убеждать все три сотни научно — исследовательских институтов, кафедр, лабораторий, которые занимались у нас исследованием преимуществ социализма перед капитализмом, но и они оказались бы бессильны. Американская практика на частном примере супермаркета выглядела во сто крат убедительнее любой отечественной теории. Да, не хлебом единым... Не колбасой единой, не сыром единым... А, кстати, вы видели красный сыр, коричневый, лимонно-оранжевый? Сколько, вы думаете, сортов сыра мы видели в Хьюстоне? А ветчины? Всей этой немислимой вкуснятины, которую каждый может прямо в магазине попробовать и решить — стоит ли на нее тратить доллары? Не сосчитать наименований конфет и пирожных, не уловить глазом их разноцветье, их аппетитную привлекательность. И хотя я пытаюсь передать свои впечатления, но понимаю, что это лишь жалкая потуга, ибо слово бесильно перед реальностью американского предложения.

Изредка я кидал взгляды на Ельцина и замечал, что и для него это тяжелое испытание. И когда с ним поравнялась одна женщина с коляской, впереди которой был пристроен мальчуган, Борис Николаевич, извинившись, начал ее расспрашивать. Часто ли она ходит в этот магазин? Оказывается, только по субботам. Большая ли семья? Трое: она, муж и ребенок. Какой семейный заработок? Женщина объяснила, что пока она временно не работает и живут на зарплату мужа, то есть на три тысячи 600 долларов в месяц. Ельцин поинтересовался — на какую сумму она обычно запасается продуктами? Оказалось, что у этой семьи на недельное питание уходит примерно 170 долларов. От субботы — до субботы. Она еще платит за квартиру, страховку...

...В овощной секции нас потрясло качество товаров. Редиска размером с крупный картофель освещена ярким светом, на нее из маленьких «душиков» рассеивается вода. Редиска буквально играет, а рядом — лук, чеснок, баклажаны, цветная капуста, помидоры, огурцы... Вам захотелось копченого угря — пожалуйста... А миноги не желаете? Или вы не привыкли к осетрине и устрицам? Ананасы, бананы...

В секции кондитерских изделий можно стоять часами: это, наверно, по зрелищности превосходит Голливуд. На подставке ожидал заказчика громадный торт, представляющий собой хоккейную арену. Фигурки игроков сделаны из шоколада. Настоящее произведение искусства. А главное — доступное, вполне доступное...

В общем, для нас с Борисом Николаевичем посещение супермаркета стало настоящим потрясением. Моя жена сегодня (сентябрь 1991 года) в семь утра пошла в магазин, чтобы купить молоко, но очереди, всюду очереди, за сахаром надо простоять два дня. И это у нас — в Москве, во второй половине XX века, 73 года спустя после Великой революции и как раз в то время, когда, по расчету Хрущева, все мы должны уже жить при коммунизме. А может быть, то, что мы построили у себя в стране, — это и есть истинный коммунизм?

На выходе из магазина девушка, сидящая за кассовым аппаратом, ничего не считает. В руках у нее небольшой приборчик, напоминающий чем-то фен, которым она быстро проводит по ценовому коду на упаковке. После этой операции на экране кассового аппарата-компьютера появляется цена, вы платите и можете свободно проходить через электронный турникет. Ну что может быть проще и разумнее такой системы?

Когда мы уходили из супермаркета, администратор вручил нам презент: огромный целлофановый пакет с расфасованными продуктами этого магазина.

Уже в самолете (а мы направлялись к Андреасу в Майами) Борис Николаевич надолго отрешился. Он сидел, зажав голову ладонями, и на лице его явственно проглядывала борьба чувств. Не зря ведь говорят, что некоторые слабонервные люди после возвращения из заграницы впадают в глубокую депрессию. Ибо возникает неразрешимый психологический конфликт между тем, как человек жил всю свою жизнь, и тем, как бы он мог жить, если бы родился на других широтах.

Когда Ельцин немного пришел в себя, он дал волю чувствам: «До чего довели наш бедный народ — сокрушался он. — Всю жизнь рассказывали сказки, всю жизнь чего-то изобретали. А ведь в мире все уже изобретено, так нет же — не для людей, видно, это...» А ведь Ельцина трудно было удивить «богатым ассортиментом», ибо не будем забывать, что он как кандидат в члены Политбюро тоже имел привилегию на высший стандарт потребления, но, видимо, упрятанные от глаз народа партийные закрома, несмотря на весь их «номенклатурный блеск», на фоне «заурядного» американского супермаркета выглядели нищенскими.

Я допускаю такую возможность, что именно после Хьюстона, в самолете миллионера, у Ельцина окончательно рухнула в его большевистском сознании последняя подпорка. Возможно, в те минуты сумятицы в нем безвозвратно созрело решение выйти из партии и включиться в борьбу за верховную власть в России. Я знаю, что на это

мне могли бы возразить наши «международники»-американцы. Они бы мне обязательно «открыли Америку», что, мол, в Нью-Йорке есть Гарлем, что каждые 20 или 30 минут там совершаются убийства, что в ночлежках... что негры... что в США продажные сенаторы... что ВКП Америки подчинил себе всю экономику и пр. и пр. Да, скорее всего, все это в Америке есть, но есть ведь и у нас свои «гарлемы», свои «негры», свой ВКП... И еще 40 миллионов бедствующих, находящихся далеко за чертой нищеты людей. Но при всем этом у нас нет ни ночлежек, ни бесплатных столовых, а наши магазины пусты. И у нас все те же язвы, что и на Западе, только намного больше и намного запущеннее. И меня всегда умиляли наши журналисты, которые, живя в США и пользуясь их плодами, как могли «поливали» их грязью, писали про них разгромные книги, благо всегда находился в Союзе издатель. Беззастенчивое промывание мозгов советских граждан стало для них делом «чести и доблести», ибо эти «международники» выполняли социальный заказ: во что бы то ни стало доказать, что американский народ буквально погибает в адской нищете и только о том и мечтает, чтобы побыстрее перебраться на 1/6 часть мировой суши...

Создается впечатление, что в Америке обо всем позаботились заблаговременно. Самое первое метро было построено в... 1895 году в Бостоне, спустя десять лет — в Нью-Йорке, в 1928 году — в Филадельфии и в 1943-м — в Чикаго.

Американский профсоюз электриков еще в 60-е годы отвоевал себе 25-часовую рабочую неделю, разумеется, с сохранением средней зарплаты.

Американцу не надо очертя голову бегать с вещами по вокзалу в поисках касс (хотя их там полно), он может сесть в поезд и там купить у проводника билет. Конечно, с оплатой за услуги.

Еще в 40-е годы директор бюро стандартов Джордж Х. Берджесс оповестил американцев, что в их стране «существует 300 сортов ананасов, 500 сортов горчицы, 1000 сортов консервированных персиков, 4500 видов кукурузных консервов и 10 000 сортов пшеничной муки».

Готовясь к поездке в США, я прочел в одной книжке: в г. Кливленде дом в 23 этажа построили за 11 месяцев. В штате Южная Каролина возвели фабрику по непрерывной окраске и отделке текстиля (на площади 3,5 га) — за пять месяцев.

В Америке давно научились хорошо и быстро работать. Когда в годы войны понадобилось много судов (для перевозки в Европу войск и техники), в США освоили суда типа «Либерти». И если первое было построено за 250 дней, второе — за 62 дня, то позже один из кораблей был построен за 7 суток.

Нашим экономистам остался пустяк — выяснить секрет столь высокой производительности труда... Не верю, что народ, победивший фашизм и коммунизм, погибнет в нищете и голоде. Люди, у которых все в порядке с головой и руками, способны преобразовать свою жизнь.

РУБЛЕННЫЙ БИФСТЕКС

В самолете нас ждали два сюрприза. Из Майами позвонил Андреас и поинтересовался самочувствием своего гостя. «Все в порядке», — ответила стюардесса. Для нас это было несколько неожиданно: на высоте 10 километров звонят на борт самолета и интересуются здоровьем...

Время приближалось к обеду, и вскоре нам действительно предложили горячий бифштекс. Я вообще-то люблю рубленые блюда, и тот бифштекс, которым нас угощали, я съел с превеликим удовольствием. Потом мы стали обмениваться впечатлениями о супермаркете.

«Ну надо же, как дурачили народ, — возмущался Борис Николаевич. — И теперь ясно, почему советскому человеку препятствуют в выезде за границу. Боятся, что у людей глаза откроются...»

Я слушал шефа и соглашался с ним, хотя мне, наверное, легче было сравнивать Москву с любым городом Америки. Я все же был ближе к будням столицы, нежели Ельцин. Но если даже его взбудоражило, думал я, значит, дело серьезное...

Однако возвращаюсь снова к бифштексу. Подходит к нам стюардесса, представляющая компанию Андреаса, и с загадочной улыбкой Джоконды спрашивает: «Знаете ли вы, господа, что вы только что покушали?» Ну, начинается... Вроде бы не в Китае находимся. Мы, естественно, пожимаем плечами и на лице изображаем любезность: мол, что же еще кроме прекрасного рубленого бифштекса... И тут нас доканывают: оказывается, мы только что откушали бифштекс из... сои... Да, из белков этого «животного» продукта. Нам тут же вручили проспекты, в которых рекламируется изготовление множества блюд из сои. Это фирменные

блюда Андреаса. Однако меня никто не мог переубедить: лично я ел не что иное, как бифштекс из... мяса. Не знаю, помнит ли об этом эпизоде Борис Николаевич, но мне тогда очень понравилась его идея заключить с Андреасом договор по линии СОИ (не СОИ — стратегическая оборонная инициатива, а СОИ — сельскохозяйственного продукта, очень калорийного и очень питательного).

В Майами нас поселили на вилле Андреаса, а точнее — в апартаментах его дочерей, которые уехали куда-то отдыхать. На следующий день мы должны были с Ельциным улетать в Союз, а Ярошенко, Воцаков и Алференко оставались в США. Они надеялись встретиться с Солженицыным, экономистом Леонтьевым и бывшим помощником Президента по национальной безопасности Бжезинским. Побывав на коктейле в доме Андреаса, Борис Николаевич на следующий день посетил православный храм в Майами, после чего встретился с кубинскими эмигрантами. Затем было выступление в местном университете, куда его пригласил директор Института изучения Советского Союза и стран Восточной Европы Ж. Валентин. В 14.00 — последняя в США пресс-конференция.

Но быть рядом с пляжами Майами и не искупаться... Накануне отъезда (вечером) мы вчетвером отправились на берег моря. Уже было темно и, несмотря на чистое звездное небо и горящие рядом окна особняков, пляж был пустынный. Мы разделись и полезли в воду — очень соленую и очень теплую. Берег был пологий, и до глубины нам пришлось немного пройти. И вот, когда мы уже вдоволь наплавались и собрались выходить на берег, Ельцин вдруг говорит: «Фу, какая-то рыбина по бедру скользнула». Вроде бы даже рукой ее оттолкнул. Мы посмеялись, однако, у всех появилось чувство какой-то настороженности. Потом мы вышли на берег и уже на лежаках принялись обсуждать нашу поездку по США. Поговорили, затем еще поплавали и довольные вернулись в апартаменты. Утром часов в шесть я поднялся и выглянул в окно, выходящее на берег Атлантического океана. И что меня удивило: лишь несколько че-

люди бегали по пляжу, но никто не плавал. Правда, один человек забрел по колени и там бултыхался. Позже, когда мы спустились на пляж, то на больших транспарантах прочли: «Осторожно, акулы! Купаться опасно для жизни!» Можно только предположить, какая рыбина коснулась Ельцина в ту его последнюю ночь пребывания в США...

Одна местная маленькая фирма подарила нам майки, на которых было написано: «Я выжил с Борисом Ельциным в Америке». Настолько сложной и трудной была эта поездка. Уже в аэропорту Майами Борис Николаевич и Джим Гаррисон подписали меморандум, в котором были обобщены результаты поездки Ельцина в США. Вот его текст:

«Этот меморандум является соглашением между Б.Н. Ельциным и Джеймсом Гаррисоном. Меморандум касается распоряжения доходами от благотворительной деятельности Б. Н. Ельцина во время его визита в США 9—17 сентября 1989 года.

1. В соответствии с американской деловой практикой Б.Н. Ельцин имеет право на все доходы. Б.Н. Ельцин полностью отказывается от любых доходов.

2. Все доходы, в соответствии с указанием Б. Н. Ельцина, полностью и исключительно предназначаются для борьбы с распространением СПИДа в СССР.

3. Программа советско-американских обменов «Есален» использует все доходы для закупки современного медицинского оборудования. «Есален» намерена поставить в Советский Союз такого оборудования на сумму 100 000 долларов, включая системы одноразовых шприцев.

4. Б.Н. Ельцин и Советский фонд социальных изобретений намерены способствовать распространению всего медицинского оборудования в СССР.

*Б. Ельцин
Д. Гаррисон*

Подписано в Майами 17 сентября 1989 года».

Но как впоследствии выяснилось, Гаррисон оказался неджентльменом и своих обязательств не выполнил, несмотря на подписанный им меморандум. И потому Воща-

нов и Ярошенко доставили в Москву не 100 000, а всего лишь 10 000 шприцев.

Возвращались мы домой через Западную Германию с большой задержкой — в аэропорту Франкфурта бастовали служащие. Но лучше бы не спешили: в Москве нас ожидал «холодный душ», приготовленный партийной номенклатурой в лице ее верного органа — газеты «Правда».

Что же касается итогов поездки Б.Н. Ельцина в США... На вопрос корреспондента «АиФ»: «Хотелось бы знать из «первых рук» ваши впечатления об Америке,» — Борис Николаевич ответил:

— Главное впечатление — мне обидно за нашу страну. Если советских граждан провести хотя бы через один супермаркет, где выставлено около 30 тысяч видов продуктов, то всем станет ясно, что разрыв между обеспечением народов двух стран с каждым годом становится все больше.

У американского народа есть свои проблемы. Но в основной массе живут хорошо. Они боятся военных конфликтов, потому что им действительно есть что терять. Впечатления превзошли все мои ожидания. Я убедился в доброжелательности граждан этой страны к нашему народу и друг к другу и в том, что мы действительно потеряли многое.

УДАР НИЖЕ ПОЯСА

Взгляд советской прессы на визит Б.Н. Ельцина в США был более чем оригинальный. Вся поездка в основном замалчивалась. Однако же латвийская газета «Советская молодежь» довольно подробно информировала своих читателей о визите Бориса Николаевича в Америку. А 18 сентября в газете «Правда» появилась перепечатка итальянского журналиста Витторио Дзукконы — «Република» о Б.Н. Ельцине». Это была явно инспирированная фальшивка. На всем протяжении нашей поездки по США журналиста с таким именем мы не встречали. Хотя это и не псевдоним, а лицо вполне реальное, работающее на итальянскую «Републику». (К слову сказать, главный редактор газеты «Република» Эудженио Скальфари был удостоен в свое время Союзом журналистов СССР премии им. Воровского — высшей советской журналистской премии). Это был рассчитанный укол и отнюдь не из числа неприятных случайностей. В самом деле, в Штатах у Ельцина были десятки встреч, десятки интервью, а газета «Правда» перепечатала именно эту злопыхательскую и, в чем нельзя сомневаться, тщательно спланированную. Впоследствии Дзуккона в письме к своему редактору напишет: «Когда меня спросили, видел ли я лично, как Ельцин пьет и делает покупки, я ответил, что ни один эпизод не изложен от первого лица... Могу лишь добавить, что источником моей информации были также некоторые русские эмигранты в США, имена которых я должен теперь хранить в тайне ввиду международного политического скандала...»

То, что сама по себе публикация в «Правде» вызвала скандал, партбоссов не волновало, а наоборот: наконец-то, считали они, этот популист Ельцин прокололся. И те-

перь уж никак не сможет изображать из себя «светлую личность», любимца публики. 5 октября газета «Юрмала» писала: «Вся статья «Республика» о Ельцине состоит из одного негатива — ни строчки, ни полстрочки доброжелательности, корректности, так что даже у наивного читателя могут возникнуть резкие сомнения. Статья явно направлена на очернение поездки Ельцина в США».

Дзуккона пишет: «За пять дней и пять ночей, проведенных в США, Ельцин спал в среднем два часа в сутки и опорожнил две бутылки водки, четыре бутылки виски и несметное количество коктейлей на официальных приемах».

«Ну, допустим, — иронизировала латвийская газета, — по российским масштабам сие количество хмельного зелья — не более чем разминка, тем более если учесть богатырскую статью Ельцина. Возможно, данного количества питья вполне хватило бы, чтобы уложить в горизонтальное положение обе редакции — «Правды» и «Республики», но отнюдь не советского человека, тем более уральца, в жилах которого течет вся таблица Менделеева...»

Симптоматично: там, где Ельцин, там, как правило, закручиваются против него «дворцовые интриги». Так было и на XIX партконференции, так было в предвыборную кампанию, то же самое происходило и в преддверии II съезда народных депутатов Союза. Не верилось, что статья «Республика» о Б.Н. Ельцине» попала на страницы «Правды» случайно или только с санкции одного из редакторов ее отделов. Тут надо брать выше. Здесь наверняка речь идет о большой закулисной интриге против Б.Н. Ельцина, а заодно и против всех сил, которые сплотились вокруг него на основе перестроечной идеологии. Удар по Ельцину — это удар по авторитету прогрессивно мыслящих депутатов, удар по Ельцину — это реверанс в сторону бюрократии, плевков в лицо миллионам его избирателей.

Опубликовав вышеназванную статью, «Правда» и те силы, которые ее к этому подтолкнули, как бы хотели показать народу: все, что его кумир Ельцин наговорил там, в Америке, есть не что иное, как пьяный треп. Не верьте ему,

он такой! Расчет примитивнейший, но вместе с тем и коварный: раз пишут в газетах, значит, правда. А посмотрите, как он «летал» по магазинам да лопатой греб все под себя. Скупил всю американскую видеотехнику, выпил все виски. А еще борец за социальную справедливость!

И к стыду «Правды», она ни словом не обмолвилась о том, ради чего, собственно, Ельцин летал в США. Вот если бы речь шла о человеке, который на всех «авеню» и «стри-тах» шпарил об успехах перестройки в СССР, вот о таком человеке «Правда» создала бы целую героическую поэму. Но ведь факт: люди без собственного мнения и взгляда никому не интересны — ни в Штатах, ни на Мадагаскаре.

Многие средства массовой информации не приняли фальшивку Дзукконы — Афанасьева и ответили на нее резко отрицательно. Например, «Коррьере делла сера» писала: «Сделанного не исправишь... Между тем ошибки эти не безобидны — бесследно исчезла свидетельница, якобы видевшая, как Ельцин заснул во время ужина, не существует и бухгалтера, который подсчитывал бы, как вследствие суматошной беготни по магазинам молниеносно тают средства, полученные Ельциным за прочитанные лекции и предназначенные для Фонда помощи советским больным СПИДом».

Американская «Филадельфия инкуайрер» писала в том же духе: «Правда» подхватила эту статью «Республики» и напечатала ее на первой полосе в понедельник. В Москве разгорелась политическая буря. Ельцин, который уже вернулся домой, был возмущен. «Грязь!» — воскликнул он. По-видимому, он был прав».

Впервые на чьей-либо памяти — а память в России долгая — «Правда» принесла извинения. Пусть даже извинения эти были напечатаны на седьмой полосе в самом низу, но они были напечатаны. «Правда» признала, что корреспондент «Республики» Витторио Дзуккона, автор первой статьи, в действительности не видел ни одного из тех событий, которые он описывал».

23 сентября в Нью-Йорке состоялась пресс-конференция, посвященная итогам пребывания Ельцина в США.

В ней участвовали корреспонденты «Голоса Америки», Би-би-си, «Нью-Йорк таймс», «Нового русского слова» и т.д. И наши представители: Ярошенко, Воцанов и Алференко.

Почти по всем пунктам статья Дзукконы была дезавуирована, и американская общественность узнала правду о... «Правде».

Для нас с Борисом Николаевичем было абсолютно ясно, что пасквиль Дзукконы попал на страницы «Правды» с благословения КГБ и когда-нибудь об этом станет известно. Впрочем, сам автор, как только мог, отмывался от грязи, которой «Правда» с его помощью пыталась облить Б.Н. Ельцина. В интервью радио «Свобода», от 18 сентября 1989 года, Дзуккона сказал:

— Я никогда не разрешил бы «Правде» опубликовать мою статью в таком виде, как она первоначально появилась в итальянской газете. «Правда» поступила недостойно, не спросив моего разрешения на опубликование, не узнав, хочу ли я что-нибудь изменить в материале. Я решительно осуждаю, что моя статья использовалась в политической борьбе в Советском Союзе. Если «Правда» хотела комментировать поездку Бориса Ельцина, то это должны были сделать ее корреспонденты в Соединенных Штатах.

В моей статье был ряд неточностей и не все в ней верно. Это ставит под вопрос ее достоверность в глазах моих читателей.

На вопрос: «Можно ли считать Ваше заявление опровержением?» — В. Дзуккона ответил: «Я горячий поклонник господина Ельцина. Он совершенно прав, говоря о проблемах, с которыми встречается его страна в годы перестройки. Правда, я не всегда согласен с формой, в которой он это делает. Его ошибка, по-моему, в том, что тон его выступлений несколько резок, и это порой может вызвать раздражение слушателей.

Пьет ли он или нет, что покупает — это никого не касается. Использование фактов из личной жизни в целях политической борьбы, как это сделала «Правда», недопустимо.

Мною были получены дополнительные факты от других людей, которые я использовал. Но могу заверить, что эти люди не из КГБ.

Я сожалею о том, в каком тоне написал эту статью. Не учел, что в России не понимают разницы между политической корреспонденцией и светской хроникой. К тому же у итальянцев другое представление о поведении людей. Если человек выпивает, то это только повышает его в их глазах. А что касается покупок, то это абсолютно нормальное дело.

Свою статью я писал без всякого злого умысла. Моя газета и я делаем все для того, чтобы поддержать процесс перестройки.

Еще раз скажу, что публикация статьи в «Правде» — ошибка».

Высказывания Ельцина в США стали фугасной бомбой, разорвавшейся над головами главных функционеров братских компартий. Они ведь прекрасно понимали: рухнет миф о КПСС, развалятся и партийные филиалы ее в других странах. Вот почему такую активность в изобличении Ельцина проявил Генсек Компартии США Гэс Холл. Он, в частности, в газете «Пиплз дейли уорлд» (21.09.1989) писал: «Такие люди, как Борис Ельцин и Андрей Сахаров, создают проблемы для Советского Союза, который их породил. Но мы в США не можем остаться в стороне и должны открыто выражать мнение, когда такие люди приезжают к нам, выступая с фальшивыми заявлениями об американском капитализме и очерняя социализм как систему. Визит Ельцина имеет непосредственное отношение к политической и идеологической атмосфере в нашей стране, а также к психологии и образу мышления американцев применительно к социализму и капитализму. Таким образом, на нас ложится обязанность помочь уточнить эту цель и разоблачить ложь в заявлениях Ельцина и его недопустимое поведение в нашей стране... Своими постоянными брюзгливыми, односторонними, критическими замечаниями Ельцин способствовал падению престижа социализма. У него

не нашлось ни слова похвалы в адрес социализма или своей страны...

...Отвечая на вопрос о коммунизме, — продолжал Гэс Холл, — Ельцин самоуверенно и цинично усмехнулся и подчеркнул будущее социализма замечанием: «Забудьте об этом. Это мечта. Никому и пытаться не следует ее реализовать».

И Ельцин как в воду глядел: «мечта о коммунизме» лопнула мыльным пузырем на второй день после захвата власти большевиками, хотя «похороны» состоялись лишь в августе 1991-го.

Что касается высказываний Холла, то его, конечно, понять можно: Ельцин предстал зримой, а потому реальной угрозой беспроblemному существованию «лилипутской» компартии США и самого ее вождя. Но разница между точками зрения Холла и Ельцина заключалась в том, что Ельцина в Штатах воспринимали как новатора, а Холла — как начетчика, в чьих словах не больше смысла, чем в самой программе КПСС. Если Ельцину почти уже верили, то Холлу уже не верил никто. Как уже никто не верил потугам редактора Афанасьева, его «толкачам» Вадиму Медведеву и Егору Лигачеву. Всплеск возмущений, вызванных в народе статьей в «Правде», был настолько огромен, что партаппарат с непривычной для него оперативностью дал задний ход и принес свои извинения Борису Николаевичу. Но если в одном месте нападавшая сторона штопала свои прорехи, зато в другом готовила новые ловушки.

Михаил Полторанин, будучи вместе с Ельциным на встрече с избирателями в Раменках, выразился по этому поводу следующим образом: «Вот уже полтора года мы с вами занимаемся однообразной работой, навязанной нам любимыми функционерами со Старой площади. Эти любимые функционеры берут большую телегу и начинают ее катить на Б.Н. Ельцина, потом мы поднимаемся и опрокидываем эту телегу на аппарат. Потом этот аппарат создает новую телегу, и опять мы поднимаемся, и так продолжается бесконечно. Аппарат уже весь в зеленке, весь в синяках, но

тем не менее, этой работы не бросает. Перепечатанная в «Правде» статья из «Республики» — факт, находящийся в одном ряду со всеми предыдущими нападками на Б.Н. Ельцина, но на новом уровне. Я знаю Афанасьева много лет, мне пришлось с ним работать. Такие акции он сам единолично не предпринимает».

Нас ждал еще один «сюрприз», но теперь уже со стороны Д. Гаррисона. Выше я уже говорил о совместном меморандуме, подписанном Ельциным и Гаррисоном. Казалось, визит к обоюдному удовлетворению завершен, все точки над «і», кажется, расставлены — следуй лишь букве договоренности. Но вместо этого наш американский контрагент приезжает в Союз и представляет нам, мягко говоря, некорректный счет. В нем были вписаны такие статьи расходов, которые нам и не снились.

Например, авиапутешествие на Гавайские острова. Вот уж поистине, без меня меня женили. Позже, однако, выяснилось, что на эти острова летал Алференко, но никак не Борис Николаевич. Мы попросили Ярошенко разобраться со счетами, что, однако, не помешало Гаррисону пустить утку о каких-то баснословных расходах Ельцина. Этим он фактически поддержал Дзуккону, хотя на пресс-конференции в Нью-Йорке отрицал выпады итальянского журналиста. Гаррисоновскую информацию тут же подхватила партийная пресса — газеты «Гласность» и «Голос Тушина», ряд изданий на периферии — и начали на все лады раздувать скандал. И вот тогда мы стали задумываться — а не была ли поездка Ельцина в США кем-то отрежиссирована? И какую роль при этом играл Фонд социальных изобретений, поддержанный Генсеком? Какую роль при этом играл сам Алференко, который заведовал Фондом и еще два с половиной месяца (после отлета из США Б.Н.) разъезжал с Гаррисоном по Америке? Бросалось в глаза, что все нападки на Ельцина опять ложились в один и тот же «квадрат»: как раз была пора выборов и у кого-то снова возник большой «спрос» на дискредитацию главного лидера демократической России. Ради справедливости надо сказать, что пар-

тия и ее вожди не ошибались, нюх их почти не подводил — они чуяли в Ельцине волкодава, неутомимого охотника на них. И спешно искали подходящее оружие, чтобы садануть ему под лопатку. Впрочем, действовали они четко и оружие выбрали по времени: давили на психику избирателей, мutilовали воду — авось поймается рыбка.

Прослеживается плотное сцепление «случайностей»: Дзуккона — газета «Правда», Гаррисон — десятки партийных газет... И когда пристрелочные залпы были сделаны, началась настоящая массивированная «артподготовка» из самых тяжелых стволов. Я имею в виду телевидение, имеющее столь колоссальное воздействие на умы людей. Это как раз и подключили идеологи со Старой площади как ударную силу в борьбе с Ельциным. Для них ведь было предельно ясно, что Ельцин, как по накатанной дорожке, пройдет в народные депутаты России, а «оттуда», вероятнее всего, — в председатели парламента. Он мог хоть сто раз быть депутатом Союзного парламента, но это было «не больно», настоящая трагедия для «руководящей» — если Ельцин оттяпает Россию. Тогда, прикидывали номенклатурчики, от него пощады не жди... Но, мне кажется, хотя коммунисты и понимали, в какую «рулетку» играет Ельцин, они все же сминдальничали, не проявили должной большевистской твердости и как-то вяло прореагировали на опасность. Но, возможно, по-иному просто уже не могли: за годы безраздельного владычества над страной, подрастеряли упругость мышц, как-то подрамякли на сытых харчах, а потом эта всеобщая «философия» шапкозакидательства и советский «авось». И в итоге, какое-то странное оцепенение захлестнуло партократов. Иначе, чем еще объяснить тот факт, что все «мероприятия» против Бориса Николаевича в конце концов оборачивались не в ущерб ему, а наоборот — повышали его популярность. Правда, здесь видится и другой расклад. Кому-то, видимо, из правящей верхушки было на руку — не добивать Ельцина до конца, а, помяв бока, оставить его в другой берлоге с другим медведем — Горбачевым. Ведь Михаил Сергеевич уже не

был для ЦК милым, подающим надежды новичком образца 1985 года. Он уже считался настоящим разорителем железных рядов партии, без устали раскладывающим свой «пасьянс». И кто-то на это сильно рассчитывал: пока Горбачев выясняет отношения с Ельциным, никуда Система не денется, а будет по-прежнему цвести и пахнуть..

Когда мы уже вышли на работу, Ельцину позвонил председатель Гостелерадио Ненашев и сказал, что Центральное телевидение собирается показать фильм о поездке Б. Н. Ельцина в США. Было это 27 сентября. Борис Николаевич спрашивает у звонившего: «Какой фильм телевидение собирается показывать?» Вроде бы ничего «по его линии» не снималось. Но, оказывается, речь шла о его выступлении в институте Д. Голкинса в Балтиморе. Я был свидетелем того телефонного разговора, и он тогда не вызвал особых сомнений. Да и Ненашев мне казался порядочным человеком. Однако я глубоко заблуждался.

На следующий день Борис Николаевич проводил заседание своего Комитета по архитектуре и строительству, а мне поручил связаться и уладить дела с телевидением. По правительственной связи я позвонил Ненашеву, представился и попытался выяснить — есть ли возможность предварительного просмотра телематериала, который ТВ собиралось показывать. Но Ненашев вместо дела начал нести какую-то ахинею. Мол, еще не успели сделать копию, да и вообще, сказал он, зачем «вам, смелым людям, устраивать предварительные просмотры?». То есть он имел в виду нас с Борисом Николаевичем. Потом, правда, согласился с нашими требованиями и предложил моему шефу приехать на студию, чтобы просмотреть видеопленку.

Вернувшись в свой офис, я рассказал Ельцину о разговоре с главой Гостелерадио и уточнил, какую именно пленку они хотят показать стране. Это сообщение у Бориса Николаевича большого энтузиазма не вызвало. Мы тут же собрались и поехали в Останкино. Нас встретил помощник Ненашева, симпатичный, элегантный чиновник, и зам. Ненашева Лазуткин. Состоялось небольшое техническое при-

готовление. Включили аппаратуру, и начался просмотр встречи Ельцина в институте Голкинса. Я ее видел, что называется в натуре, ибо в те минуты находился в зале, где выступал Борис Николаевич... И вот он смотрел, смотрел на телеэкран и вдруг начал мрачнеть, на лице появилось выражение озабоченности, и я чувствую, что этот «видик» ему не по душе. И Лазуткин сидит озадаченный, ибо понимает, что они хотят предложить своим зрителям, и потому невянятно пытается что-то говорить насчет низкого качества пленки... И что, мол, Ельцин вправе отказаться от показа и т.д. И Борис Николаевич, естественно, не дал «добро» на демонстрацию этой не самой удачной встречи в США.

Я тут же сказал Лазуткину, что если ТВ хочет непременно показать поездку Ельцина в США, то почему бы им не воспользоваться видеоматериалом, отснятым, допустим в Чикаго или Филадельфии, а лучше всего — в Колумбийском университете... Но мы-то, конечно, понимали, в чем здесь дело. Ельцин прямо из студии позвонил Ненашеву. «Михаил Федорович, — сказал он, — я только что просмотрел видеопленку и, мне кажется, этот материал показывать не стоит. Есть ведь другие мои выступления...» А в ответ услышал: «Это, дескать, последняя пленка об Америке, которую и так получили с огромным трудом». Словом, нет выхода бедному Гостелерадио — надо показывать то, что Бог послал (а может КГБ?). Короче, Ненашев начал лукавить, вместо того, чтобы по-мужски сказать правду, что, мол, делать, Борис Николаевич, я сам раб Лигачева, и мне приказали показать именно эту, а не другую пленку. Тут же Лазуткин влез в разговор и начал спасать ситуацию: «Ладно, не волнуйтесь раньше времени, что-нибудь придумаем...»

Вернулись мы с Борисом Николаевичем в гостиницу «Москва», и оттуда я позвонил Лазуткину, чтобы еще раз прояснить положение.

— Знаете, Лев Евгеньевич, — сказал он, — сейчас у меня работает оператор, и, я думаю, мы в конце концов что-нибудь подберем. Хотя, честно говоря, выбирать особенно не из чего...

Звоню оператору, но и он ничего сказать не может. Неопределенность. Чувствую, что-то темнят. И действительно, «замотали» свои обещания. (Лазуткин, когда мы были на телевидении, вызвал фотографа и сказал, что его дочь большая поклонница Ельцина... Словом, напросился с ним сфотографироваться — лицемер...) Ненашев и Лазуткин так ничего и не сделали, чтобы выполнить законное требование Ельцина — не показывать «балтиморскую пленку» и еще одну — из передачи «С добрым утром, Америка!», ранней телепередачи США. Это были наиболее неудачные материалы, но, по логике манипуляторов общественным мнением, они как раз и были квинтэссенцией в «сериале» дискредитаций Ельцина. Но самое подлое было в том, что и Ненашев, и Лазуткин до последней минуты уверяли нас, что понимают законное желание Бориса Николаевича и постараются исправить положение. И вдруг программа «Время» сообщает, что завтра, то есть 1 октября, по первой программе будет показана поездка Ельцина по США. Дважды анонсировали будущий показ, что явилось небывалой для Ельцина «рекламой». Цинизм, да и только: его собирались «топить», о чем и объявили на весь мир.

Я был на даче, когда туда приехал мой приятель и рассказал о предстоящей «телепремьере». Вот тогда у меня что-то защемило в груди. Я понял, что наверняка покажут его балтиморскую лекцию, которую он читал 12 сентября.

Так оно и произошло: телезрители увидели самые ранние выступления Ельцина и потому, мягко говоря, не самые выигрышные. В цепи компромата против Ельцина эти видеоролики должны были, по мнению авторов программы, заткнуть рот тем, кто видел в Ельцине ходячую добродетель и был ревнив к его авторитету... Телевидение должно было исполнить заказ партии и представить публике «голого короля».

Потом, конечно, выяснилось, что подача была сделана Лигачевым, а Ненашев с Лазуткиным оказались всего лишь разыгрывающими. Ненашева они просто прижали к стене, и он не мог отказаться. Конечно, ставки в закулисной

игре сделаны были солидные. Визуальная информация — наиболее доказательный и убедительный вид информации. Вроде бы, что глаз видит, то есть реальность... Но все дело в том, что телевидение — это настоящая кухня монтажа, где из фитюльки можно сделать эпохальное событие, а из эпохального события — фитюльку. Все зависит от того, в чьих руках кнопки и рычаги информационной машины.

Когда я посмотрел по ТВ встречу Ельцина в университете Д. Гопкинса, тоже ужаснулся. Все было совсем не так, как в реальности... После показа этих пленок, на имя Бориса Николаевича с телевидения пришло письмо, в котором, в частности, говорилось: «1 октября по телевидению транслировалась передача с Вашими выступлениями в США. Квалифицированный просмотр передачи выявил, что на балтиморской записи наблюдается значительное расхождение звука с артикуляцией губ. Звук в течение Ваших слов «плавает», постоянно то обгоняя, то отставая от артикуляции, особенно на звуках, слабо связанных с движением губ (типа «р»). Звуки, четко определяемые по движению губ (типа «м»), синхронизированы с артикуляцией хорошо. Отмеченное плавание звука отсутствует у находящегося в зале переводчика с русского на английский и проявляется только в Ваших словах.

Подобные искажения являются серьезным случаем технического брака, даже если они встречаются в передаче несколько долей секунды. В таких случаях запись бракуется и подлежит переделке заново...» И далее: «Относительно самой видеозаписи удалось выяснить следующее. За сутки до выхода в эфир некоторые работники ЦТ случайно по внутренней служебной телесети (около 19 часов) видели два варианта указанной передачи. Первый вариант, по общему утверждению видевших его, имел гораздо более заметные искажения вышеуказанного характера, легко определяемые неквалифицированным зрителем. Вторым вариантом, соответствующий вышедшему в эфир, был показан по той же линии внутренней телесети и имел приемлемую на взгляд неспециалиста степень искажений...»

Недоброжелатели Ельцина после показа по ЦТ балтиморской видеозаписи затаили бесконечную песню на тему: «Ельцин и моральный облик коммуниста...» Конечно, кое-кто из его сторонников поколебался, в прессе начались пересуды о нравственном имидже председателя Комитета по делам архитектуры и строительства ВС. Молотобойцы со Старой площади замахнулись на неугомонного свердловчанина, выходящего «на просторы Родины чудесной».

Одна латвийская газета, дабы рассеять сомнения своих читателей, по телефаксу связалась с сотрудником американской телекомпании Си-би-эс в Москве (той самой, которая работала с Б.Н. Ельциным в университете Д. Гопкинса) Джонатаном Сандерсом с таким вопросом: был ли Б.Н. Ельцин во время своего выступления в Балтиморе пьян, как это утверждают его оппоненты? Ответ был исчерпывающим: «Борис Ельцин выглядел намного раскованнее, чем большинство советских политических деятелей. С его стороны была предпринята попытка «вписаться» в неформальный американский стиль, проповедуемый данной телекомпанией. Нужно еще учесть, что Ельцин, будучи очень усталым, принял транквилизатор, из-за чего, очевидно, в комбинации с обстановкой на телевидении, был несколько возбужден. Был ли он нетрезв? Наверняка нет!»

ЕЛЬЦИН ЗАРАБАТЫВАЕТ ДОЛЛАРЫ

В марте 1989 года Борис Николаевич с супругой уехал отдыхать в Кисловодск. В один из дней мне позвонили из Нью-Йорка, из издательства «Мэрроу». У них, оказывается, родилась хорошая идея — написать совместно с Б.Н. Ельциным книгу. Я, стараясь скрыть удивление, поинтересовался: как издатели себе это представляют? А мы, отвечаю, подберем хорошего журналиста, в совершенстве владеющего русским языком, он приедет к Б.Н. Ельцину и будет с ним беседовать, беседовать и записывать на магнитофон. А затем — дело техники, чисто издательская работа. Упомянули даже размер гонорара — 140 тысяч долларов. Мне эта сумма тогда показалась баснословной, но без разговора с Борисом Николаевичем ничего определенного ответить им не мог. Говорю: «Давайте немного повременим, я свяжусь с шефом, а вы мне перезвоните»...

Но идея, честно говоря, мне очень понравилась. Вечером я позвонил в Кисловодск и поставил Б. Н. Ельцина в известность об американском предложении. И первое, что я от него услышал — это чтобы все деньги за книгу обязательно пошли на милосердие или на антиСПИД. В этих вопросах он очень щепетилен. И остановились на том, что американцы должны прислать договор на издание книги, а он его изучит и только после этого даст ответ. И действительно, через некоторое время у меня в кабинете вновь раздался звонок — Нью-Йорк на проводе. Я говорю издателям: «Принципиальное согласие Ельцина мною получено, так что присылайте договор, мы здесь его посмотрим, обсудим и тогда будем говорить конкретно, что да как».

Б.Н. Ельцин еще был на отдыхе, когда договор пришел в Москву. Американцы не знают промедления... В догово-

ре говорилось, что все авторские права перейдут к издателью, магнитоупленка также отчуждается в его собственность. Когда Ельцин вернулся из Кисловодска, я его тут же проинформировал. «Пусть договор еще поквасится, — сказал он, — а мы подумаем...»

И вдруг — благоприятное стечение обстоятельств. Центральная студия документальных фильмов снимала о Б.Н. Ельцине фильм, автором сценария был корреспондент журнала «Огонек» Валентин Юмашев. Сказать, что он часто бывал в Госстрое, это значит ничего не сказать: он стал постоянным обитателем нашего офиса и ходил за Б. Н. Ельциным буквально по пятам. Весь процесс предвыборной кампании был заснят на пленку и, в том числе, многие встречи, почти все митинги. И вот, когда однажды Юмашев появился в Госстрое, я пригласил его к себе и показал договор, который прислали американцы. Он его прочитал, мило улыбнулся и говорит: «Лев Евгеньевич, это ведь кабальный договор, и вам ни в коем случае нельзя с ним соглашаться». «Почему?» — спрашиваю.

«Ведь 160 тысяч долларов...» Юмашев еще больше веселился: «Да над этой суммой весь мир будет смеяться...» «Почему же смеяться?» — опять ничего не понимаю. «Да потому, что это смехотворная сумма...»

Выяснилось к тому же, что у Юмашева в Лондоне есть хороший литературный агент, юрист Эндрю Нюрнберг, с которым можно обо всем проконсультироваться. На этом мы и остановились. Юмашев позвонил в Лондон и договорился, что Нюрнберг приедет в Москву. И в самом деле, вскоре в Госстрой приехал Юмашев вместе со своим английским юристом. Говорил он по-русски и вообще оказался эрудированным, обязательным человеком. Знает четыре или пять языков. Это довольно известный в Европе литературный агент, с чьей легкой руки разлетались по миру тысячи экземпляров мемуарной литературы. Впрочем, это его основной род занятий и потому подход к делу чувствовался сугубо профессиональный.

Втроем мы пошли к Б.Н. Ельцину, но он был занят, устал и не принимал гостей. Я выхожу из его кабинета в достаточно смущенном состоянии. Говорю Юмашеву и Нюрнбергу: «Извините, ребята, шеф вас не примет». На их лицах недоумение. Огорчились. И я чувствую себя тоже в неловком положении. Короче расстались — я отправился к себе в кабинет, мои гости — к проходной. И вдруг на пороге моего кабинета появляется Борис Николаевич и спрашивает: «А может, все-таки твоего Нюрнберга с Юмашевым принять?» Вот те раз! Бегу вниз, и, слава богу, они еще от Госстроя далеко не ушли. Назад — бегом, чтобы Б.Н. Ельцин не передумал. Словом, все, как в сказке. Вначале все скверно и трудно, но зато в конце все образуется. Короче, заключили договор на издание книги «Исповедь на заданную тему».

Нюрнберг взялся организовать в Штатах аукцион по продаже права на издание этой книги. А в это время Борис Николаевич уже начинает наговаривать главы книги на магнитофон. Авторские права остаются у Ельцина, все пленки и тексты тоже. Издательству же, пожелавшему опубликовать «Исповедь», оставалось лишь техническое осуществление проекта. И, разумеется, реализации книги.

Нюрнберг поступил по-джентльменски: сначала он обратился к американскому издательству «Мерроу», поскольку идея написания книги принадлежала ему. Однако затребованные Эндрю 260 тысяч долларов гонорара оказались издательству чрезмерными, и оно отказалось от своих притязаний. Короче, право на первое издание «Исповеди» купило на аукционе другое американское издательство, в результате чего первоначальная сумма гонорара возросла до 460 тысяч долларов. Естественно, определенный процент отчислялся Юмашеву и Нюрнбергу.

Наблюдая за деятельностью Эндрю, я понял, насколько в таких делах мы невежественны и беспомощны. Привлечение специалиста к изданию книги Бориса Николаевича действительно дало ошеломляющий результат. Ее начали публиковать в Италии (издательство «Леонардо»),

во Франции (издательство «Кальман Леви»), в Англии (издательство «Джонатан Кейт»), в Финляндии (издательство «Верна Седестром»), в Голландии («Антос-Роберт Амерлан»), в Норвегии («Капелен»), в Швеции — издательство «Форум». Книга Б.Н. Ельцина была опубликована в Японии, США, Греции, Дании, Португалии, Испании, Бразилии, Южной Корее, на Тайване...

Итак, началась работа над книгой. Разумеется, и у меня были кое-какие записи, но весь материал — в голове Бориса Николаевича. Он наговаривал на магнитофон, а затем его дочери распечатывали пленки. Юмашев делал литературную обработку. При этом он стремился сохранить «колорит личности» Б.Н. Ельцина: его стиль, только ему присущие обороты речи. Однако работа над книгой Борису Николаевичу давалась с большим трудом, ибо его парламентский день был насыщен до предела. А сроки между тем не позволяли откладывать: рукопись должна была быть готова к октябрю, чтобы в феврале 1990 года книга могла попасть к читателям. Правда, Ельцин уложился в сроки, и уже в октябре отредактированная и завизированная автором рукопись попала в издательство. Но выход ее в свет по просьбе Ельцина перенесли с февраля на март. Объяснялось это предстоящими выборами в Российский парламент. Дело в том, что в своей книге он давал резкую нелицеприятную характеристику всем членам Политбюро. Критиковал он и Горбачева, и потому не без оснований считал свою «Исповедь» «бомбой». Но он также знал, что любой политический взрыв вызовет ответную реакцию, и потому решил повременить с выходом книги. И, наверное, правильно поступил, ибо при той всесильности партийного аппарата Б.Н. Ельцин мог бы не стать депутатом ВС России. А уже тогда демократы искали оптимальные варианты предвыборной кампании. Многие из его окружения предлагали остановиться на депутатстве в Моссовет, но другие, более решительные демократы, говорили, что Москва — пройденный этап и уже пришла пора «штурмовать» российский парламент. А в Москве пусть борются за власть

видные деятели из Межрегиональной депутатской группы — например, Гавриил Попов...

Вскоре Б.Н. Ельцин получил из Лондона расписание предстоящей презентации книги. Он долго колебался — ехать или не ехать за рубеж, поскольку боялся, что оппоненты обзовут его «туристом», но потом все же согласился. Впрочем, по-другому и не могло быть: в договоре был пункт, в котором говорилось, что автор в обязательном порядке должен присутствовать на презентации. В противном случае он лишается 25 процентов гонорара.

О том, как мы ездили на презентацию, я расскажу в другой главе. Сейчас же речь пойдет о поездке Б.Н. Ельцина в Японию. Это уже была не карнавально-неофициально-экскурсионная поездка, каковым в определенной степени был визит в США, а сугубо официальное мероприятие, в чем-то по-восточному чопорное, но и по-восточному же идеально организованное...

СЛЕЗЫ ЕЛЬЦИНА

Мы, разумеется, понимали, что поездка в США была перенасыщена мероприятиями. Отсюда и накладки — срыв некоторых ранее запланированных визитов и встреч. Все это было учтено при составлении программы визита в Японию. Полетели мы вчетвером: Борис Николаевич, Павел Воцанов, Виктор Ярошенко и я.

Приглашение поступило от телекомпании Ти-би-эс, а также деловых кругов Японии, в связи с чем и был оформлен соответствующий протокол. В отдельном его пункте оговаривалось гарантированное выделение средств для закупки одного миллиона одноразовых шприцев. Японцы все без исключения пункты протокола реализовали. График поездок по стране выполнялся буквально поминутно. И все делалось с большим тактом, без напряжения, как в США. Японцы, мило улыбаясь, не спеша, великолепно делали свое дело...

Собственно визит начался 14 января 1990 года. Сначала организаторы поездки купили билеты на советский авиалайнер, но по нашей просьбе поменяли их на «Боинг». Я мог сравнивать полет в США с полетом в Японию. Сервис в общем схожий, хотя от нашего, конечно, сильно отличается.

Летели в первом классе, и как только поднялись в воздух, нас снабдили теплыми одеялами, халатами, носками и домашней обувью. Чувствовали себя, как дома. Смотрели «видик» и особой новизны уже не ощущали. Прибыли в токийский аэропорт Нарита, где нас ждали три машины. На них мы сразу же отправились в маленький аэропорт Сакура, с которого на небольшом самолете поднялись в воздух и несколько минут летали над Токио. Так состоялось

наше первое знакомство с одной из великих стран планеты. Вместе с нами была переводчица Мари Янахара, чистейше говорящая по-русски. Благодаря ее комментариям, мы много узнали о Токио. Лично меня поразила плотность застройки — кажется, между домами не просунешь даже лезвие бритвы.

Нам сказали, что земля в Токио очень дорогая и цены на нее примерно в 100 раз выше, чем в любой другой стране мира. С воздуха хорошо были видны следы титанической борьбы человека с морем, борьбы за каждый квадратный метр суши. Ее здесь буквально рукотворят, ежегодно намывают все новые и новые участки земли. Целые мегаполисы строятся на площадках, отвоеванных у моря. Великолепные здания, вознесшиеся над морем, покоятся на сваях, уходящих в искусственную землю.

Мы также видели огромные плантации водорослей, которые специально выращивают для пищевой и фармацевтической промышленности. В Японии все идет в дело, это саморегулирующая система с колоссальным потенциалом.

Так же, как и в США, в Японии много было встреч с журналистами и бизнесменами. И были, разумеется, званые обеды и ужины, на которых можно было сравнивать кухни. Например, японскую «русскую» кухню — с американской «русской», а эти две — с советской русской. И оказалось, что японская «русская» более русская, чем наша отечественная. В Японии обед — ритуал. Обслуживают и официанты, и официантки. Гейш мы не видели и Борис Николаевич по этому поводу часто шутил: «А где тут ваши гейши?»

В первый же день пребывания в Японии (14 января) мы налетались, насмотрелись, вдоволь наговорились, после чего и прибыли в одну из лучших гостиниц Токио — «Принц отель». Для нашей делегации освободили целый этаж. Мой номер находился рядом с апартаментами Бориса Николаевича. В наше распоряжение выделили несколько служащих и охрану, которая с первой и до последней минуты оберегала наш покой. Никто на этаж не мог по-

пасть, минуя охрану. Такая изолированность объяснялась исключительно мерами безопасности.

В глаза бросалась ухоженность помещений, уют, повсюду цветы. Убранство номеров отличалось от европейского своим национальным колоритом. После того как разместились в гостинице, нас пригласили на ужин с участием «звезд» Ти-би-эс. На следующий день, 15 января, отмечался день совершеннолетия Японии. Это национальный праздник, глубоко чтимый жителями этой страны. Люди надевают кимоно, и поскольку в этот день никто не работает, все выходят на улицы и предаются радостному общению. Затем мы осмотрели главный храм, величественный и строгий; Борис Николаевич подошел к группе девушек и вместе с ними сфотографировался. Позднее он дал программе теленовостей интервью, после чего в расписание визита вкралось незапланированное мероприятие. Мы поехали в сауну, которая располагалась в гольф-клубе. Это респектабельное заведение представляет собой современно оснащенный оздоровительный центр с набором разнообразных оздоровительных процедур. Чтобы заполучить эти блага, нужно уплатить 38 долларов, а это немало. Но попарились мы очень хорошо, много плавали в просторном бассейне. На все это удовольствие ушло примерно полтора часа. Затем мы вернулись в отель, переоделись и отправились в здание телекомпании Ти-би-эс, куда также должен был приехать наш посол Николай Соловьев.

В 11 вечера японцы на экранах своих телевизоров увидели Б.Н. Ельцина. Передача прошла в динамичном ключе и имела большой резонанс, поскольку разговор шел на животрепещущую тему — о северных территориях, на которые претендует Япония. Вопросов было много, но они, как и в США, вращались вокруг одного и того же интереса: ход перестройки в СССР, международные отношения, экономические связи с Японией и т. д. И как ни странно, очень большой интерес проявлялся к положению в Прибалтике. Конечно, стержневая тема интервью — острова... И когда зашел об этом разговор (а Борис Николае-

вич к нему готовился особенно тщательно, проводил широкие консультации со специалистами), Б.Н. Ельцин заявил о своем пятиэтапном принципе решения спорных вопросов. Он рассчитывал решить эту проблему в течение 15—20 лет. Он подчеркнул, что проблема островов остро стоит в Японии, а наш народ об этом ничего не знает. Люди должны привыкнуть к произнесенной «вслух» проблеме. Затем необходимо объявить острова зоной свободного предпринимательства, третий этап — демилитаризация островов, четвертый — подписание мирного договора с Японией и, очевидно, реализовать пятый этап будет уже новое поколение политиков...

Вначале средства массовой информации отнеслись к «меморандуму» Ельцина о северных территориях настороженно, но затем, вникнув в суть принципов, японская пресса буквально разразилась комплиментами в адрес Ельцина. Дескать, то, что он предлагает, разумно со всех сторон и что эту проблему действительно с ходу не решить.

Правда, на Хоккайдо, где мы тоже лобывали, известный советолог профессор Кимура попенял Б.Н. Ельцину: какой же вы, мол, политик, если видите решение столь животрепещущей проблемы в течение 15—20 лет? Ее ведь надо решать незамедлительно... Однако политолога-радикала японская пресса «поставила на место». В частности писали, что Ельцин в этом вопросе проявил политическую дальновидность и что сроки могут приблизиться, но отнюдь не потому, что японцы их будут форсировать. Возможно, как раз потому, что Б.Н. Ельцин «растянул» проблему на 20 лет, она и найдет более скорое решение.

Ведь тогда, в январе 1990 года, Б.Н. Ельцин еще не был председателем ВС России и Центр еще был незыблем, так что осторожность подходов к этой проблеме была объяснима. И он не исключал, что через какое-то время с островами произойдет желательная для японцев метаморфоза (в виде, скажем, совместного протектората), после чего они могут быть переданы Японии насовсем.

Затрагивался также вопрос о японских военнопленных, погибших в годы войны, могилы которых разыскиваются до сих пор. Б.Н. Ельцин признал, что такая проблема действительно существует и нет преград для ее решения. Много задавали вопросов о независимости Прибалтики, и Борис Николаевич в который раз подтвердил свою позицию: Латвия, Литва и Эстония должны быть независимыми государствами (год спустя, в тревожные январские дни, свой тезис он подтвердил решительным шагом, когда в ночь штурма вильнюсского телецентра отправился в Таллин и оттуда обратился к Советской армии с призывом — не идти против народов Прибалтики — и тем самым помещал реализоваться «первому путчу»).

Состоялась встреча с издателем «Исповеди», с ее переводчиком, который, кстати сказать, переводил Достоевского, Чехова, Замятина, Солженицына и других русских писателей. Книга Б.Н. Ельцина вышла в Японии 5 марта 1990 года 30-тысячным тиражом. Японцы очень предприимчивы и, кажется, на пустом месте могут организовать свое дело. Мы побывали в маленьком ресторанчике, которым заведуют супруги и который они купили на сэкономленные средства. Вся его площадь не превышает, наверное, жилой комнаты в нашей стандартной квартире. Крохотная кухонька и «зал» — нечто вроде витрины — шесть стульев и два столика. Но как же там вкусно кормят! Наверное, наш гигантский «Пекин» не сможет насчитать такого ассортимента блюд, который нам предложили в этом мини-ресторанчике. Во всяком случае, теперь Борис Николаевич и его сопровождение могли похвастаться, что в Японии они ели сырых кальмаров и креветок, мясо тунца, икру селедки и морских ежей, омаров, крабов, морских гребешков, устриц. Мы ели с помощью палочек и пили рисовое вино. Даже по советским меркам, мы съедали довольно много, а в желудке было ощущение удивительной легкости. Японцы, как правило, худощавые, и объясняется это полным отрицанием жирной пищи. Вообще они в гастрономических изы-

сках больше фантазеры. В Саппоро, например, нас отвели в пивной ресторан, расположенный в бывшем кирпичном заводе. Это предприятие из-за низкой рентабельности стало убыточным, и тогда с помощью художников-дизайнеров его переоборудовали в ресторан. К каждому столику подведен газ, и тут же стоят жаровни, на которых можно испытать свои кулинарные способности. Приходишь, снимаешь пиджак, на грудь надеваешь нечто похожее на слюнявчик и приступаешь к приготовлению пищи. К твоим услугам масса различных овощей, тонко нарезанные ломтики свинины, множество специй и соусов, а на столах — небольшие бочонки пива и объемные деревянные кружки. Все первозданной чистоты, и — полная «гастрономическая» независимость. Хочешь более зажаренное мясо — пожалуйста, своя рука владыка. Хочешь — ешь сырым.. (Мне лично неизвестно о кулинарных способностях Бориса Николаевича. Во всяком случае, при мне он никогда ничего не готовил. Но я почему-то думаю, что при желании он может и борщ сварить, и пирог испечь...) Когда мы вышли из ресторана, нас сфотографировали, на что Борис Николаевич тут же отозвался шуткой: «Пошлем фотографии Лигачеву, пусть перенимает опыт борьбы с пьянством...»

Когда мы собирались в Японию, Гавриил Попов, недавно оттуда возвратившийся, посоветовал обязательно побывать на рыбном рынке в Токио и на заводе роботов. Борис Николаевич последовал этому совету, и в одну из ночей (потому что именно в эти часы туда завозится продукция) мы отправились поглазеть на японские «дары моря». Честно говоря, это было зрелище незабываемое.

Рынок по размерам напоминал нашу Красную площадь и был заставлен сплошными крытыми рядами с огромными чанами, в которых плещется живая рыба. Кажется, вода льется отовсюду, и создается впечатление, что и в самом деле бредешь среди живого серебра. Тут и тунец, и крабы, и устрицы, и омары. Рубшики мяса длинными блестящими ножами разделявают туши огромных трехметровых тунцов. Тут вам нарубят любого сорта мяса и из любой

части туши. На рынок идут целые потоки машин со свежей рыбой, сразу же заключают сделки, и проданная рыба моментально поступает в продажу почти во все магазины Токио. Я смотрел на рыбные развалы и думал о том, что приходило в голову еще в Америке. Почему мы, спрашивал я себя, такие непутевые? Ведь Россия тоже морская держава, а мы давно забыли вкус свежей рыбы. Какие там моллюски, какие крабы?! Была в магазинах морская капуста, да и та вся вышла. И нототения, которая когда-то залеживалась в каждом рыбном магазине, тоже куда-то исчезла, как все исчезает в нашем «сказочном царстве».

Завод роботов находится в 120 километрах от Токио. Времени у нас было мало, ибо после посещения завода предстояла встреча с премьер-министром Японии Кайфу и министром иностранных дел Накаямой. Около 12 часов мы поехали смотреть роботов. Магистраль забита машинами — их, кажется, в Японии больше, чем в Америке. Токио от них буквально задыхается. Моторов здесь чрезмерно много, земли — вечный дефицит.

Ехали больше часа и прибыли в очаровательное курортное местечко: сосновый бор, аромат цветов, тишина... Среди зелени — дома канареечного цвета. Возле них такого же цвета дорожки. Здания стоят в каком-то строгом порядке. Нам объяснили — это завод роботов. Отвели к директору, и мы вместе с ним, на специальном автобусе, проехали по всей территории, и всюду царили исключительная чистота и порядок. Одним словом — курорт... Зримая примета высокой технологичности. В какой еще местности мог функционировать завод со сверхточными автоматами? Разумеется, только на курорте, где особенно чистый воздух...

Завод роботов обеспечивает до 75 процентов мирового спроса и 50 процентов — японского. Руководитель фирмы объяснил нам, что каждые пять лет завод модернизируется и обновляется номенклатура изделий. И уже есть разработки вплоть до 2005 года. Если этого не делать, жесткая конкуренция «съест» завод с его малочисленным персоналом.

Борис Николаевич, видимо, еще со свердловских времен очень интересовался производством роботов. Он подробно расспрашивал директора — главное, что ему важно было узнать, — как формируется технологический процесс, за счет чего такие феноменальные результаты? Однако все объясняется по-японски просто: вначале собрали группу тридцатилетних интеллектуалов, причем «разнопрофильных» (от инженера до физика-математика), и поставили перед ними задачу. Но при этом обеспечили всех жильем, построили спорткомплекс, организовали семьям престижный быт. Из этой группы и был сформирован костяк разработчиков технологии будущего...

На втором этаже, куда нас провели, находились производственные цеха. Стены из стекла при нажатии кнопки бесшумно раздвигаются. В цехах свой особый микроклимат, ни одного человека, какое-то царство механизмов. И вот смотрим: движется робот и везет детали, останавливается, и тут же другой робот эти детали забирает и использует по назначению. А тот, первый, едет дальше и оставляет на каждом участке другие детали. Естественно, весь процесс подчинен магии микропроцессоров, все компьютеризировано. У робота, как нам объяснили, девять степеней свободы. Но это не человекообразные роботы, просто «умные» автоматы — безошибочные и неутомимые труженики. Когда нам показали робота, который делает печатные платы, Ельцин подробно стал расспрашивать директора об этой операции. Чувствовалось, что мой шеф достаточно хорошо разбирается в подобной технологии.

Второй секретарь нашего посольства ездит в серебрястой «Тойоте». И я спросил у него: «Как тебе удается содержать ее в таком идеальном порядке?» Он мне ответил примерно следующее: японцы — рабы техники и, собираясь приобрести машину, заключают с фирмой контракт на пожизненное ее обслуживание. Два раза в год — профилактика на сервисной станции. Когда японец покупает машину, ему дают заполнить опросный лист, в котором оговоре-

ны форма, высота рулевой колонки, цвет, обивка сидений и т. д. Цвет автомобиля может подбираться к цвету глаз или галстука будущего владельца или под цвет волос любимой девушки. Данные опросного листа закладываются в компьютер, и тот «сигнализирует» на конвейер... В конце его сходит лимузин, о котором мечтал покупатель. Модели автомобилей в Японии меняют чаще, чем у нас носовые платки. В Японии машин много, они привлекательны, словно японские красавицы, с той лишь разницей, что доступны почти каждому трудящемуся.

После посещения завода мы поехали на встречу с премьер-министром и министром иностранных дел. Однако мы часто попадали в «пробки» и даже начали нервничать — не опоздать бы...

Однако водитель успокоил — приедем вовремя. И действительно, буквально за две минуты до начала аудиенции мы въехали в ворота правительственного офиса.

Собралось много журналистов, осаждавших приемную Кайфу. Премьер-министр пригласил Бориса Николаевича в свой кабинет. Вместе с ним прошли туда и мы — Воцанов, Ярошенко и я. Кайфу сказал, что он только что вернулся из Европы, побывал в Союзе и... посетил московский зоопарк и видел там много любопытных животных... Ох, уж эта восточная дипломатия... При чем же здесь зоопарк, думали мы. Надо говорить о деле... Борис Николаевич, с присутствующей ему прямоотой, спросил Кайфу: «А что, разве кроме зоопарка вы там больше ничего не видели?» Так прямо и резанул...

Это была сугубо светская встреча, знак внимания, вплоть до совместного фотографирования. В Японии, кажется, больше чем в США боялись бросить тень на Горбачева... Тень от встречи с Ельциным. Вот, наверное, почему так коротка была встреча. Вдруг открылась боковая дверь, и Кайфу напомнили — время аудиенции закончилось. Я засек по часам: встреча продолжалась ровно 22 минуты...

Разговор с министром иностранных дел был более продуктивный и более продолжительный.

Накаяма очень внимательный собеседник. И при случае сделал Борису Николаевичу комплимент. Оказывается, он «случайно» присутствовал на I съезде народных депутатов СССР и тогда заметил, насколько высок рейтинг Б.Н. Ельцина. Он был отлично осведомлен обо всех предыдущих выступлениях Ельцина и его поэтапном подходе к проблеме «северных территорий».

Встреча продолжалась более часа, и Борис Николаевич рассказал об изменениях, которые происходят в стране, о роли демократических сил в перестройке общества, критиковал М.С. Горбачева за его нерешительность и все время подчеркивал необходимость улучшения отношений между Россией и Японией. Накаяма со многим не соглашался, задавал вопросы и внимательно выслушивал ответы собеседника. Встреча была напряженной, но Борис Николаевич строго выдержал ее ритм, изложив все, что было намечено. Разумеется, «коронкой» стал вопрос об островах. И очень многое из того, что утверждал тогда Борис Николаевич, сейчас сбывается.

В нашей программе было запланировано randevu с министром строительства господином Харадой. Мы уже знали, что он играет в теннис, и потому в программе появилось еще одно дополнительное мероприятие — «матч с министром». В солнечный день мы приехали на корты, где и состоялась встреча двух «теннисных гигантов». Экипировку Борису Николаевичу пришлось одолживать у хозяев — ракетку, кроссовки, ибо свой инвентарь он оставил дома.

Борис Николаевич перед игрой волновался — как бы не проиграть. Он вообще не любит проигрывать. У него богатырская сила и удар неотразимый, но... Он сравнительно недавно приобщился к теннису и потому техникой как следует не овладел, хотя часто выигрывает у более сильных партнеров за счет убойной подачи. Харада небольшого роста, склонный к полноте, но весьма неплохо владеющий ракеткой. А Ельцин все время старался засадить мяч в квадрат, и чем больше он этого хотел, тем реже это получалось.

В результате проигрыш со счетом 1:2. И тогда решили сыграть парный матч. Знакомая Харада встала рядом с Ельциным, а министр — на пару со своим тренером. Партнерша Бориса Николаевича оказалась легкой, подвижной, с великолепной техникой. Она стала разыгрывающей, а Ельцин — бьющим. И они дважды обыграли Хараду и его тренера. К обоюдному удовольствию, общий счет был ничейный.

После игры Харада пригласил в японский ресторанчик, где мы сидели на корточках и ели типично японские блюда. Однако сидеть на корточках для нас было ужасной пыткой, и это, пожалуй, было единственное неудобство, которое «комрачило» нашу поездку в Японию. Речь зашла о нашем Дальнем Востоке, где японцы могут получить статус наибольшего благоприятствования в строительстве туристических комплексов. Харада завел даже речь о возрождении «шелкового пути», о новой дороге до Урала, по которой устремятся в Россию тысячи японских туристов. Правда, никаких официальных соглашений подписано не было, одни лишь «устные планы». Но затем Харада ушел в отставку и, видимо, политика его ведомства изменилась.

Из всех поездок по Японии сильнейшее впечатление оставила Хиросима. Прибыли мы туда 22 января на скоростном поезде. И сразу же нас повезли на автомобильный завод «Мазда», который за год выпускает от 100 до 150 тысяч автомашин. Средняя зарплата рабочего 3500 долларов в месяц. Весь конвейер практически роботизирован, и мы видели всего трех или четырех человек. Ельцин подошел к одному из рабочих и спросил: «Скажите, какие у вас проблемы?» Тот пожал плечами, а потом ответил: «Вроде бы у меня все в порядке... Дочь надо выдать замуж, а она не выходит... Я очень хочу внуков». — «И больше у вас нет проблем?» — настаивал Борис Николаевич. «Вроде бы больше нет», — ответил с недоумением рабочий.

С автозавода мы отправились к мемориалу Хиросимы (музей Мира), где гидом работает свидетель бомбардировки. Ему тогда было 13 лет, и трагедия его застала в школе вместе с другими учениками. Его каким-то чудом не заце-

пила световая волна. Многие его товарищи погибли или были поражены радиацией. Мальчик после взрыва побежал домой и по дороге видел тысячи трупов, плывущих по реке. Спасла его мать, отмоила настоями из трав. И только благодаря ей он остался жив.

Хиросима отстроена заново — она современна и красива. Но среди модерна как символ памяти стоит собор, заставляющий людей постоянно задумываться об одной из самых страшных трагедий нашего времени. Когда мы слушали рассказ гида и смотрели на разрушения, на сам красавец-город, как бы находящийся в плену у времени, Борис Николаевич под впечатлением нахлынувших чувств не сдержался: слезы текли по щеке, и это меня очень тронуло. Раньше я видел у него лишь слезы бессилия и гнева, но таких — никогда...

Под впечатлением увиденного Б.Н. Ельцин в книге записей оставил такую:

«Как бы сегодня ни была прекрасна Хиросима, находясь здесь, думаю о ее страшной трагедии. Она всегда будет с нами. Та война оставила много проблем — территориальных, вопрос о военнослужащих, о выводе иностранных войск... И нужно все их решать, чтобы в новый век мы вошли без недоверия друг к другу, с надеждой и уверенностью в завтрашнем мирном и счастливом веке.

Процветания Японии, ее народу.

Б. Ельцин.

22.01.1990 г.»

Когда Борис Николаевич писал эти строки, он был полностью отрешен от всего происходящего... С нами находился мэр Хиросимы, тоже переживший атомную трагедию. Этот пожилой человек был сердечно тронут записью Ельцина и тут же распорядился, чтобы ее размножили.

После возложения венков к мемориалу мы прибыли в «Гранд отель», где на 16 часов была запланирована лекция перед общественностью Хиросимы. Вопросов к Ельцину было множество, но они мало чем отличались от кру-

га вопросов других встреч. Правда, кто-то прямо спросил: «В чем вы, господин Ельцин, видите выход вашей страны из кризиса?» И Борис Николаевич объяснил, что еще три года назад надо было проводить радикальные реформы в экономике, необходимы серьезные сдвиги в политической сфере, в партии... Обязательно нужно изменить ее устав и программу, как устаревшие. Необходимо незамедлительно ликвидировать 6-ю статью Конституции и тем самым законодательно отказаться от монополии одной партии... Конечно, сейчас, когда сама партия обанкротилась и практически умерла, смешно говорить о шестой статье и 28-м съезде КПСС, о внеочередном созыве которого говорил тогда Ельцин. Он призвал переизбрать консервативный состав ЦК, обновить Политбюро как неспособное вывести страну из социального штопора. Что пора переходить к многопартийной системе и нельзя откладывать объединение левых сил и что демократы поддержат М.С. Горбачева, но при условии, если он будет опираться на «левое плечо». Необходимо также принять закон о государственном устройстве СССР, начать переход от централизованного, тоталитарного устройства к демократическому миропорядку.

И все, что в январе 1990 года в Японии говорил Б.Н. Ельцин, буквально через год-полтора стало явью. Шестая статья Конституции «рухнула» еще раньше, в конце 90-го.

Борис Николаевич развернул перед слушателями целостную панораму социально-политических преобразований в России. Для него тогда было очевидным, что без разделения функций центра с республиками не обойтись, что сам Союз должен быть преобразован в совершенно другую государственную формацию и что сделать это надо было еще два года тому назад. Он подчеркивал, что сохранение статус-кво оскорбляет национальные чувства народов других республик, создает затор в отношениях между ними.

Борис Николаевич не назвал конкретно сроки, когда парламент должен будет начать радикальные реформы: февраль — март 1990 года. Нужны законы, открываю-

щие ворота рыночной экономике, необходим закон о земле, налогообложении, закон о приватизации и т. д. И то, что он тогда говорил и что сейчас уже реализуется, в то время в ЦК было воспринято с желчной гримасой... Выступление Б.Н. Ельцина в Хиросиме присутствующие встретили бурными приветствиями. Я видел, что японцы почувствовали в Ельцине политика с большим размахом, и не преувеличу, если скажу, что именно та поездка стала новой вехой в отношениях между Россией и Японией.

ПОКУШЕНИЕ И... ЗАЩИТА

5 сентября Борис Николаевич в микрорайоне Раменки встречался со своими избирателями. Вместе с ним были Полторанин и Владимир Михайлов, руководитель парторганизации Раменок. Ожидали приезда и редактора газеты «Правда» Афанасьева, но не дождались. Видимо, испугался людского возмущения, ибо к тому времени «Правда» воспринималась как рулор самых темных сил и общественность требовала «разборки» с ее редактором.

Ельцин поделился с избирателями впечатлениями о поездке в США, ответил на массу вопросов, и, когда встреча закончилась, мы в хорошем настроении стали расходиться. Он сел в служебную «Волгу» (которой управлял недавно назначенный водитель), а мы с доверенными лицами отправились на метро по домам.

Вечером мне позвонила Наина Иосифовна и спросила: «Где Борис Николаевич?» Я ей сказал, что знал от самого Ельцина: «Поехал навестить какого-то своего старого знакомого на Успенских дачах». А когда утром я приехал в гостиницу «Москва» и не встретил там Ельцина, позвонил ему домой. Ответила супруга: Борис Николаевич, мол, болен — температура, слабость... Словом, на работе его не будет и мне нужно незамедлительно ехать к ним домой. Застал его в постели, с большой температурой. Поговорили, но разговор носил общий характер. Затем приехал и Александр Васильевич Коржаков...

Я позвонил водителю Ельцина и попросил того объяснить ситуацию. Оказывается, он довез Бориса Николаевича до Успенских дач, где тот вышел из машины и дальше пошел пешком. Я подумал, что если бы с ним был его ста-

рый водитель Валентин Николаевич, то ничего бы не случилось.

Хоть какую-то информацию дала Наина Иосифовна: «Мы все переволновались... Он позвонил где-то в половине первого ночи и сказал, что находится на каком-то КПП... И мы поехали на машине за ним...» То есть поехали Наина Иосифовна и муж дочери Тани. И действительно, Бориса Николаевича они застали на КПП правительственной дачи — мокрого в компании двух милиционеров, которые отпаивали его горячим чаем.

Со слов самого Ельцина, события в тот вечер развивались следующим образом. Когда он вышел из машины, то направился пешком в сторону дачи бывшего председателя Госстроя Башилова. Они оба из Свердловска, и оба любители париться. И вот в тот момент, когда он находился недалеко от проходной, на него что-то накинули, и «не успел я очухаться, как меня куда-то понесли, и очнулся уже в воде, под мостом...» 28 сентября погода стояла холодная, ни одна машина его не подобрала, и тогда он отправился на КПП, где его приютили два милиционера...

Состоялся телефонный разговор с тогдашним главой МВД СССР Вадимом Бакаτιным. Когда тот спросил: «Что с Вами, Борис Николаевич, случилось?» Ельцин ответил примерно следующее: «Можете считать, что ничего сверхъестественного не произошло»... Он не хотел поднимать лишнего шума, и они договорились с Бакаτιным, что эта история не будет иметь хода.

Однажды мне на работу позвонил человек и представился следователем. Я удивился: какое может быть расследование, если мой шеф договорился с Бакаτιным? Следователь, однако, гнул свое: «Мне дана такая команда...» Потом позвонил водитель Бориса Николаевича и сказал, что его тоже вызывают к следователю и он не знает, что делать. «Раз вызывают, иди и все расскажи», — посоветовал я ему. Ельцина такая настырность со стороны следствия разозлила, и он дал мне наставление: «Если этот следователь будет вас доставать, пусть сначала позвонит мне...» И когда сле-

дователь приехал в гостиницу «Москва», я при нем снял трубку и по АТС-2 соединился с Борисом Николаевичем и трубку тут же передал следователю. Они переговорили и, видимо, пришли к обоюдному согласию. Потом Ельцин еще раз имел беседу с Бакаτιным, и «дело о покушении», кажется, стало затухать...

И вдруг — выступление на сессии ВС СССР Вадима Бакатина. Да, к сожалению, слово он не сдержал и на сессии о «факте покушения» рассказал в своей интерпретации. Вы, наверное, помните, как у него тогда дрожали руки и голос, и вообще, министр чувствовал себя весьма неуверенно. Кстати, Борис Николаевич не изменил к Бакатину своего отношения и до сих пор считает его порядочным человеком.

Конечно, если бы Ельцина захотели по-настоящему угробить, угробили бы элементарно. Технически это не представляло особого труда. Уже после поездки в США в библиотеке мне попала на глаза книга английского журналиста Б. Фримантла «Шпионаж», в которой рассказывалось о том, как ЦРУ искало пути устранения Кастро.

Сначала речь шла о подрыве его исключительной популярности, а отнюдь не физической ликвидации. В отделе технических служб ЦРУ обсуждалось предложение проникнуть в радиостудию за несколько минут до начала выступления Кастро и... опрыскать ее химикатом, сходным по своему действию с ЛСД. Замысел состоял в том, чтобы Кастро вдохнул пары этого препарата и, вместо того чтобы произнести «захватывающую речь», стал бы, как невменяемый, выкрикивать отдельные бессвязные фразы. Однако эта идея по настоянию ученых была отвергнута, поскольку они не были уверены, что этот препарат окажет желаемое действие. Затем появилась идея о дезориентации Кастро с помощью его любимых сигар, которые предварительно должны были быть пропитаны специальным веществом. Но эта идея осталась не реализованной. Третье предложение было столь же комичным, сколь и бессмысленным: лишить Кастро его гордости — бороды. И сделать это соби-

рались с помощью солей таллия, который можно нанести на обувь, оставленную в коридоре гостиницы, где он мог остановиться... КГБ в этом смысле вряд ли уступало ЦРУ. (Болгарского диссидента-писателя Маркова, не без помощи КГБ, убрали быстро и без шума, умертвив с помощью ядовитого укола зонтиком.) Борис Николаевич был почти беззащитен, но при этом надо учитывать два обстоятельства. Во-первых, Ельцин везунчик и, во-вторых, физическое его устранение всколыхнуло бы всю Россию, что вызвало бы непредсказуемые последствия. Говорю это со всей ответственностью. Не те времена на дворе... Однако пересуды шли разные. Лично я слышал до полусотни различных версий «покушения», в которых были замешаны не только его недоброжелатели, но и хорошенькие обольстительницы, ненавидящие его гэбисты и даже прищельцы с летающих тарелок... Иначе говоря, никто не опроверг версию Ельцина о покушении на него, как никто и не подтвердил ее на все сто процентов. Потом по Москве ходили слухи, что одного из двух милиционеров, бывших на КПП вечером 28 сентября, уже нет в живых...

Газета «Голос избирателя» тогда писала: «Да тут еще эта странная история с квартирной кражей в доме дочери Ельцина Елены, случившейся как раз во время проведения следствия по делу о покушении. Чего же добился ВС, включив этот вопрос в свою повестку в качестве «срочного и важного»? Общественность успокоена? Да, пожалуй, наоборот. Новых вопросов возникло больше, чем получено ответов... А вот печальный список последних недель, начатый публикацией в «Республике», явно продолжался. Мы помним, что это было. И «парад московской номенклатуры» 11 ноября 1987 года (Пленум МГК), и лигачевщина, и чикиревщина на XIX партконференции, и тихомировщина в избирательной кампании марта 1989 года. Просто сейчас это переросло в откровенную травлю, для которой используются и страницы органа ЦК, и трибуна Верховного Совета.

Прессинг против Ельцина был настолько мощный, что для его преодоления ему пришлось предпринять доволь-

но решительный политический демарш. Он сделал Заявление для печати и других средств массовой информации. Поскольку оно существенно и лаконично, я привожу его полностью.

«16 октября 1989 года на сессии Верховного Совета СССР под председательством М.С. Горбачева был обнаружен инцидент, затрагивающий мою честь и достоинство. Против моей воли к разбору данного вопроса был привлечен министр МВД СССР товарищ Бакатин, который, смешивая ложь с правдой, не имел морального права способствовать распространению слухов, порочащих меня в глазах общественности. Более того, товарищ Бакатин ранее заверил, что никакого расследования, а также оглашения информации, касающейся лично меня, проводиться не будет. Новый политический фарс, разыгранный М.С. Горбачевым на сессии Верховного Совета и раздуваемый официальной прессой как событие первой величины в стране, объясняется, конечно, не заботой о моем здоровье и безопасности, не стремлением успокоить избирателей, а новой попыткой подорвать здоровье, вывести меня из сферы политической борьбы.

Создание Межрегиональной группы, сплотившей на своей платформе почти 400 народных депутатов СССР, избрание меня одним из руководителей ее координационного совета, независимость нашей позиции, альтернативные предложения, идущие вразрез с консервативной точкой зрения сторонников административно-командной системы, и даже моя частная поездка в США — все это вызывает яростное озлобление аппарата. По его команде была сострепана целая серия провокационных, лживых, тенденциозно настроенных публикаций в советской печати, в передачах Центрального телевидения, распускались среди населения слухи о моем поведении и частной жизни.

В связи с вышеизложенным считаю необходимым заявить следующее:

1. Все это является звеньями одной цепи акции травли меня, и творится это под руководством товарища Горбачева М.С.

2. Вопросы моей безопасности и моей частной жизни касаются только меня и должны конституционно ограждаться от любых посягательств, в том числе со стороны партийного руководства.

3. В случае продолжения политической травли я оставляю за собой право предпринять соответствующие шаги в отношении лиц, покушающихся на мою честь и достоинство как гражданина и депутата.

4. Считаю неприемлемым и опасным перенос акцентов с методов политической борьбы на безнравственные, беспринципные методы морального и психологического уничтожения оппонента. Это ведет к полному краху морально-этических установок, к демонтажу демократических начал перестройки и в конечном итоге — к жестокому тоталитарному диктату.

Народный депутат *Б.Н. Ельцин*.

17.10.89».

Обратите внимание на третий пункт этого Заявления: на силовое давление партаппарата Б.Н. Ельцин ответил жестким предупреждением. И это был не блеф: те лица, которые пытались его загнать в угол, должны были знать, насколько может быть опасен преследуемый ими оппонент. И, видно, те, к кому он обращался, поняли всю серьезность его намерений, поняли и быстренько дали «откат». По крайней мере, после этого ельцинского «блока», номенклатура уже не шла на столь резкий прессинг даже тогда, когда Бориса Николаевича избирали Президентом России.

Однако написать Заявление — это еще полдела. Его надо было опубликовать в каком-нибудь или нескольких печатных органах. Но готовых опубликовать тогда в Москве не оказалось. Пришлось искать информационные каналы за рубежом и в Прибалтике. Я созвонился с латвийским журналистом Александром Ольбиком и изложил ему суть

дела. После его разговора с Б.Н. Ельциным (тоже по телефону), я передал текст заявления, который на следующий день был опубликован в латвийской газете «Советская молодежь», то есть 20 октября 1989 года.

Вообще, журналисты Латвии довольно решительно поддерживали политическую борьбу Б.Н. Ельцина. Газеты «Советская молодежь» и «Юрмала», как бы в противовес партийной прессе, замалчивающей и дискредитирующей Ельцина, объединили свои усилия по поддержке российских демократов, возглавляемых Б.Н. Ельциным. Осенью 1989 года была даже принята журналистская Декларация («СМ» от 18 июля 1990 года). В которой в частности говорилось: «В связи с предстоящими выборами Президента (или Председателя Верховного Совета) России и в связи с тем, что от демократического движения страны скорее всего на этот пост будет баллотироваться Борис Николаевич Ельцин, мы, нижеподписавшиеся, берем на себя добровольные обязательства следующего свойства:

Всеми имеющимися у нас средствами поддерживать кандидатуру Б.Н. Ельцина на предстоящих прямых или парламентских выборах. Учитывая явные устремления консерваторов к замалчиванию деятельности этого человека, будем оказывать Б.Н. Ельцину максимально возможную поддержку на страницах газет «Советская молодежь», «Юрмала» и других доступных изданий.

Информация, которая пойдет в рамках предвыборной поддержки Б.Н.Е., не должна нести искажений, тенденциозной крикливости, но должна в достаточной степени «играть» на повышение авторитета кандидата и его окружения, объективно отражать статус-кво между Б.Н.Е. и обществом, Б.Н.Е. и его вероятными избирателями, между Б.Н.Е. и партиократией, правым крылом госбюрократии...»

В отдельной подглавке «Мотивы декларации» журналисты писали: «Мы должны исходить из того, что в случае избрания Ельцина Президентом России (главной республики страны) ситуация в республиках (в том числе Прибалтийских), борющихся за суверенитет, приобретет спокой-

ный, конструктивный характер, исчезнет потенциальная угроза экономической блокады со стороны РСФСР.

Участие Б.Н.Е. в наиболее либеральном крыле российского демократического движения, каковым, безусловно, является Межрегиональная депутатская группа, его неоднократные заявления в печати, на съездах и пленумах относительно политико-экономического суверенитета республик, а также блокирование Б.Н.Е. с лидирующей группой интеллектуалов страны, которые более или менее просчитали вероятные последствия для общества с приходом к власти человека этого крыла...».

Декларация была принята 5 ноября 1989 года и «выполнена» на сто процентов. Названные две газеты постоянно давали большие блоки информации о Ельцине, той информации, которая не имела шансов попасть на страницы партийных газет или быть распространенной центральными средствами массовой информации. Журналисты многих регионов страны (особенно на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке) тоже поддерживали Б.Н. Ельцина, но вот с таким организованным «журналистским заговором», как это произошло в Латвии, мы столкнулись впервые. Газетчикам надоело смотреть в рот партийным издателям, быть вечными «мальчиками на побегушках», и они начали осознавать свою силу...

ЧАКРЫ И МОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Однажды мне позвонила женщина и представилась народным учителем России. Сказала, что очень хочет со мной поговорить. «По какому вопросу?» — поинтересовался я. И она стала рассказывать об удивительных вещах. Например, об одном индийском учении, из которого явствует, что люди или часть их связаны с космосом. Всеми их помыслами и поступками «руководит» космос и что в определенных частях тела существуют так называемые чакры, например, в области сердца, горла, солнечного сплетения и т. д. И весь фокус заключается в том, что эти чакры нужно научиться открывать, а открыв их, человек получает огромный прилив энергии, так как начинает общаться с космосом...

Словом, договорились с той женщиной о встрече. Это оказалась не какая-нибудь фанатичная фантазерка, а вполне уравновешенный человек, с весьма нетривиальным взглядом на бытие. Она много лет занимается изучением разных древних верований, философий и даже сама написала несколько книг «по теме». У нее сложилась довольно четкая концепция, которую, однако, я не буду подробно пересказывать, поскольку сам не очень-то в ней разобрался. Коснусь только одного момента, относящегося к характеру Ельцина. Эта женщина сказала, что человек, который хочет быть связан с космосом, обязательно должен быть честным, открытым, необыкновенно добрым и с непременной склонностью помогать другим людям... «Хорошо, — говорю своей собеседнице, — я назову несколько черт характера Бориса Николаевича, а вы ответьте — связан он с космосом или нет?» Разговор вроде бы полухуточный, но интересный... Я назвал ей несколько характерных черт Ель-

цина: человек искренний, с феноменальной памятью, бескорыстен и деньги для него не «цель, а средство», в критические моменты — решителен, нуждающимся отдаст последнее, не суетен... Она выслушала и говорит: «Вот это и требовалось доказать. Ваш Борис Николаевич святой человек, и космос хранит его и помогает...»

Итак, мой шеф — святой человек? Это было для меня большим откровением. Нет, он далеко не святой. В слове «святой» для меня сокрыт какой-то иррациональный смысл, чего в моем шефе нет и в помине. Я вспомнил «уроки» нашей Любви Павловны и задумался... Что-то ведь определяет наши судьбы, на каких-то неведомых «весах» взвешиваются жизни и дела людские. Может, и впрямь влияет космос, который бесконечно разыгрывает гигантскую «шахматную партию», в которой ожесточенно борются добро и зло (и всегда с переменным успехом)? Не получается ли так, что обыкновенная человечность или обыкновенная жестокость являются главными противовесами нашего «мы». Или нашего «я»? Хорошо, думал я, пусть будет космос... Мы, безусловно, что-то ему отдаем, а он, наподобие божественного преобразователя, возвращает «мечто» назад, раздавая каждому то, что он заслуживает. И добро и зло, и ум и безумие... Должно быть, в Ельцине много сосредоточено этих самых чакр, и они, словно ядерные излучатели, беспрестанно испускают в космос сигналы. И оттуда, уже в преобразованном виде, возвращаются на землю — в общую память людей... Иначе откуда, например, могли жители Дальнего Востока или Курильских островов узнать о человеке, который хочет им помочь? Почему люди не откликнулись на Черненко или, скажем, на Павлова, почему они так осторожничали с Горбачевым и почему так безоглядно доверились Ельцину? Чакры «виноваты»? Наверное, они...

У меня много друзей: школьных, по двору, где гоняли в футбол; флотских, с которыми вместе служил; среди тех, с кем я работал на Кубе... Прошло много лет, и уже друзья моих друзей стали моими друзьями. Мы постоянно встречаемся, особенно в «святые дни» — в дни рождений. Со-

бираемся по зову сердца, с гитарами, с живехоньким азартом пообщаться, чтобы от души попеть, повспоминать жизнь... У всех она такая разная, неповторимая и увя быстротечная, так что лучший подарок — звонок в дверь, дорогие лица...

Первого июня у меня день рождения. Именно в этот день 1989 года состоялось заседание Комитета по делам архитектуры и строительства ВС. Тогда мы уже работали в гостинице «Москва». Не дождавшись шефа и оставив ему записку, в которой указал причину моего ухода, я отправился домой помогать жене накрывать стол.

Собрались все, кто в тот день находился в пределах досягаемости Москвы. Накрыли стол, уселись и только произнесли тост — раздался звонок. Звонил Борис Николаевич, и я слышал в трубке его делано-недовольный голос: мол, приезжаю с заседания, а вас уже нет... Я ему пытаюсь объяснить ситуацию и, не знаю, как это получилось, — взял и пригласил его в гости. Говорю:

«Давайте, Борис Николаевич, приезжайте на Пресню, немного посидим, познакомлю с друзьями»... «Неудобно, — говорит он, — там ваши родственники, друзья, а я только помешаю». — «Ваше присутствие, — говорю, — будет для меня лучшим подарком... Приезжайте...»

Ребята, конечно, догадались, с кем я разговариваю, и по их лицам вижу, что получился какой-то сбой. Тишина за столом наступила мертвая... Их настроение мне было понятно: собирались своим кружком посидеть, пошуметь, когда можно и анекдот соленый рассказать, и песню озорную спеть. А тут на тебе — сам Ельцин едет... Я знал, чего мои гости опасались: с приездом «чужого» человека могла разрушиться неповторимая аура дружеского общения, создаваемая, кстати, не одно десятилетие. Правда, кое-кто из моих ребят не верил, что такой человек, как Ельцин, может запросто приехать и сесть за один с ними стол. А я их успокоил: вот посмотрите, шеф сейчас явится и сами убедитесь, что это за человек...

Жена сориентировалась первой: знала, что Борис Николаевич, если сказал — приедет, то слово сдержит. Приготовили для него место, поставили тарелки, рюмки, словом, все засуетились. Гости вышли на балкон, чтобы лучше увидеть, когда подъедет Ельцин. У нас двора нет, и дом стоит между двумя улицами, но традиционные лавочки возле него все же имеются. На них старушки, наблюдают за прохожими, обсуждают жизнь.

Когда в 1961 году мы переехали в этот хрущевский дом, сегодняшние старушки были еще молодежьими особами. Грустно, конечно, годы летят как сумасшедшие. На себе их влияние как будто не замечаешь, а вот на лицах других — печать их весьма выразительна.

Смотрим, едет машина Бориса Николаевича, не подъезжая к самому дому, паркуется. Широко распаивается дверца, и из машины показывается Борис Николаевич. Публика на лавочках с большим интересом наблюдает за рослым, красивым мужчиной, в руках которого два букета — из роз и ромашек. Взял цветы в одну руку, подошел ко мне и поздравил с днем рождения. Расцеловал на глазах всей Пресни. «Ну, Лев, поздравляю», — говорит и протягивает мне караколлу — морскую раковину. И где он только ее раздобыл? Когда я работал на Кубе, тоже коллекционировал «дары моря», и он, видимо, об этом узнал. Очень красивая караколла, у меня еще такой не было. Ребята с балкона смотрят на «церемонию», затаив дыхание, и бабки открыли рты и, кажется, навсегда потеряли способность судачить...

Поднялись на лифте к нам на восьмой этаж и... здравствуйте... Ребята потом мне рассказывали, что у них было такое ощущение, что в квартиру вошел старый товарищ, которого долго ждали и с которым целую вечность не виделись. Где супруга? Букет роз — для нее... Где теща? Берите ромашки... Та тронута до слез — как же, ее кумир собственной персоной да еще дарит цветы. По лицам ребят вижу, что контакт состоялся. Значит, все будет в порядке...

Посадили Бориса Николаевича у стенки, где висят мои кораллы. Теща — справа от него, с другой стороны устроилась моя сестренка Инна. Бокалы ждут, ребята в нетерпении. Борис Николаевич вписался в компанию сразу, словно был с нами всю жизнь. И никаких стеснений. Когда приходит в дом интеллигентный человек, от него не требуется доказательств, какой он умный и талантливый... Он равный среди равных. Естественно, шеф произнес тост в «мою честь», откровенно скажу, из его слов можно было понять, что мне надо было дать медаль или орден. Жена, естественно, подначивает: «Оказывается, тебя, Лева, хоть сейчас отправляй в музей трудовой славы...» И друзья улыбаются. У всех на душе легко и весело.

А потом достали гитару. Мы с женой немного поем. Когда мы запели нашу любимую «А годы летят...», к нам подстроился Борис Николаевич. Взял ложки и стал аккомпанировать. У него великолепный слух и чувство ритма. Потом мы ему подыграли и вместе спели его любимую «Уральскую рябинушку». Не знаю, какие ассоциации у него вызывает эта песня, только я часто слышал, как он ее напевал. У каждого, конечно, есть своя песня, и, я уверен, в ней заложен самый сложный код жизни человека. Ничто так не очищает душу, как любимая мелодия.

Любопытный запомнился эпизод. Живет с нами по соседству приятельница моей тещи — Анна Васильевна Воинова, большая поклонница Ельцина. Знает о нем почти все, бывала на многих митингах и на всех собраниях, где он участвовал. В какой-то момент он обнял Анну Васильевну за плечи и поблагодарил за преданность. Побыла, правда, она у нас недолго, наверное, с полчаса и ушла домой. Но зато потом лучшего агитатора в нашем районе не было: ходила по всем близлежащим домам и уговаривала жильцов, чтобы голосовали за Ельцина. И так искренне и убедительно агитировала, что в день его выборов все три наши девятиэтажки проголосовали за Бориса Николаевича.

Ельцин погостил у нас недолго — часа полтора-два и за это время полностью покориł моих друзей. Сама атмо-

сфера, которая с его приходом воцарилась в доме, незабываема. Возможно, на настроение влияла весна, еще, кажется, не отцвела сирень, день был голубовато-сияющий и в души снизошли покой и надежда...

Между прочим, такая же непринужденная атмосфера царит и у Бориса Николаевича дома, на 2-й Ямской. Я не раз бывал там в праздники и просто по делам. Когда в 1985 году он приехал в Москву на работу, то, при желании, мог выбрать самую шикарную квартиру в каком-нибудь уютном зеленом уголке Москвы. Но получилось так, что в это время сдавался новый дом в районе Белорусского вокзала — центр, с экологической точки зрения район никудашный. Вокзал, три шумных улицы, масса машин, сильнейшая загазованность.

Но надо знать Б.Н. Ельцина: ему предложили в этом доме квартиру и он сразу же согласился. Ничего героического, разумеется, в этом нет, я лишь хочу подчеркнуть его непритязательность. Ведь по тому положению, которое он тогда занимал, мог бы, конечно, получить царские хоромы. Так «наверху» было заведено, и все его коллеги по Политбюро не упускали свой шанс покомфортнее обустроиться.

Живет Борис Николаевич в этой квартире с младшей дочерью Таней, зятем и внуком Борисом. Ведет дом Наина Иосифовна — великолепная хозяйка этого обиталища. Эта женщина столько претерпела за своего супруга, сколько вряд ли выпало на долю других женщин.

Квартира у Ельцина средних размеров: три комнаты с холлом в центре и небольшим кабинетом. Когда они приехали сюда, кабинет весь был завален книгами, у Бориса Николаевича большая библиотека, много архивных папок, которые он привез из МГК после своей отставки. Вернее, это сделали его тогдашние помощники Илюшин и Церегородцев. И первое время в кабинете было не очень уютно. Затем все разобрали, разложили по полкам, и комнатка преобразилась.

В квартире много прекрасных картин, в основном пейзажи Урала. Мне очень нравится одна, на которой маслом

написаны полевые ромашки — как живые. Вообще, у Бориса Николаевича заметна тяга ко всему естественному, пусть даже в чем-то несовершенному, но без аляповатости или вычурности. Возможно, поэтому он так любит Есенина, особенно его зрелую лирику. Зато люто ненавидит лицемеров и хитрецов, хотя сам, бывает, лукавит и блефует. Но делает это только тогда, когда поджимают обстоятельства, и то не ради каких-то шкурных интересов. Я был свидетелем, когда одно грубое или несправедливое слово вводило его в настоящий транс. В такие моменты он не может парировать и теряется. Он любит внимание и сам с удовольствием одаривает вниманием. В личных взаимоотношениях у него свой стандарт, хорошо согласующийся с психозмоциональной глубиной его природы...

Старшая дочь Лена живет с мужем и детьми в соседнем доме. Сразу по приезде в Москву квартира у них находилась в другом месте. Стена в одной комнате треснула, оказалось, что это температурный шов, и сколько его ни пытались заделать, все равно сквозило-сифонило. Поэтому, когда поблизости от Бориса Николаевича сдавался новый дом, Лена с семьей переехала в него.

Таня вместе с мужем трудится на одном закрытом предприятии, связанном с кибернетикой. Лена по образованию строитель, работала на ВДНХ и вела там строительный раздел. Пока она не работает, так как и вторая ее дочь пошла в школу. Когда я приходил к ним в гости, встречал там маму Бориса Николаевича Клавдию Васильевну. Ей 83 года, она еще довольно крепкая, с уральским характером женщина. Живет постоянно в Екатеринбурге (бывший Свердловск). Когда у сына были тяжелые моменты, когда его травили все, кому не лень, Клавдия Васильевна очень переживала и спрашивала у него: «Борь, скажи, нужно тебе это или необязательно?» Он неизменно отвечал: «Нужно, мама... И пока ты за меня болеешь, ничего со мной не случится...»

В последние годы в Екатеринбург зачастили журналисты и киношники. Им интересно встретиться с матерью Ельцина, и делают они это иногда довольно бесцеремон-

но и без его на то разрешения. Там же живет и брат Бориса Николаевича, и его тоже газетчики «расконторили». К чести кинодокументалистов, несколько лент они сделали просто первоклассно.

Очень часто спрашивают об увлечениях Бориса Николаевича. Рукоделием он, конечно, не занимается, во всяком случае, я не видел, чтобы мой шеф вязал свитер или «строил» из спичек пагоду. Зато он увлекается игровыми видами спорта. Бывший волейболист высокого класса, он и сейчас может потряхнуть стариной. Когда мы однажды были на природе, я видел, как они на пару с Таней обыгрывали соперников. У него хорошо поставленный удар и точный пас. Ведь когда-то он играл в сборной России по волейболу.

Очевидно, привычка играть на команду приучила Ельцина и в политике «играть» на команду. В широком, разумеется, смысле — играть в интересах демократических преобразований.

Теннис для него такая же необходимость, как и работа. Хотя нашел он эту игру довольно поздно — может, четыре, а может, и всего-то три года назад. Но как бы он себя ни чувствовал, какие бы страсти вокруг него ни бушевали, два раза в неделю ходит на корты. Это здорово поддерживает его в форме, не дает дрябнуть мышцам ног и сердцу. Без занятий теннисом он вряд ли бы вынес те чрезмерные нагрузки, которые давят на его плечи в последнее десятилетие: Ельцин работает по 12 — 15 часов в сутки. А кроме того, нужно быть очень закаленным и физически сильным человеком, чтобы не согнуться под шквалом всяческих инсинуаций, сплетен, прямой хулы...

Однажды Борис Николаевич чуть было не увлекся гольфом — любимой игрой американских президентов. Есть такой знаменитый шведский хоккеист Тумба Юхансон. Вернее он был знаменитым в 60-е годы, когда за нашу сборную играли такие асы хоккея, как братья Майоровы, Виктор Якушев и другие. Именно Виктор Якушев играл против Тумбы Юхансона. У шведа очень непросто сложилась судьба и спортивная карьера. После того, как он по-

лучил тяжелую травму и «сел» на скамью зрителей, у него появилось довольно своеобразное хобби. Он стал преподавать в Швеции игру в гольф, что у него весьма неплохо получалось.

Юхансон организовал свою фирму и впоследствии приехал в Москву, где надеялся получить какой-нибудь участок для строительства площадок для гольфа. Ему пошли навстречу и недалеко от Шведского посольства выделили заваливающий кусок земли. Это была безнадежно замусоренная территория, чуть ли не свалка. Правда, окружающий ландшафт очарователен — на горке церквушка, а внизу раскинулась долинка с водоемом. И быть этой свалке до нового потолка, если бы не настырность шведа и его помощников. Он пригласил в Москву своих рабочих (среди которых был сын Тумбы), и они за два года рекультивировали бросовый участок, превратив его в красивейший уголок с водоемом и великолепными газонами. Когда подойдешь к его площадкам, возникает непреодолимое желание разуться — настолько свеж и изумруден ершик газонов.

Возделывание площадок для игры в гольф, как, впрочем, и футбольных полей — это настоящее искусство, которое всюду, кроме нас, получило широкое распространение.

На открытие гольф-клуба Юхансон пригласил представителей разных посольств, которые аккредитованы в Москве, сотрудников инофирм, бизнесменов. И первым его гостем стал Б.Н. Ельцин. Правда, весь комплекс еще не был готов — только площадки, которые не могли простаивать ввиду больших убытков. Но Юхансон собирался обучать игре не только американцев или японцев, которые платили хорошие деньги, но и наших соотечественников.

Когда мы приехали на открытие его детища, Тумба обрадовался и сразу же стал демонстрировать элементы техники. Площадка находилась на одном из крохотных островков, и смысл ударов по шарикю оказался чрезвычайно прост: нужно ударом клюшки перебросить его через достаточно широкий водоем. Борису Николаевичу как почетному гостю доверили «открыть» гольф-клуб. Подали клюш-

ку. Силы, конечно, у него хватало, чтобы зафитилить шарик куда подальше, но нужна еще техника... Сначала не получалось, но потом шарик перелетел водоем, и позднее по ТВ показали, как Ельцин играет в гольф.

Если бы у Бориса Николаевича сразу пошла игра, я не уверен, что пересилило бы — теннис или гольф? Он очень не любит терпеть фиаско, а гольфу, прежде чем научишься побеждать, нужно отдать полжизни. Однако в жилах русского человека начисто отсутствуют «гены» этой игры. Другое дело теннис: он чем-то сродни волейболу, ибо и в той и в другой игре важно «опустить» мяч на другой стороне сетки и чтобы партнер при этом «остался с носом»...

В СВОИ САНИ

Начало 1990 года. Приближались выборы в народные депутаты России и местные органы власти. И, естественно, перед Б.Н. Ельциным встал вопрос: куда баллотироваться, в какой Совет? И поскольку он уже был народным депутатом Союза ССР, то в соответствии с законом ему осталось одно из двух — Москва или РСФСР, ибо избираться можно не более двух раз.

Его доверенное лицо по прошлым выборам Виктория Митина предлагала «идти» по Моссовету. Расчет, разумеется, делался на безусловную поддержку москвичей, так уверенно поддержавших Ельцина на выборах 1989 года. В дальнейшем планировался «захват Москвы» через избрание главой Моссовета. Однако мы, доверенные лица, предлагали сразу «идти» на Россию. То есть баллотироваться в российский парламент с будущим прорывом на пост Председателя. Эта программа-максимум была по душе и самому Ельцину. Он не любит ходить по проторенной им же самим дорожке — претит однообразию. Поэтому, отбрасывая предавыборную стратегию, он решил баллотироваться в Верховный Совет России. Соратники Бориса Николаевича отдавали, разумеется, себе ясный отчет в том, насколько сложная стоит перед ним задача и какие силы встанут на его пути. Было ясно, что наученные выборами 1989 года, партийные функционеры пойдут на что угодно, лишь бы не пропустить Ельцина на «капитанский мостик» России. Они прекрасно понимали, что его растущая популярность и жажда демократических преобразований сподвигнут народ голосовать за Ельцина. И потому, думали мы, в предвыборной кампании будут задействованы все резервы, все «фронты» партии, чтобы только завалить «уральского медведя».

По расчетам наших аналитиков, в будущем корпусе народных депутатов РСФСР, скорее всего, будут доминировать консерваторы, а значит, непосредственно смогут влиять на выборы Председателя. Поэтому вырисовывалась однозначная линия поведения «Демроссии»: нужно бороться за каждого демократа, баллотировавшегося в ВС.

О том, где выдвигаться — у нас спора не было. Конечно, в Свердловске, жители которого на выборах 1989 года оказали Ельцину мощнейшую поддержку. Остановились на округе № 74, где сразу же начал работать комитет по подготовке к выборам, который возглавил преподаватель Уральского политехнического института Александр Урманов. Вообще почти вся команда состояла из преподавателей этого вуза. Доверенными лицами стали заместитель секретаря парткома Дмитрий Сергеев, заведующий кафедрой истории Геннадий Харин, доцент Владимир Малов, а также заместитель начальника проектно-строительного объединения Свердловского домостроительного комбината Артур Ежов и другие. Люди юридически грамотные, отличные организаторы.

28 января мы с Б.Н. Ельциным полетели в Свердловск на встречу с его «ополчением», в котором заметную роль играл Геннадий Бурбулис. На встрече Борис Николаевич настойчиво подчеркивал, что его доверенные лица должны вести корректную борьбу, чтобы ни в коем случае не обливаться оппонентов грязью и свою правоту доказывать красноречивой программой действий. И пусть их не пугает количество альтернативных депутатов — победа должна быть убедительной, без оговорок. И так как предвыборная программа Ельцина была уже готова, мы ее тут же обнародовали.

На всякий случай запланировали резервный вариант: в другом округе выдвинули Сергеева, который (в случае недостатка голосов в выборах за Б.Н. Ельцина) должен снять кандидатуру в пользу Бориса Николаевича.

Состоялась незапланированная встреча и в ГК партии — 30 января 1990 года. Собрались все руководители

партийной организации Свердловска, и Борис Николаевич изложил свои идеи по обновлению партии: ЦК КПСС необходимо самому отказаться от монополии на власть, отменить 6-ю статью Конституции, объявить равенство всех партий. И еще сказал, что отсрочка проведения XXVIII съезда партии может плохо кончиться и для самой партии, и для ее Генсека. Я помню, как аплодировали члены горкома словам Ельцина. Потом мы поехали по городу, по знакомым Борису Николаевичу местам, где, как метастазы, набухали и пластались проблемы индустриального центра. Один только пример. Свердловская область заготавливала 20 миллионов кубометров леса в год, а все его предприятия, все новостройки «сидели» без столярки, без рам и дверей, без половых досок... Почти весь заготовленный лес уходил в центр, а значит, в небытие. Область находилась под каблуком ставленника Лигачева — первого секретаря обкома партии Бобыкина, который сменил на этом посту Петрова.

В округе, где баллотировался Б.Н. Ельцин, было зарегистрировано одиннадцать альтернативных кандидатов. И хотя большинство из них понимали, что в конкуренции с Ельциным потерпят поражение, тем не менее сражались достойно, и про них не скажешь плохого слова. Были и теледебаты, в которых оппоненты Бориса Николаевича отстаивали свои программы, проявляя при этом сдержанность в отношении главного соперника.

В столь миролюбивой ситуации да еще на «своем поле» он просто не мог не выиграть. Ведь все решали люди, в основном симпатизирующие «Седому», как многие называли Бориса Николаевича в Свердловске. И потому сами выборы прошли спокойно и Ельцин, набрав 95 процентов голосов избирателей, стал народным депутатом России. Образно говоря, он «сел в свои сани», и теперь оставалось только направить «русскую тройку» в нужном направлении.

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ...

Поездка на презентацию книги «Исповедь на заданную тему» проходила с 4 по 10 марта 1990 года и по весьма замысловатому маршруту. Сначала мы отправились в Амстердам, затем в Стокгольм, Осло, вновь вернулись в Центральную Европу: побывали в Гамбурге, Мюнхене, потом направились на юг — в Милан и оттуда в Париж. Нью-Йорк отпал из-за нехватки времени, помешал Пленум ЦК... Правда, поездка в Англию все же состоялась, но позже.

В каждом издании книги присутствовала своя изюминка. Великолепно оформили книгу в Финляндии — в издательстве Верна Седерстрема (главный редактор Мати Снел). Напечатали на лучших сортах бумаги, на голубой глянцевой обложке — портрет Ельцина, выразительный шрифт, хороший формат. Однако американцы дважды переделывали макет суперобложки, так как первые варианты не понравились автору. Все книги (кроме французского и японского изданий) были иллюстрированы.

Поездка была чрезвычайно сложная, все делалось на скоростях, и европейских городов — за редким исключением — мы почти не видели. Например, прилетели 4 марта в 16.55 в Голландию и в тот же день оказались в Швеции, в Стокгольме, переночевали и утром — в Норвегию, а оттуда — в Германию. Выходило так, что мы присутствовали в той или иной стране не более шести часов. И даже удивительно, что в эти сроки Борису Николаевичу удавалось встретиться с редакторами и главами издательств, принимать участие в экспромтом возникающих пресс-конференциях, давать у трапов самолетов интервью. Но как ни странно, мы успевали всюду и восхищались талантом Эндрю Нюрнберга, ювелирно подготовившего график поезд-

ки. Он взял на себя обеспечение билетами, гостиницами, словом, организовал все в истинно предпринимательском духе.

И хотя посещение европейских городов было молниеносным, мы тем не менее не могли не заметить благоустроенности европейского Запада. Я никогда не думал, что, например, одна из северных столиц — Осло — столь очаровательное место.

Старый свет по многим компонентам переигрывал США. Западная Европа напоминала живописное полотно какого-нибудь старого мастера. Возможно, это цвета и колорит Рембрандта или Рубенса... Кажется, те же забытые товарами супермаркеты, те же роскошные лимузины на улицах, те же первоклассные гостиницы и те же улыбчивые лица. Очень все похоже на США, но... Но нет, все равно западноевропейские города имеют какой-то необъяснимый шарм, который пленяет и в дождь, и при солнечном свете.

В Осло для памяти я занес в свою записную книжку следующее: «Дома малоэтажные, улицы вызывающе чистые, в городе просторно и вместе с тем уютно. Хочется в таком городе жить и радоваться. Народ гостеприимный, улыбающийся...»

В Норвегии погода стояла солнечная, а когда прилетели в Гамбург — дождь. Однако такой контраст настроения не испортил. Остановились в «Принц отеле», в шикарном номере. Я записал свои впечатления: «Гамбург, несмотря на проливной дождь, великолепен».

У Бориса Николаевича взял интервью представитель журнала «Шпигель», кажется, его главный редактор. Технический персонал местного телевидения оказал Ельцину теплый прием. После «эфира» они пригласили его за накрытый в его честь столик и поздравили с выходом книги.

Кажется, Мюнхен находится не так уж далеко от Гамбурга, однако, когда мы туда прилетели, там вовсю светило солнце. Это красивейший старинный город. Остановились в отеле «Четыре времени года». Гостиницы в Европе не уступают по комфортабельности американским и япон-

ским. У моего шефа номер оказался с огромным холлом, балконом, который напоминал ботанический сад, столько на нем росло цветов и разной зелени.

На пресс-конференцию собралось более 200 журналистов, а также очень много эмигрантов из СССР. Вопросы не отличались новизной. Прессу в Германии больше, чем где бы то ни было, занимало будущее Прибалтики. На вопросы, связанные с этой темой, Борис Николаевич твердо отвечал, что он всегда выступал и выступает за полную независимость Балтийских республик. У него очень теплое отношение к прибалтам и личные отношения с руководителями этих трех республик весьма дружественные. Впрочем, психологически это легко объяснимо: с помощью прибалтийской прессы он сумел прорвать зону молчания, которую вокруг имени Ельцина возводила главенствующая номенклатура. Ему симпатичны прибалты своей выдержкой, рассудительностью, четко продуманной концепцией суверенитета.

В Мюнхене все же посчастливилось часик побродить по городу. Гидом был наш консул. На улицах расставлены столики, за ними сидят люди, позы и жесты которых говорят о полной беззаботности и непринужденности. Они пьют пиво, разговаривают, смеются...

Вечером того же дня мы отправились в аэропорт, где нас уже ждал частный самолет, принадлежащий владельцу миланского издательства «Леонардо» Леонардо Мондаторе. И через три часа шасси небольшого самолетика коснулось бетонки аэропорта. Ранний вечер, небольшое интервью у трапа самолета, и нас везут в гостиницу «Класс отель». Но название явно не соответствует его «внутреннему содержанию». Мы делаем для себя маленькое открытие: и в старушке Европе существуют плохие гостиницы — откровенно грязные, без должного комфорта. Потом мы узнали, что в Милане в это время проходил какой-то конкурс красавиц, и все отели были забиты до отказа. Но это, разумеется, не главный штрих нашей поездки на «Апеннинский сапог».

Мондадоре — миллионер. У него хороший большой дом, престижный офис. Но ужинали мы с ним в типично итальянском ресторанчике, куда он нас пригласил. Это надо было видеть! Настежь открытые двери — заходи, кто хочет. И вот местный миллионер со своим русским гостем запросто проходят в кабачок и занимают привычный для завсегда стол. Вокруг ходят, смеются, кричат, поют миланцы и многочисленные гости. Дым стоит коромыслом. Но атмосфера непринужденная. Никакой чопорности, никакого снобизма.

Сидим, ждем заказа. Я предвкушаю нечто «сугубо итальянское». Зашла ничем не бросающаяся в глаза пара — муж и жена. Оказалось, что это директор знаменитого «Ла Скала» со своей супругой. Они частенько навдываются в этом ресторанчик и не столько даже из-за его неповторимой кухни, сколько из-за неповторимой атмосферы.

Когда директор театра узнал, что поблизости с его столиком сидит «русский Ельцин», сразу же пересел к нам.

Само собой, мы ели знаменитые спагетти, пили прекрасное белое вино, попробовали пиццу, бараньи колбаски. Все ароматно и само просится в рот. Наш миллионер мог позволить себе пригласить гостей в дорогой ресторан, но тогда мы бы лишились столь непосредственного удовольствия: посидеть в национальном ресторанчике с неповторимым итальянским колоритом...

Мы позвонили в Москву, и Наина Иосифовна сказала, что 11 марта Пленум ЦК, а 10-го числа — Президиум Верховного Совета СССР.

На следующее утро — встреча в офисе Леонардо Мондадоре с журналистами. Нигде нас пресса так не встречала... Впрочем, это и объяснимо: позади осталась часть Европы, где нашей поездке сопутствовала неплохая реклама. Затем в честь Б.Н. Ельцина был устроен званый обед, на котором присутствовал советский консул Ступишин (в США визит Б.Н. Ельцина наше посольство почти проигнорировало). Борису Николаевичу вручили Знак почетного гражданина Милана. После прогулки по городу посетили «Ла

Скала» однако, в тот день представления там не было — просто ознакомились с интерьером, подышали воздухом, которым дышал великий Карузо.

В пятницу, девятого марта, в Милане резко ухудшилась погода. Пошли дожди с сильными порывами ветра. В аэропорт мы опоздали, и когда наконец туда добрались, оказалось, что регистрация уже закончилась. Наши места заняли другие пассажиры. Потребовалось огромных трудов и сноровки Эндрю, чтобы с помощью директора аэропорта улететь из Милана.

Мы летели в Париж! Да, в Париж — город грез, романтики, центр европейской цивилизации. Я очень волновался. Наверное, всю жизнь мечтал о Париже, считая свои мечтания абсолютно бесплодными фантазиями... В 10.30 мы уже вступили на французскую землю. Нас встречали сотрудники нашего посольства и глава издательства «Кальман Леви» Алан Ульман.

Разместились в «Гранд отеле», почти в самом центре Парижа, в апартаментах высшего класса, пребывание в которых, кажется, обязывает к чему-то возвышенному, необычному. Стали готовиться к выступлению Б.Н. Ельцина на телевидении. Несколько неожиданно он стал участником теледуэли с диссидентом Александром Зиновьевым, автором книги «Зияющие высоты» и только что вышедшей «Катастрофки». Предстояла совместная презентация.

Зиновьев с первых минут повел себя в отношении Ельцина весьма агрессивно, назвав его партийным функционером и сказав, что, дескать, от Горбачева Ельцин ничем не отличается. То, что Зиновьев не в ладах с большевизмом, ни для кого не секрет, но вот то, что этот талантливый человек окажется брюзгой и «великим» демагогом, для меня было откровением. Мишель Пилло, который вел эту передачу, отозвался о Зиновьеве в том же духе, что этот человек страшно на всех обижен, до болезненности самолюбив, высокомерен. Зиновьева больше всего возмущало, что Ельцина причисляли к демократам. Единственным «настоящим» демократом он считал только самого себя... И ес-

ли Зиновьев суетился, злобствовал, то Борис Николаевич, взяв себя в руки, на вопросы отвечал лаконично и предельно точно. Он понимал, что в такой накаленной, недоброжелательной атмосфере вести развернутую дискуссию бессмысленно.

Но как бы там ни было, встреча оказалась живой и вместо запланированных полутора часов продолжалась более двух. После нее многие говорили, что Ельцин завоевал у зрителей большие симпатии, хотя сам Борис Николаевич после этой «теледуэли» чертыхался.

Западное телевидение не боится сенсационных, а в чем-то даже скандальных передач и этим, собственно, и привлекает зрителей. Во всяком случае Зиновьев тогда ничего не потерял, а приобрел еще более скандальную славу. Но не проиграл и Борис Николаевич: он, со свойственной ему искренностью, говорил о том, в чем глубоко убежден, что пережил и во что верил...

На следующий день мы выехали в Москву. Борис Николаевич спешил на заседание Президиума Верховного Совета и на мартовский Пленум ЦК КПСС.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Видно, таким Ельцин родился: взялся за гуж, не говори, что не дюж. И он начал тащить тяжелейший воз парламентской борьбы. Межрегиональная депутатская группа «подпирала» его с одной стороны, народ — с другой. Сила, дай Бог, каждому... И тем не менее его судьба всецело зависела не от них, а от нового парламента, свободно избранных в него депутатов. Кто они, чьи доверенные, каков их гражданский «эталон»? — ответы на эти вопросы были важны для всей дальнейшей судьбы демократов и их лидера. А между тем тот парламент напоминал «ящик Пандоры» — никогда не знаешь, кто из него может появиться и что предпринять в следующее мгновение. И было бы величайшим любительством со стороны демократов — пустить процесс «созревания» парламента на самотек.

Оперативно была создана аналитическая группа, которую возглавил ученый Александр Собянин. Он «пропустил» весь депутатский корпус через ЭВМ, в которую уже была заложена определенная программа. Нужна была четкая политическая карта России: где, в каких регионах есть прочная опора для демократических реформ, где засилье партократии, а где превалирует политический нигилизм. И первые результаты исследований показали, что в крупных промышленных центрах огромную роль играет движение «Демократическая Россия». Это оно в выборах 1989 года и во вторых выборах в ВС РСФСР сыграло доминирующую роль в формировании депутатского корпуса и уже начинало проводить подготовительную работу по избранию Председателя парламента России.

Основной кандидат был уже известен: Борис Николаевич Ельцин. К тому времени газеты пестрели заголовками:

«Феномен Ельцина», «Кто он — будущий глава России?», «Ельцин или Полозков?» Однако и консервативные «блоки» не зевали: объединившись под неусыпным оком Старой площади, стали срочно отрабатывать стратегию по нейтрализации Ельцина. Они, конечно, могли себе позволить допустить его в депутаты ВС СССР, могли не помешать избранию в парламент России, но не могли же они расслабиться до такой степени, чтобы отдать Ельцину всю Россию. Лучше всемирный потолок, лучше какой-нибудь «чуваш» Воротников или «адыгеец» Власов (оба баллотировались для «верности» в этих национальных округах), но только не Ельцин, которому доверилась почти вся Москва...

И снова началась оголтелая травля Бориса Николаевича. Проводились «накачки» депутатов-консерваторов у Лукьянова, в ЦК КПСС, какие-то тайные «летучки», на которых рефреном билась «живая партийная мысль»: Ельцина не пущать, каждый коммунист умри, но Россию «от Бориса» сохрани. И пугали народ голодом, новым культом личности, развалом Союза, переворотом, гражданской войной и пр. и пр. И, увы, сам Михаил Сергеевич не остался в стороне от закулисных интриг. Горько сознавать, но это было. И, видимо, после путча, когда он увидел «новый мир» «новыми глазами», не раз терзался душою о тех выпадах против Б.Н. Ельцина.

Но если не Ельцин, то кто тогда мог всерьез претендовать на бархат кресла, уготованного для главы России? Власов — председатель старого Совмина РСФСР или первый секретарь КП России Полозков? А почему бы и нет, если учесть, что на веку державы много было посредственностей, а то и откровенных человеконенавистников, ею управляющих. По весне 1990 года главными соперниками Б.Н. Ельцина считались опытные бюрократы, никогда не знавшие альтернативного выбора. Заведомо непопулярные в народе личности и по любым рейтингам стабильные аутсайдеры, однако, обласканные ЦК и, очевидно, самим Политбюро.

В другие времена и Власов, и Полозков, без шума и понукания, взбежали бы по ступеням власти под бурные, несмолкающие аплодисменты. И не трагикомично ли, что кроме этих двух фигур у консерваторов не нашлось больше ни одного достойного кандидата, который мог бы соперничать с Ельциным? Ни одного! Но... Но весь секрет, оказывается, заключался не в самих претендентах на пост Председателя, а во вновь испеченных депутатах, готовых вскинуть мандат за любого, кто против Ельцина. И таких было не так уж и мало. Вся антиельцинская кампания проходила через управляемых со Старой площади парламентариев.

Исследование Александра Собянина выявило примерно такой расклад в парламенте: по 40 процентов от каждой стороны — консерваторов и демократов. К первым примыкали аграрии, представители автономий, промышленники, ВПК, офицерство и т.д. Ясно было, что все эти люди приверженцы ЦК, системы, на которых, собственно, и могли рассчитывать те, кто «ставил» на вальяжного Власова и «суперобъективиста» Полозкова. Но были еще и загадочные фигуры с не совсем ясной политической ориентацией. И таковых насчитывалось не менее 20 процентов от общего числа депутатов. По-видимому, несколько голосов из этого круга «загадочных фигур» и должны были решить судьбу выборов Председателя в пользу той или другой стороны.

Такие «асы», как Юрий Рыжов, Лев Пономарев, Сергей Красавченко, Сергей Шахрай, Сергей Филатов и др., входили в команду Б.Н. Ельцина и, конечно, понимали, что надо бороться за каждый голос.

В Ленинграде был даже создан комитет в поддержку Б.Н. Ельцина. 7 мая 1990 года, по инициативе этого комитета, состоялась «сходка» сторонников Бориса Николаевича. Место встречи — Приозерск, что в 160 километрах от Ленинграда. 30 апреля Борис Николаевич перенес в Испании операцию, а уже через неделю — испытание на прочность: полет до Ленинграда, а затем многочасовая поездка до Приозерска. И хотя врач запретил ему пускаться в столь

дальний путь, встреча было чрезвычайно важной — и Ельцин нарушил медицинские предписания.

Собрались представители чуть ли не всего северо-западного региона России: Ленинградской, Новгородской, Псковской, Ярославской областей, Карелии... Ельцин выступил и, судя по дальнейшим событиям, многих сомневающихся в его программе перетянул на свою сторону. Но сама встреча и разговор на ней были напряженными: присутствующим хотелось обстоятельнее узнать — за кого они будут голосовать, за какую программу? Ездили мы туда втроем: Борис Николаевич, Саша Коржаков и я. Запомнилась стоическая выдержка Ельцина. Не каждый после столь сложной операции рискнул бы на такой шаг.

На следующий день мы отправились назад и, хотя поездка оказалась трудной, мы были довольны ее результатом. Благодаря Приозерску, Ельцин впоследствии получил «свои» голоса. «Цыганская почта» разнесла весть об этой встрече по стране, и Борис Николаевич набрал дополнительные очки за свое мужество.

Из Свердловска помчались гонцы в разные уголки России. Началась настоящая битва за периферию. Впрочем, не только проельцинские посланники направились на окраины — там весьма активно боролись за своих кандидатов партийные структуры. Была неопределенность, и все понимали — решат исход «весы голосования». Во всяком случае, никто легкой победы не ждал. И сам Ельцин не питал иллюзий, что победу одержит в первом туре. Ожидались крупные парламентские игры, обоюдозакрученная интрига, и никакие прогнозы не могли быть абсолютно достоверными...

Про Полозкова пресса писала, что это «последняя любовь» партаппарата, человек, не чуждый современных веяний и даже склонен к занятиям живописью. Его патроном был не только Горбачев, но и Лукьянов (тоже человек небесталанный) — едва ли не главный хормейстер парламентского ансамбля с правым уклоном. В газетах был опубликован символический снимок Горбачева и Лукьянова,

восседающих на балконе Дворца съездов, где проходил съезд народных депутатов России. И Михаил Сергеевич, и Анатолий Иванович, подперев щеки ладонями, зорко следили сверху за перипетиями борьбы за председательский пост. Они напоминали двух умудренных опытом грифов, ожидающих окончания сражения. Верил ли кто из них в победу Полозкова? Не сказал бы... Впрочем, и не без надежды взирали они с той верхотуры: ведь добрая половина парламентариев готова была голыми руками свернуть голову нарождающейся демократии, а Ельцину — в первую очередь.

Власов вначале в бой не ввязывался: произнесенная им «программная речь» была выдержана в духе наихудших партийных наставлений, обещаний, неопределенностей. Даже консерваторы понимали, что бывший шеф МВД СССР и бывший председатель Совмина не вписывается в рамки современных представлений о главе государства.

И говорить по существу не умеет (ведь одним баритонном съезд не урезонишь), и тема выступления не та, мелковата, и огня в речах нет. И тогда, явно по подсказке из суфлерской будки Старой площади, в бой был брошен Иван Кузьмич, «скромная фигура», хотя и с определенными амбициями, вроде бы даже радетьель за социальную справедливость, разоблачитель махинаций пресловутого АНТа, мужественный борец против засилья кооператоров. В общем — «ум, честь и совесть нашей эпохи».

За Полозкова было подано 473 голоса. Это все, на что были способны «его» депутаты. Второй тур показал, что партийный ставленник, выпустив пар в первом туре, начал бесповоротно и окончательно сдавать — минус 19 голосов. Очевидно, почувствовав, что его рейтинг падает, Иван Кузьмич уступает место Власову, тому, кто первый предложил его кандидатуру. Более подходящей личности, чтобы завалить «правосторонние» выборы, трудно было себе представить. И тем не менее волнение нас не покидало.

Мы, окружение Ельцина, боялись одного, чтобы Борис Николаевич не надломился от всех этих умопомрачитель-

ных трудов. И все ждали, кто первым не выдержит: Ельцин или съезд, которому могло прийти в голову принять постановление, что за одних и тех же кандидатов более трех раз голосовать нельзя. И что нужно будет выдвигать других претендентов. Кстати, консерваторы хотели такой вариант проташить и даже делали попытку поставить его на голосование.

Но процесс выборов Председателя Верховного Совета России проходил не только в зале заседаний Дворца съездов. Вокруг Кремля творилось нечто невообразимое. И в этой связи хочу рассказать об одном эпизоде, свидетелем которого я был.

Когда «весы» голосования опасно закачались, Красная площадь стала заполняться возмущенным народом. Люди почувствовали, что представляет собой депутатский корпус, который недвусмысленно ошестинился против Ельцина. И толпы москвичей, повинувшись эмоциональному порыву, устремились на помощь своему любимцу. Народ стал блокировать Красную площадь, гостиницу «Россия», где жили депутаты, ГУМ, Манежную площадь, Александровский сад... Гул стоял страшный, все скандировали лозунги в поддержку Б.Н. Ельцина. Атмосфера жуткая. МВД и КГБ, не придумав ничего умнее, выставили против людей офицерский корпус, блокировав всю прилегающую к Кремлю территорию. Сделано это было по требованию части народных депутатов, которым сам народ показался чуждым и опасным «элементом» в эти судьбоносные для страны часы. А это действительно были судьбоносные часы...

С моста, что рядом с гостиницей «Россия», прорвались две женщины с девочкой. Люди в офицерских погонах пытались их задержать, но ничего из этого не получилось. Они бежали в нашу сторону, и им надо было преодолеть как минимум 600 — 700 метров. Мы с водителем сидели в «Москвиче» Бориса Николаевича и ждали окончания выборов. Находились мы рядом с храмом Василия Блаженного. Тут же стояли черные «Волги», и, видимо, они были целью этих взволнованных женщин. С цветами в ру-

ках они подбежали к нам с криком: «Сволочи, гады, не хотят пускать». Рядом стоял полковник: руки в карманах, выражение лица каменное, недоступное. Женщины обращаются к нему: «Чего, мол, тут стоишь, морду наел... Все вы здесь против Ельцина... Вам кто — Ползков нужен? Вам нужен еще один Кузьмич?» Полковник в ответ: «Вы бросьте мне тут митинговать... Идите лучше домой борщ варить». «Ну, что вы с народом сделаете? — кричат женщины в сторону офицера. — Вы дождетесь народного гнева, и он сметет вас, толстопузы...» Полковник, не выдержав этой атаки, развернулся и пошел прочь.

Прошло еще несколько минут, и эти женщины вроде бы начали успокаиваться. А в это время из Кремля стали появляться первые группы депутатов. Мы узнали, что никто из кандидатов не победил, и одна из женщин не удержалась и заплакала: «Как вам не стыдно?! Что вы делаете с Ельциным?» Кто-то из депутатов обратился к военным: «Уберите этих склочниц к чертовой матери!» — «Это нас убирать? — всполошились женщины. — Это вас надо убрать к чертовой матери... Не любите Россию, лижете зад партии... Сволочи...» Жаль, не было видеокамеры, это была еще та «историческая сцена».

Толпа между тем увеличивалась. И вдруг вижу — идет священник, в церковном одеянии, грудь расправлена, живот вперед... Спокойно так, с достоинством идет. Женщины к нему: мол, нет Бога, нет справедливости. «Отчего сомнения такие?» — спросил у них батюшка. «Двое суток мы молимся за Ельцина, а его никак не могут избрать. Где же ваш Бог?» Священник приостановился, посмотрел на женщин и изрек: «Не все еще потеряно, любезные дщери... Будет день, и Бог услышит ваши молитвы...» И спокойно пошел себе дальше. Мне слова батюшки, словно бальзам на душу. У женщин слезы на глазах... И вдруг появляется Ельцин. Его — высокого, седовласого — просто нельзя не заметить. Улыбается, вроде бы как ничем не озабочен. Но я то знаю цену этой улыбки. Напряжение, кажется, сейчас разорвет ему грудь. Сдерживается из последних сил. Уви-

дев Бориса Николаевича, эти женщины побежали к нему навстречу. Протягивают цветы и говорят: «Борис Николаевич, не обращайтесь на них внимание, мы все равно вас выберем». Девочка тоже к нему подошла. Смотрю, взял от них цветы, пожал руки и вроде как напряжение в лице поослабло. Не зря, думаю, прорывались женщины, во всем свой смысл заложен...

Когда мы немного отъехали, он как жажнет кулаком по передней панели... Я уж думал — машина развалится... Уу-хх... Слава богу, разрядка произошла. А когда я ему рассказал про сцену с женщинами и священником, он от души рассмеялся. Приехали к нему домой, стали все успокаивать, говорить, что вся Россия звонит в Москву, люди ждут и верят в победу...

Назавтра новый раунд, новые дебаты, новая нервотрепка... На третий день, когда «рубка» уже шла с Власовым, я в Кремль не поехал. Просто не хватило духу выносить весь тот кошмар... Мы, его доверенные лица, находились в моем кабинете (на пр. Калинина, 27) и ждали исхода. Со мной были Михайлов и Демидов. Привезли шампанское, ибо у всех было острое предчувствие победы. Ждали конца сумасшедшего «турнира». Этот день запомнился навсегда: 29 мая 1990 года, мы ждали результатов выборов, и, как это всегда случается, сообщение пришло совершенно неожиданно и потому ошеломило нас. Борис Николаевич набрал шесть решающих голосов...

...Незабываемые мгновения. Мы всей гурьбой поехали к нему домой, чтобы поздравить. А через три дня бывший Председатель Президиума Верховного Совета России Воротников «сдавал» Борису Николаевичу Белый дом. И происходило это первого июня. Я поехал к себе домой, а Ельцин — в Белый дом. Когда я туда позвонил, ребята сказали, что там находится Ельцин и Воротников. Происходила «историческая смена караула». И я поехал туда. Вошел к Борису Николаевичу в его новый кабинет. Он сидел усталый, но явно в настроении. Только что от него ушел Воротников. Старое уступало дорогу новому. Я еще раз поздравил сво-

- его шефа с победой, но он мне о другом: «Смотрите, Лев Евгеньевич, какое мы отвоевали здание... Да разве только здание? Россию отвоевали у воротниковых». — «А какой хомут, — говорю, — вы себе, Борис Николаевич, повесили на шею. Хватит ли сил?» — «Должно хватить, — отвечает он... — Хотя, чтобы вывести Россию из этого состояния, может и десяти жизней не хватить». На лице шефа появилось мимолетное выражение отрешенности. Видимо, на мгновение ему открылись все «руины» и все «бездны» замученной России...

ВЕРНЫЙ СТРАЖ

Александр Коржаков был первым телохранителем Б.Н. Ельцина, когда тот еще находился на посту главы МГК партии. Когда-то Саша работал в Афганистане, охраняя каких-то высокопоставленных особ. А когда приезжал в Союз Президент Финляндии Мауно Койвисто, то рядом с ним, как тень, находился Александр Васильевич.

Это опытный и физически очень сильный человек. Причем по его разговору, приветливо улыбающимся глазам ни за что не догадаешься, какая у него реакция и какое феноменальное угадывание ситуации. Все три охранника Бориса Николаевича из МГК остались ему верны, и при переводе в Госстрой лишь их начальник Юрий Федорович Кожухов «ушел в тень».

1 февраля 1989 года, в день рождения Бориса Николаевича, Саша Коржаков с двумя бывшими телохранителями Ельцина пришел к нам в Госстрой. Я встретил их в приемной, затем проводил в комнату отдыха (за кабинетом Ельцина), где и состоялось торжественное «салютование» шампанским. Немного выпили, повспоминали былое и разошлись. Это ведь элементарное дело: бывшие сослуживцы пришли поздравить своего старшего товарища, бывшего своего шефа... Но как бы не так. Через некоторое время все трое были из КГБ уволены. Саше тогда было 38 лет, человек в расцвете сил, а ему говорят: «Все, дорогой товарищ, оформляй пенсию...» А у него ведь семья: жена, две дочери. Что же, такова, видать, жизнь телохранителя: служи тому, кому служить прикажут. А эмоции, личные симпатии или антипатии — это ни к чему...

Пошел Александр Васильевич охранять председателя кооператива «Пластик». Работал, получал около двух тысяч

в месяц. После Афгана он купил себе «Ниву» и на ней работал, за что еще доплачивали энную сумму. Словом, материально не нуждался. Однажды он пришел ко мне и говорит: «Лев Евгеньевич, бери в свою команду, не могу больше пахать на кооператорщиков. Не нужны мне их деньги, радости от них никакой». А мы к тому времени с Борисом Николаевичем переехали работать на проспект Калинина, 27, где на седьмом этаже расположился Комитет по делам архитектуры и строительства ВС СССР.

Саша перешел к нам и сначала работал в приемной Бориса Николаевича, а потом какое-то время был в его личной охране. Раньше на даче у Бориса Николаевича была сестра-хозяйка — убирала, мыла, готовила. Однажды шеф у меня спрашивает: «А если отказаться от услуг сестры-хозяйки, как к этому отнесутся министры?» Мы тогда еще работали в Госстрое. Я ему отвечаю: «Конечно, отнесутся негативно и скажут, что вы популист». Но он тем не менее сделал по-своему. Потом Ельцин отказался и от служебной машины, и Саша Коржаков возил его на своей «Ниве». Эта машина была, наверное, единственной в Кремле «неслужебкой», в которой разъезжал самый популярный в стране народный депутат. Потом Борис Николаевич отказался и от дачи в Успенке, хотя большинство бывших номенклатурщиков жили там уже в ранге пенсионеров. Не стал лечиться в поликлинике Четвертого управления Минздрава СССР. Вспоминается один любопытный эпизод. Однажды в кабинет Ельцина зашел хозяйственник Госстроя и предложил Борису Николаевичу паек... Что тут было... «Выйдите вон со своими подачками!» — выдал ему рассерженный Ельцин. Этим поступком он больше нажил врагов, нежели друзей. Никому ведь не хотелось лишиться министерских привилегий, к борьбе с которыми все время призывал Борис Николаевич.

Когда вы смотрите телевизор и рядом с Ельциным видите высокого круглолицего человека, знайте — это Саша Коржаков, верный страж Президента России. Они рядом

находились в дни путча и в светлые мгновения, когда на площади Свободной России собрались тысячи москвичей, чтобы выслушать своего Президента. Он стоял на балконе в гуще своих соратников, и по бокам от него находились телохранители и держали перед грудью Ельцина пуленепробиваемый щит. Слева, ближе к сердцу Президенту, стоял Саша Коржаков...

ЖЕЛЕЗНОЕ РУКОПОЖАТИЕ МАРГАРЕТ

Я уже рассказывал о том, как Б.Н. Ельцин из-за Пленума ЦК не поехал в Лондон на презентацию своей книги. Однако Эндрю Нюрнберг настаивал на посещении столицы Англии, к тому же одновременно было получено приглашение от муниципалитета Кордовы (Испания) — принять участие в международной конференции «Европа без границ и новый гуманизм». И Борис Николаевич решил совместить эти два мероприятия.

Но, кроме презентации книги, Лондон для Бориса Николаевича был еще интересен возможной встречей с премьер-министром Маргарет Тэтчер. Во всяком случае Эндрю гарантировал такую встречу и действительно через аппарат премьера-министра получил с Даунинг-стрит «добро»: Тэтчер согласилась принять Ельцина.

27 апреля мы вылетели в Лондон. В аэропорту Хитроу нас встречал советский посол Замятин, пресс-атташе и Нюрнберг. Выпили по чашке кофе и отправились в резиденцию Маргарет Тэтчер. Эта встреча для Бориса Николаевича была чрезвычайно важной, и потому мы сильно занервничали, когда после некоторой задержки в аэропорту едва «вписались» в плотный автомобильный поток. Машин столько, что не разгонишься, не наверстаешь время, тем более на дорогах Англии, где царят железный порядок и дисциплина, когда превышение скорости чревато большим штрафом.

Ельцин очень беспокоился — не любит опаздывать, — но не имел ни малейшей возможности повлиять на ситуацию. Несколько раз из машины мы связывались с помощником премьер-министра и ставили его в известность, где находимся, в каком режиме идет поток машин. В итоге мы

опоздали на 12 минут. Борис Николаевич извинился перед Тэтчер за опоздание, но и она, в свою очередь, извинилась за «наше ужасное движение на улицах» с их многочисленными пробками.

На встречу они отправились вдвоем: Борис Николаевич и Нюрнберг, поскольку, решили мы, для него будет полезнее встретиться со своим «премьером», тем более что за свои труды он заслужил такую встречу... Они поднялись на второй этаж, а я остался внизу — в небольшом помещении, где, как потом мне объяснили, находится музей консервативной партии. Я увидел очень много книг, различных документов, посвященных руководителям партии.

Окна музея выходили в маленький дворик, отгороженный от внешнего мира высокой кирпичной стеной. Он был чрезвычайно уютен, весь в зелени и цветах, в которых порхали разноцветные птички. Это очаровательный, как бы законсервированный во времени мирок, за пределами которого на больших скоростях проносится XX век.

Через какое-то время в помещение зашел человек и пригласил пойти за ним. Когда мы вышли, я увидел, как по лестнице спускаются Тэтчер с Ельциным, чуть позади — Нюрнберг. Борис Николаевич представил меня премьер-министру, она пожала мне руку, и я почувствовал действительно «железное» рукопожатие. Не у каждого мужчины бывает такая крепкая рука. Рукопожатие — это первый контакт между людьми, «зажигание» беседы, от чего во многом зависят дальнейшие отношения партнеров. Это жест невыразимого смысла, но сам по себе он очень важен. Борис Николаевич обычно крепко жмет руку, слегка отжимая ее вниз, как бы проверяет на прочность. Но это касается только мужчин, ибо я не слышал, чтобы какая-нибудь женщина жаловалась на его «железное» рукопожатие...

Времени было мало, и Ельцин, пригласив Тэтчер еще раз приехать в СССР, стал откланиваться. На выходе нас встретил корреспондент советского телевидения Всеволод Шишковский и попросил у Бориса Николаевича интервью. Шеф коротко поделился своими впечатлениями

о встрече с премьер-министром и подчеркнул, что полностью удовлетворен ходом беседы. С Даунинг-стрит мы поехали в гостиницу «Савой» — старинный с шикарными номерами отель. И уже там к нам присоединились издатель книги «Исповедь на заданную тему» Кейб и переводчица Алена Кожевникова, сотрудница радио «Свобода». Несмотря на объявленную гласность, в Москву ее еще не пускали... Она рассказала о недавнем визите в Лондон министра обороны Язова с женой, которые в разговоре о демократических процессах в Союзе не сумели скрыть свою злобу к этим процессам. В середине дня мы поехали в лондонский пресс-клуб, где Борис Николаевич намеревался провести пресс-конференцию для журналистов.

Собралось около 150 человек. Затем мы поехали в банк для оформления фонда по борьбе со СПИДом. Все деньги, вырученные за его книгу, должны были быть перечислены в этот фонд. Позже в газете «Санди таймс» появился снимок, запечатлевший Бориса Николаевича и директора банка в тот момент, когда они подписывали соответствующие документы.

После скромного приема с шампанским мы отправились в самый большой в Европе книжный магазин, куда уже выстроилась длинная очередь. Здесь собрались журналисты, издатели, многочисленная читающая и просто любопытствующая публика. Все, кто в тот момент находился в магазине, имели редкую возможность заполучить автограф «самого» Ельцина. После теплой раздачи автографов, мы по приглашению Эндрю, вместе с его друзьями отправились в ресторанчик «Reform Club». Когда мы туда приехали, там уже находился Замятин с двумя сотрудниками посольства.

Присутствовал также князь Голицын, один из потомков древнего рода Голицыных. Он не предполагал, что пройдет совсем немного времени и он сможет свободно приехать в Москву. На прощанье все мы на столовой салфетке оставили свои автографы с трогательными напутствиями. Алена Кожевникова, например, написала такие слова: «На память

о встрече «злопыхателя» (меня) с настоящим русским человеком, Борисом Николаевичем Ельциным».

В субботу, 28 апреля, мы покинули отель и отправились в аэропорт, где нас уже ждали. Подъехали симпатичные девушки, поставили наши вещи на маленький автомобильчик, а мы пошли на посадку. Все происходило быстро, без всяких ожиданий и с большим вниманием к Борису Николаевичу. С грустью простились с Нюрнбергом и на самолете Британской авиакомпании взяли курс на Испанию. Малага, после солнечного Лондона, встретила нас хмурой погодой. Была сплошная облачность, то и дело начинал моросить дождь. К трапу самолета подъехали работники аэропорта и проводили нас в зал для гостей, где уже находились Виктор Ярошенко и наша переводчица Галина Гонсалес.

ИСПАНСКАЯ АВАРИЯ

В Кордову ехали более двух часов по великолепной автотрассе. Мы пересекли долину, засаженную оливковыми деревьями, вдали виднелись зеленые террасы, обработанные трудолюбивыми испанскими крестьянами. В Кордове нас подвезли к самому престижному отелю, где уже ждали мэр города и председатель фонда, по приглашению которого мы, собственно, и прибыли в Испанию. Нам дали возможность немного отдохнуть, после чего повезли обедать в очень уютный ресторан «Красный конь».

Из-за поездки в Лондон Борис Николаевич опоздал к началу конференции «Европа без границ и новый гуманизм». Однако его приезд туда ожидался с большим интересом, о чем красноречиво свидетельствовала испанская пресса. Тематический диапазон выступлений был чрезвычайно разнообразен: конституционные системы, режимы и партии, процессы выборов, демократические преобразования в странах Восточной Европы, денежные системы, перестройка и гласность в СССР, Польше, Венгрии, монополия партий, политический плюрализм и т. д. Б.Н. Ельцин выступил с докладом «Перестройка и гласность в СССР» — тема по тем временам актуальная — и ему было что об этом поведать слушателям. А внимали ему политические деятели многих стран, известные ученые, экономисты, политики, среди которых такие имена, как А. Дубчек, Вилли Брандт, Адам Михник, В.-Ж. д'Эстен и другие.

Выступление Бориса Николаевича было мощным и реакцию вызвало тоже бурную. Пресса впоследствии расценила его доклад как смелое выступление, открывшее многим участникам конференции глаза на происходящее в нашей стране.

После ее окончания была принята резолюция и состоялось торжественное закрытие. В одиннадцатом часу вечера наша группа пошла погулять по городу. Погода стояла отменная, и народу на улицах было много. И туристы, туристы... На всех площадях и улицах песни и танцы, танцы и песни. Это карнавалый город, и казалось, что весь мир в это время поет и танцует. Слушали музыку, наслаждались неповторимым колоритом старины, заходили в лавочки и, ничего не купив, снова окунались в калейдоскоп улицы. Побывали в знаменитом на всю Испанию ресторанчике, в котором выступают известные музыканты и танцоры. Небольшой ресторанчик, вход свободный, атмосфера самая дружелюбная.

На улицах целые семьи, с детьми дошкольного и школьного возраста, которые в довольно позднее время предавались беспечному веселью. Однако в отличие от них мы не могли быть такими же беззаботными, ибо рано утром нас ожидал перелет в Барселону. Оттуда уже приехали две очаровательные представительницы телевидения, вознамерившиеся сопровождать нас из Кордовы в Барселону.

Рано утром мы собрались и в поданных к гостинице лимузинах отправились в маленький аэропорт, используемый для частных самолетов-такси. Один из таких самолетиков и зафрахтовало телевидение Барселоны для нашей делегации — небольшой, спортивного вида моноплан на шесть мест. Два пилота уже готовили его к рейсу. На одном из пилотов был спортивный костюм, второй — в простой рубашке и джинсах. Словом, обыкновенные воздушные извозчики. Когда подошли к аэроплану, Борис Николаевич, постучав ладонью по крылу, зловеще пошутил: «Ну что, ребятки, в последний путь...» Переводчица что-то сказала пилоту, но тот, явно не страдая избытком скромности, заверил нас, что в мире не существует более надежного транспорта, чем эта «консервная банка». Мол, этот воздушный лилипут ни в чем не уступит гигантскому «Конкорду»... В общем, пришлось нам погружаться в этот, с позволения сказать, лайнер.

Слева, впереди, разместились две девицы из ТВ, справа — Гонсалес и Ярошенко. Мы с Борисом Николаевичем устроились сзади — он слева от двери, я — рядом. Кресло у меня было без спинки, и потому я испытывал страшные неудобства. Если бы кто-нибудь из нас захотел встать во весь рост, то непременно прошил бы головой фюзеляж.

Однако наша двухметровая «консервная банка» шустро вырулила на взлетную полосу и, совершив «комариный» разбег, благополучно взлетела. Через крошечный иллюминатор я разглядел красноземное поле, на котором с мотыгами в руках трудились крестьяне. Была суббота. Среди живописных холмов серебряной ленточкой мелькнула река. День стоял солнечный, хотя кое-где уже плавали тучки. Но впереди, над перевалом, сформировалась достаточно плотная облачность.

Шутка Бориса Николаевича относительно «последнего пути» у всех оставила нехороший осадок. Об этом сразу вспомнилось при виде облачности по курсу нашего самолетика. Какое-то время сидели молча и потихонечку, несмотря на жуткое тарактенье двигателей, стали впадать в сонливое состояние. В конце концов монотонность полета нас убаюкала, и мы с Ельциным задремали. Когда улетали из Кордовы, я видел какие-то строения, виноградники, и вот чудо: едва открыв глаза, я снова увидел тот же ландшафт. Спрашиваю у Ярошенко: «Мы что — уже прилетели в Барселону?» Хотя вижу, что это не так..., Ярошенко, замечаю, ведет себя как-то необычно, да и лицо у него зеленее морской волны. И тут он меня ошарашивает: оказывается, электропитание на борту отключилось и приборы вышли из строя. Вот мы на аварийном режиме и возвращаемся туда, откуда так великолепно взлетели.

Борис Николаевич открыл глаза и, выслушав меня, сказал: «А что я вам говорил?» И снова прикрыл веки. У Ярошенко, чувствуется, сдают нервы, Гонсалес тоже изменилась в лице, да и я, грешным делом, подумал, что на этом перестройка для меня может навсегда закончиться.

Самолет между тем начал снижаться, видимо, заходил на посадку. И вдруг нас осеняет: мы не можем приземлиться, не раскрывается шасси. Оно, оказывается, тоже на электрической тяге. На взлетном поле уже собрались люди и смотрят вверх, на наш самолет, разумеется. На полях крестьяне, побросав мотыги, тоже уставились в небо.

И тут пилот начинает выделять фигуры «высшего пилотажа»: он резко набирает скорость и так же резко бросает машину вниз, раскачивая ее с крыла на крыло. Самолетик ревет, как рассерженный бык, проносится над взлетной полосой и снова набирает высоту, чтобы сделать очередной заход. И так круг за кругом. В какой-то момент летчики хотели посадить машину на воду — не получилось. Пытались вручную вытолкнуть злополучные шасси — тоже напрасно.

Но, видно, не пришла еще пора нам прощаться с жизнью: в конце концов летчикам удалось отпустить шасси и, хотя посадка была жесткая, с подскоком, мы приземлились. Страх — вещь отвратительная, к нему тоже надо быть готовым, и тогда я отчетливо понял, что дилетантом в любом случае быть нехорошо. Однако выдержка Бориса Николаевича меня просто поразила: ни взглядом, ни жестом он не дал понять, что ему страшно... Да и что, собственно, произошло из ряда вон выходящего? В конце концов и «консервные банки» иногда благополучно приземляются и... нет худа без добра.

Смотрю на Ярошенко — испуг сползает с его лица, и, обратившись к Ельцину, он проговорил: «Борис Николаевич, а ведь мы с вами чуть было не навернулись к такой-то матери...»

Девушки из барселонского ТВ стали куда-то звонить и вскоре прибыла машина. Нас отвезли в тот же ресторанчик «Красный конь». Мы страшно этим обстоятельством были довольны, а удивлению хозяина ресторана, кажется, не было предела. На столе появилось такое вино, которого, по словам хозяина, нигде больше в мире нет. Он был польщен визитом Ельцина и проявлял чудеса хлебосоль-

ства. Впрочем, испанцы удивительно доброжелательный и очень гостеприимный народ.

Примерно через два часа мы снова оказались в аэропорту и уже на более «солидном» реактивном самолете отправились в ту же Барселону. И опять фортуна отвернулась от нас: попали в грозовую облачность, хотя шли на приличной высоте. Началась сумасшедшая тряска, будто мы попали на виброустановку для проверки самолетных узлов. Это было даже пострашнее, чем полет на «консервной банке»... Но приземлились, в общем, благополучно, хотя и не без незначительного происшествия: внезапно мой шеф почувствовал острую боль в спине. Правда, быстротечную. Возможно, подумали мы, это было результатом тряски в грозовом небе.

Нас отвезли в отличный отель «Принцесса София». Вечером за нами приехали и мы отправились в ресторан. Ужинали до 12 ночи, и, хотя боль в спине у Б.Н. Ельцина не утихала, он старался не показывать вида.

Побродили по ночному городу — красивому, с широкими перекрестками. Пешеходы здесь, кажется, никогда не нарушают правила: хотя машин не видно, а люди все равно ждут зеленого света. Прошли по главной улице, такой же великолепной, как и Елисейские Поля в Париже. Затем приехали на бульвар Цветов — сплошное море цветов, сто радуг, сто северных сияний. Их здесь выращивают и еще «тепленькими» продают. Цветы в Барселоне можно купить в любое время суток, в любое время года и какие только душе угодно. Мне тогда подумалось, что культ цветов возможен только там, где царит культ любви или, во всяком случае, есть глубокие культурные традиции.

В отель возвратились во втором часу ночи, и боль в позвоночнике у Ельцина стала увеличиваться. Борис Николаевич рассказал: в то время, когда он еще играл за сборную России по волейболу, у него произошло смещение позвонков. Пришлось основательно лечиться, и, к счастью, обошлось без операции. Но, видимо, вибрация в самолете что-то растревожила. Засыпал он беспокойно, со сто-

ном. Я просидел рядом с ним на диване всю ночь, ибо, когда ему надо было перевернуться на другой бок, он не мог этого сделать без посторонней помощи. Когда боль немного стихала, он засыпал, но не надолго.

Понедельник, 30 апреля, обещал быть напряженным. В 11 утра Ельцин должен был выступать по радио, в прямом эфире. Утром, превозмогая боль, он кое-как поднялся и, немного подвигавшись, понял, что без укола не обойтись. Однако сразу связаться с врачом не удалось, и мы попросили передать ему, чтобы он приехал на радио.

Боль усиливалась, и уже, кажется, не было никаких сил терпеть. О выступлении не могло быть и речи, хотя сотрудники радио имели на этот счет другое мнение. Пришлось мне вмешаться и объяснить журналистам причину срыва. Прибывший вскоре доктор сделал Борису Николаевичу обезболивающий укол, дал еще какие-то таблетки и уехал. Интервью вместо Ельцина давал Ярошенко, а сам Борис Николаевич сидел в кресле, стиснув зубы, не проронив ни звука. К 12 часам приехал нейрохирург и, расспросив больного, тут же назвал диагноз. «Я больше чем уверен, — сказал врач, — что у вас грыжа между позвонками, защемившая нерв».

Мы отправились в отель — вечером предстояло выступление по барселонскому телевидению, ради чего, собственно, мы и приехали в Барселону. Однако к вечеру Борису Николаевичу стало совсем плохо, и тот же врач, что делал укол, предложил ему лечь в госпиталь. В принципе Ельцину крупно повезло: госпиталь всего месяц назад был сдан в эксплуатацию и находился поблизости от гостиницы. Это кооперативное медицинское учреждение, построенное на средства пайщиков, оснащенное самой современной аппаратурой. Но главное, в этом госпитале работает профессор Жозеф Льевет — один из ведущих нейрохирургов мира.

В гостинице собрался консилиум, который и подтвердил прежний диагноз: застарелая грыжа изменила форму и защемила нерв. Одна нога была почти парализована. Нуж-

но срочно решать — оперировать или нет. Сначала Борис Николаевич наотрез от «ножа» отказался, поскольку знал, что это за операция. Ведь при неудачном ее исходе можно на всю жизнь остаться парализованным. У нас в Союзе после таких операций люди проводят по полгода в больнице на строгом постельном режиме. Случись подобное — прощайте, выборы, прощай, работа, борьба...

Я не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не переводчица Галина Гонсалес: она сидела у него в палате, ухаживала за ним, плакала и все уговаривала согласиться на операцию.

Главным ее доводом было то, что «так хорошо, как в Барселоне, нигде вам операцию не сделают». А профессор Льевет действительно готов был оперировать и заверил нас, что все кончится хорошо. И что буквально через 3—4 дня Борис Николаевич сможет стать на ноги. И тем не менее, нас с Ярошенко попросили дать расписку, что мы не против хирургического вмешательства. Мы, естественно, согласились, предварительно поставив в известность самого Ельцина. Нам сказали, что оперировать его будут немедленно.

В 11 вечера его увезли из палаты № 326 в операционную. Ярошенко поехал на ТВ, чтобы выступить вместо Бориса Николаевича. Мы же с Галиной Гонсалес «болели» у дверей операционной. Вскоре к нам присоединился Ярошенко, возвратившийся с ТВ. К этому времени операция уже закончилась, и Бориса Николаевича положили в реанимационное отделение. Ночью я позвонил Наине Иосифовне и сказал ей, чтобы она не волновалась, поскольку операция прошла успешно и оснований для волнений нет. (По советскому телевидению показали профессора Льевета, который перед телекамерами держал на ладони раздробленный позвонковый диск, извлеченный из позвоночника Б.Н. Ельцина.)

1 мая 1990 года Бориса Николаевича перевели в обычную палату, куда мы всей группой и завалились, чтобы его проведать, поддержать. Настроение у всех отличное, хотя

полной уверенности в положительном исходе операции не было. Но все же — операция прошла без осложнений, и это обнадеживало. Огромные букеты цветов прислал и хозяин нашего отеля, и мэр Барселоны.

Профессор Льевет очень напоминал доктора Айболита — исключительно добрый и внимательный человек. На все наши вопросы он твердо заявил: «Господин Ельцин скоро сам встанет на ноги и начнет ходить». Когда мы пришли к нему в палату, он был весел и слушал по радиоприемнику музыку. Однако, оберегая его покой, нас вскоре выпроводили из палаты, и мы отправились в район старой Барселоны с ее средневековыми улочками, домами и старинным собором.

Вечером Бориса Николаевича посетил президент Каталонии и в шутливой форме выразил удовлетворение, что именно в его провинции оказана медицинская помощь столь знаменитому человеку. Вечером мы снова навестили нашего больного.

Утром 2 мая нам довелось оказаться свидетелями триумфа испанской нейрохирургии. Ельцин, по требованию врача, должен был сам... встать с кровати. И, вопреки нашим страхам, он самостоятельно поднялся на ноги и... сделал первый шаг. Начал с правой ноги. И этого шага было достаточно, чтобы он сграбастал в охапку своего спасителя Льевета и расцеловал его. А еще до операции в госпитале сшили специальный кожаный корсет, который ему и надели.

Наступил кульминационный момент: доктор приказал Борису Николаевичу бросить костыли.

Ельцин очень волновался, боялся упасть, но, видимо, соблазн удостовериться, что операция прошла успешно, заставил его отбросить в сторону костыли и сделать два шага. Нас охватило восхищение врачом и его пациентом. «Достаточно, — сказал Льевет, — кажется, все идет нормально». И велел идти Борису Николаевичу отдыхать.

Позже до нас дошли воистину сенсационные сообщения о первомайской демонстрации в Москве. Впервые за 73 года празднования с трибуны Мавзолея ушел глава го-

сударства — под свист и улюлюканье демонстрантов. Испанские газеты это событие обсуждали очень бурно, в связи с чем буквально засыпали нас вопросами. Б. Н. Ельцина это сообщение мало удивило.

Днем он давал интервью телевидению и газетам, ходил тихонечко по палате, поднимал то одну, то другую ногу, демонстрируя искусство испанского врачевателя. Борис Николаевич с удовольствием позировал, чем приводил в восторг собравшихся журналистов. 3 мая он уже вовсю ходил по больнице, разговаривал с газетчиками, встречался с издателем, опубликовавшим его статьи и интервью, и даже вел беседы с министром строительства и экономики. Иностранные журналисты провели небольшую пресс-конференцию, на которой присутствовали и учредители, внесшие средства на постройку госпиталя. Почетный председатель Фонда сказал: «У нас в госпитале 460 одинаковых палат. И президент, и премьер-министр, и рабочий — все пользуются здесь совершенно одинаковыми условиями». И действительно, рядом с Ельциным находилась палата, в которой лежал рядовой испанец. Ему также сделали операцию. И к нему подход был точно такой же, как и к Ельцину.

Из Испании улетали 5 мая утром. Накануне вечером Борис Николаевич сфотографировался с персоналом госпиталя — медсестрами, врачами. Ему сделали весь комплекс анализов — там это обязательная процедура для каждого, кто выписывается. Проверяют все: работу сердца, печени, почек, состав крови и т. д. Потом дают на руки историю болезни, которую можно взять с собой. Передавая Борису Николаевичу историю болезни, врач сказала: «Этот человек совершенно здоров. У него небольшая травма, но это пройдет. Мы ему желаем, чтобы он таким оставался подольше».

Проводили нас очень тепло. Лететь нужно было сначала в Лондон и уже оттуда в Москву. Наше посольство связалось с посольством в Лондоне, чтобы Борису Николаевичу предоставили возможность хоть немного отдохнуть после перелета. Летели два с половиной часа, потом полеторача-

совой отдых в лондонском аэропорту и еще три с половиной часа утомительного полета. В Москве Бориса Николаевича ждали тысячи людей. Ситуация оказалась непростой: народ кольцом окружил Ельцина, пройти было невозможно. На втором этаже подготовили зал, и представители прессы просили, чтобы Ельцин там провел пресс-конференцию. Но для этого нужно было по крутой лестнице подниматься наверх, и мы ему отсоветовали. Борис Николаевич принял решение ехать домой. Мы с трудом протиснулись к машине — люди, плотно окружив ее, скандировали: «Ельцина в Президенты».

Борис Николаевич поехал домой со своими доверенными лицами, которые работали с ним в прошлую избирательную кампанию, а я остался получать вещи. Когда привез их к нему домой, застал Ельцина за обсуждением событий первомайской демонстрации. В Испании мы видели только обрывки телепередач. У самих испанцев создалось впечатление, что Горбачева освистали и он покинул трибуну Мавзолея. Это их страшно раздосадовало. Когда Ельцину задавали вопрос: «Как Вы считаете, какой будет демонстрация?» — он отвечал: «Демонстрация будет необычная, совершенно не похожая на те, которые были прежде». Теперь испанцы признали его правоту. Они уже стали понимать: критика Горбачева — не только мнение Ельцина. Сам народ высказывает недовольство позицией правительства. Испанцы даже говорили: «Оказывается, мы больше любим Горбачева, чем люди у вас в стране». То же самое говорили и в Англии: «Тэтчер и Горбачев похожи тем, что их любят больше за рубежом, чем в своих странах».

МОЙ ШЕФ — «ВЕЗУНЧИК»

Информация о «воздушных приключениях» Б.Н. Ельцина в Испании молниеносно разлетелась по стране. При чем с каждым днем к ней что-то добавлялось: сначала, оказывается, не выпустилось в самолете шасси, затем отказал двигатель и в конце концов — заклинило рули, закрылки и элероны. Но самое удивительное было потом. Одна ленинградская газета дала сенсационное сообщение, что-де авария с самолетом, в котором находился Б. Н. Ельцин — дело рук КГБ. Дескать, гэбисты, пробравшиеся в Испанию, с помощью мощного электромагнитного излучателя нейтрализовали бортовую энергосистему...

Не получив никакой информации от самого Ельцина, в надежде раздобыть «горяченький» материал о наших приключениях в Испании шли ко мне журналисты.

Ну что я им мог сказать нового? Все вроде бы ясно: из-за грозовой обстановки вышло из строя бортовое электропитание, что, к несчастью, случается на всех авиалиниях мира. Однако журналистам требовалась сенсация, хоть убей! Я заметил: получившая свободу и упоенная ею наша пресса во всем ищет неординарный подтекст. В любом ржавом ведре она видит второе дно, чью-то злонамеренность, и мне кажется, что именно наши средства массовой информации в какой-то мере (пусть и невольно) накликали путч. Изо дня в день газеты на все лады «обсасывали» многочисленные «сценарии» переворота, и было бы действительно сенсацией, если бы переворот в конце концов не вызрел в реальности. (Печатное слово обладает необъяснимой магией...)

Нечто подобное получилось и с «сенсационной» аварией. По существу, никакой аварии, в строгом смысле сло-

ва, не было. Да, бортовое электропитание отключилось, да, посадка была сложной и очень рискованной, но ведь самолет все же посадили, и никто, к счастью, не пострадал. Я тогда журналистам заявил, что поскольку у меня нет абсолютно никаких фактов в пользу версии о покушении, то и говорить тут не о чем. И все же еще, наверное, год эта тема была живым предметом для обсуждения. Пока наконец «не сработала» какая-то необъяснимая предопределенность, о тайном смысле которой мы можем только гадать...

Еще когда мы ездили в Милан на презентацию «Исповеди на заданную тему», стало известно, что Ельцину присуждена премия «Капри» — за лучшую книгу года. Мы были в Италии в марте, а на июль итальянцы назначили вручение премии, и мы с Борисом Николаевичем стали к этому событию готовиться. Более того, он уже получил от премьер-министра Италии Андреотти приглашение посетить его страну. Приглашение пришло также и из канцелярии Ватикана. К этому времени Ельцин стал Председателем Верховного Совета России, и потому поездка в Италию должна была носить официальный характер.

И вот, когда уже была сформирована делегация, оповещена итальянская сторона, куплены билеты до Рима, Борис Николаевич вдруг попадает в аварию. В самую настоящую, серьезную аварию и, что называется, на ровном месте...

Светофора на том перекрестке не было, и движение регулировал сотрудник ГАИ. Увидев правительственную машину, он поднял руку с жезлом, давая остальным водителям понять, что движение с обеих сторон прекращается. Машины, идущие из центра, остановились, и тот транспорт, что направлялся с моста, тоже затормозил. Получилось так: когда передние машины, закрыв обзор сзади идущим, остановились, полоса у тротуара практически осталась свободной. И когда «Волга» Б.Н. Ельцина (оснащенная, кстати, фордовским двигателем) начала пересекать улицу Горького, то со стороны моста, на большой скорости, выскочили «Жигули» и... точно торпеда, врезались в переднюю дверь «Волги». Именно в переднюю и именно с той стороны, где

сидел Борис Николаевич. Очевидно, он сам нарушил «технику безопасности», ибо по «протоколу» должен был находиться на заднем сиденье, где в тот момент находился Саша Коржаков. Борис Николаевич ударился головой о кузов, а вмятой вовнутрь дверью ему ушибло ногу и бедро. Водитель «Волги» растерялся и потерял управление, в результате чего машина свернула с дороги и на скорости врезалась в забор, которым был обнесен реконструируемый дом. Если бы не этот забор, смягчивший силу удара, «Волга» с Ельциным втемяшилась бы в дом и... Одному Богу известно, что тогда было бы. Ко всему прочему водитель в этой сумятице нечаянно ударил Бориса Николаевича локтем в грудь, в результате чего образовалась большая гематома. Удар «Жигулей» был настолько мощный, что Коржакову пришлось, что называется, с мясом выдирать переднюю дверцу — ее намертво заклинило. («Волгу», как не поддающуюся ремонту, позже списали на металлолом.) Бориса Николаевича пересадили в другую машину и отвезли домой, а затем отправили в больницу. У него было легкое сотрясение головного мозга, травма ноги, бедра. После этого случая новую машину Ельцина водил его телохранитель, мастер спорта по автоспорту Юрий Иванович Одинец.

Эта авария снова подняла волну самых противоречивых домыслов. Из десяти москвичей — девять верили, что произошло настоящее покушение. Даже через полтора года многие люди всерьез думали, что КГБ таким образом хотел расправиться с неудобным лидером демократов. Но я не верю в эту версию. Слишком уж ювелирным должен был быть расчет, чтобы на оживленном перекрестке, где сотни машин, можно было с секундной точностью подкараулить машину Ельцина. Водитель «Жигулей», пенсионер, ехал домой с дочкой, которая, кстати, находилась на переднем сиденье. Он и сам разбил свою машину вдреизг. Было возбуждено уголовное дело, но, по просьбе Бориса Николаевича, его прекратили.

Однако поездка в Италию сорвалась, и, кто знает, может, в этом тоже была какая-то предопределенность...

Был еще один неприятный случай, связанный с машиной. Я уже говорил, что какое-то время Борис Николаевич ездил на работу на личном «Москвиче». Правда, управлял им тогда его бывший водитель Валентин Николаевич (или Саша Коржаков — точно не помню). Как раз в Кремлевском дворце проходил съезд народных депутатов России. Главный редактор «Московских новостей» Егор Яковлев договорился с Ельциным об интервью. И в перерыве заседаний съезда беседа у них состоялась. Но для газетной иллюстрации нужна была фотография Ельцина, и фотокор, зная, что у Бориса Николаевича есть своя машина, попросил его немного попозировать. Ельцин согласился сесть за руль и дать возможность фотографу отснять... исторический момент».

Когда заседание закончилось, мы втроем (Борис Николаевич, Саша Коржаков и я) пошли к главному входу, к вывескам «Верховный Совет СССР» и «Верховный Совет РСФСР».

Машину подогнали к выходу, и Борис Николаевич, мило улыбнувшись, подошел к «Москвичу», открыл дверцу и уселся за руль. Фотокор, едва успев сделать пару кадров, увидел, что машина трогается с места. Поняли это и мы с Сашей и уже на ходу начали в нее забираться. И тут началась гонка — не знаю уж по какой формуле... Взяв с места в «галоп», Ельцин ринулся на выезд из Кремля и оказался на оживленной улице Москвы. Я-то знал, что навыков вождения у него почти никаких. Когда-то, правда, немного водил грузовой автомобиль, но никогда не управлял легкой машиной.

В общем выскочили за пределы Кремля и понеслись по улицам столицы. Коржаков впереди, я — на заднем сиденье. Честное слово, никогда еще я не испытывал такого страха, какой испытал тогда в машине моего шефа. А ведь ему предстояло вписаться в плотный поток машин, который шел с моста и направлялся на Манежную площадь и дальше — мимо выставочного зала. Все наши уговоры остановиться — были проигнорированы. Бросив озорной

взгляд в нашу сторону, он сказал: «Кому страшно, прошу выйти». В тот момент мы с Сашей были заложниками непредсказуемости Ельцина. С великой нервотрепкой мы наконец доехали до его дома. От волнения мы так взмокли, что хоть выжимай рубашки. Увидев наш жалкий вид, Борис Николаевич бросил: «Ничего, перебьетесь!» А ведь испугались-то мы не только за себя: кто бы нас, олухов царя небесного, простил, если бы случилась авария? И, не дай Бог, с трагическим исходом...

Я уже говорил, что Ельцин любит иногда побравировать. А для настоящего мужчины это всегда связано с определенным риском. Вообще, слово «бравировать», скорее всего, не объясняет многие его поступки. Да, в нем живет сильная жажда самореализации, отсюда, наверное, и его не всегда (на первый взгляд) адекватные поступки. Это свойственно натурам незаурядным, что часто путают с сумасбродством, шалостью.

В мае 1991 года мы ездили с ним в Новокузнецк, как раз после первого подписания Заявления-91 в Ново-Огареве. Однако шахтеры не приняли альянса Ельцина с Горбачевым, и кое-что из заявления требовало, по их мнению, особого разъяснения. В этом документе был такой пункт, в котором говорилось, что вводится особое положение на предприятиях, относящихся к оборонному комплексу, и на тех предприятиях, от которых, в свою очередь, зависит нормальная работа первых.

Шахтеры этот пункт не поняли и прислали Ельцину телеграмму с требованием приехать в Новокузнецк и объясниться. Вот мы с Борисом Николаевичем и летали по области, были на многочисленных встречах, ездили по шахтерским поселкам — словом, вплотную познакомились с жизнью шахтеров. Ельцин, несмотря на свои «габариты», спускался в шахтерских клетках на полтора километра под землю и там ходил по каменным «норам», в которых работали забойщики.

В итоге он подготовил свое распоряжение, смысл которого сводился к следующему: шахты Кузбасса переходят

под юрисдикцию России. В документе также говорилось о создании льготных условий для производства работ и жизнеобеспечения Кемеровской области.

Когда деловая часть поездки закончилась, Борис Николаевич выступил на первомайском митинге и был неплохо встречен шахтерами. После окончания импровизированных торжеств нас повезли на природу, на берег реки Томь. Однако место выбрали не самое лучшее — мало деревьев, берег обезобразен бетоном. Река очень бурная и температура воды в ней не превышала пяти градусов. Я уже знал привычку Ельцина купаться в любом водоеме, невзирая на температуру, поэтому было предложение увезти его куда-нибудь в другое место, но — не получилось. Одно дело, после русской бани несколько минут поплавать в холодной водичке или поваляться в снежке. А тут ни бани, ни тихой заводи — семь ветров и взбесившаяся вода. Его все отговаривали лезть в нее, но он был непреклонен: «Что, испугались?»

Среди свиты находился председатель Кемеровского облсовета Тулеев и предложение Б.Н. Ельцина встретил угрюмым молчанием. Как бы между прочим, Борис Николаевич разделся и, долго не примериваясь, нырнул в ржавого цвета Томь. Кто-то из окружения пошутил: «Интересно, а нырнул бы сейчас Михаил Сергеевич?»

Но шутки шутками, я смотрю, Ельцин уже плывет на середину реки, борясь с течением. Никто не знает, чем все это кончится. Начинает быстро раздеваться его телохранитель Юрий Иванович Одиноц и, тоже не раздумывая, прыгает в воду. Догнал Ельцина и поплыл рядом с ним. Проплыв метров 100 и не без помощи Юрия Ивановича, Ельцин взобрался на довольно крутой берег. Выражение лиц у всех было растерянное. И особенно траурная мина — у Тулеева. Этот степенный человек, видимо, в душе осуждал поступок Бориса Николаевича.

Уговаривать в такие моменты Ельцина бесполезно... Но с другой стороны, то, что он тогда «вытворил», делают тысячи мужчин в России. Подумаешь, искупался в холодной

реке... Любовь к риску — его доминирующая черта. Разве не рискованно было «идти» по первому национально-территориальному избирательному округу? Разве не рисковал он, бросая вызов Политбюро? Разве не рискованно было во время путча брать на себя всю полноту власти? Рискованно и еще как. Да и потом он рисковал еще много раз: и когда создавался СНГ, и когда просил у парламента полномочий возглавить экономические реформы. А это намного опаснее любой быстрины...

СКАЖИ, КТО ТВОЙ ЗАМ...

Когда-то Борис Николаевич перенес тяжелое воспаление легких. Но он много играл в волейбол и теннис, закалялся и вроде бы немного себя застраховал от рецидивов этого заболевания. Но зимой 1991 года у него вдруг поднялась температура. Услугами спецполиклиники он уже не пользовался, а с лечащим врачом из районной поликлиники еще не познакомился. И практически оказался без надлежащего медицинского обслуживания.

Температуру он переносит тяжело, а лекарств в то время в Москве уже не было, даже аспирин стал дефицитом. Его близкие принялись обзванивать своих знакомых, хотя и без особого результата: лекарственные запасы у всех кончились. И поскольку состояние Бориса Николаевича начало резко ухудшаться, позвонили в «Склифосовского» и вызвали «неотложку». Приехала реанимационная машина, всех во дворе переполошила, поскольку жильцы подумали, что у Ельцина случился инфаркт... Сделали укол, дали таблеток и оставили номер телефона, по которому в случае ухудшения можно позвонить.

И вот, когда температура еще держалась высокая, мы решили его немного развлечь. С ТВ нам прислали видеокассету, на которой были запечатлены выборы Председателя Верховного Совета России. Первый день выборов — в зале жуткое напряжение, камера крупным планом показывает лица участников парламентского спектакля. И видно, как на лице самого Бориса Николаевича, сменяя друг друга, появляются самые противоречивые выражения. На электронном табло появляются результаты голосования — не прошел ни один из кандидатов. Ельцин хмур, словно

выпил стакан полыни, а рядом группа свердловчан, только что подошедших к нему, чтобы ободрить.

Выступают демократы, партOCRаты, «нейтралы»... Потом ведущего съезд Василия Ивановича Казакова едва не скидывают со сцены, где расположился президиум. Гнев депутатов обрушился на него за то, что он под давлением коммунистов заикнулся о том, что, дескать, нельзя более трех раз выдвигать одних и тех же кандидатов на пост Председателя ВС. Если бы это предложение было принято, то весь политический ход России стал бы просто непредсказуем...

Телекамера «схватила» Б.Н. Ельцина, решительно идущего к трибуне. Зал на мгновение замер, затем стали раздаваться остерегающие выкрики: «Борис Николаевич, не снимайте свою кандидатуру!», «Не снимайте!», «Не делайте этого, Борис Николаевич!» А он и не думал этого делать, он что-то сказал о регламенте работы. Это была очень напряженная минута — а вдруг он все же даст самоотвод...

И третий день. Лица, лица, жесты, голоса, гамма чувств на лицах «тех» и «других». И когда на табло появились победные итоги голосования, половина зала поднялась с места и разразилась аплодисментами. Надо было видеть лица демократов! Украинский поэт, депутат СССР, как ребенок, прыгал и плясал от радости, и на фоне его экзальтации телекамера демонстрирует лица коммунистов, офицеров, сторонников «Союза» — хмурые, глядят исподлобья. Контраст резкий, красноречивый... Борис Николаевич, несмотря на высокую температуру, от души веселился и удивлялся — как это операторам удалось все так тонко и точно подметить?

Потом были выборы заместителей Ельцина. Сложность заключалась в том, что съезд был неоднороден и потому прогнозировать гарантированный «проход» того или иного кандидата было просто невозможно. Однако у Ельцина имелась прерогатива подбирать команду заместителей по своему мерилу. Но, разумеется, с согласия депутатов.

Кого рекомендовать себе в заместители? Ясно, что это должны быть люди предельно демократичные и в то же

время «не явные» демократы. Но где таких взять? Ведь демократы потому и демократы, что все свои демократические принципы давно и многократно предали гласности. Остановились на кандидатуре Микитаева — демократически убежденного ученого, представляющего автономии. Неординарный, интеллигентный человек, и мог бы стать хорошим заместителем Председателя ВС. Однако коммунисты стали двигать своего кандидата Абдулатипова — доктора наук, человека умного и непростого... Страсти сразу же начали накаляться, и вскоре все поняли: ни Микитаев ни Абдулатипов не проходят.

Одним из замов должна быть женщина. С нашей стороны были предложены кандидатуры Корягиной и Денисенко, со стороны консерваторов — Ивановой (заместитель Воротникова) и Горячевой. Откуда она «всплыла» последняя кандидатура — никто не знал. Известно лишь было, что Горячева из Владивостока, прокурор. Но голосование в турах не внесло ясности. Ельцин рядовым замом предлагает Шахрая, коммунисты — Исаева. Ничего путного из этого тоже не получилось. Назревает типично тупиковая ситуация. Тогда Ельцин делает непростой ход: собирает согласительную комиссию, в которой участвуют все депутатские фракции, и начинается обсуждение кандидатур. Идет поиск компромисса, хотя он уже созрел в голове у Председателя. И когда все высказались, Борис Николаевич предложил такой вариант: он сам называет кандидатуру Горячевой, но «за это» требует, чтобы в списки для голосования внесли еще одну малоизвестную фамилию Хасбулатова. Как кандидата на место первого зама. Этот человек все время находился в тени, хотя по публикациям был уже известен как экономист-новатор, а по убеждениям... Правда, Гавриил Попов давал голову на отсечение, что Хасбулатов преданный демократии человек, и этим, наверное, убедил Ельцина. Микитаев и Абдулатипов не проходят, и Б.Н. Ельцин называет фамилии Горячевой и Хасбулатова, а коммунисты — Исаева.

И вот, когда избрали Горячеву и Исаева, в зале послышались дружные аплодисменты, приветственные выкрики. Хасбулатова приняли сдержанно, ибо большинство участников съезда почти ничего не знали об этом «мягком» человеке. Но, как показали последующие события, Хасбулатов проявил себя весьма способным спикером, талантливым политическим стратегом. Хотя первые заседания съезда, которые поручил ему вести Ельцин, Руслан Имранович провел неубедительно.

Попробовали еще раз вернуться к кандидатуре Шахрая, но вскоре стало ясно, что он «непроходной». «Слишком молод», посчитал съезд, пусть сначала наберется опыта. Когда выбирали председателя Совета республики, недостатка в кандидатурах не было. Возглавлял список Соколов — ученый, партократ, который, как правило, голосовал против всех демократических решений. В противовес Соколову был назван Исаков — шедший на демократической волне, поддержавший (во всяком случае, на словах) Ельцина, сам с Урала, ездил с нами в Приозерск. Словом, он баллотировался как представитель демократического крыла. Симпатичный, неплохой оратор. И вот с помощью «центристов» демократы избрали Исакова, и я тоже был в числе тех, кто горячо его поздравлял с победой. Радовались, что свердловчанин будет «править» палатой Совета России. И, честно говоря, никто не ожидал от него предательства. А то, что он предал демократическое движение — это однозначно. Ходили слухи, что в ЦК КПСС ему предложили хорошую должность и посулили, что в случае, если с ним что-то «приключится», его пошлют послом в дружескую страну. И случилось: заговор «шестерки» — заместителей Бориса Ельцина. Избиратели Исакова набрали достаточное количество подписей для отзыва его депутатского мандата, но закон об отзыве настолько сложен, что практически невозможно отозвать депутата, не оправдавшего народное доверие. Позднее сессия народных депутатов России освободила Исакова от должности председателя Совета республики.

С самого начала было ясно, что ни Горячева, ни Абдулатипов не будут защищать демократические принципы. Правда, Абдулатипов позже многое пересмотрел в своих воззрениях и стал лояльнее относиться к демократам и их программам. И все же окружение не позволяло Председателю ВС России вести эффективную работу с парламентом. Рядом с Ельциным, на расстоянии локтя, находились не единомышленники, а Горячевы, Исаковы — «заговорщики» по своей сути, рядящиеся в тогу защитников народных интересов. Пресловутая «шестерка» — это суетные раскольники, своим сепаратизмом до предела обострившие ситуацию в российском парламенте. Но как это ни парадоксально, благодаря их закулисной возне Ельцин получил дополнительный рейтинг и в итоге — более весомые председательские полномочия. Точно так же некоторое время спустя путчисты своими действиями «способствовали» консолидации демократов и разрушению всех партийных бастионов...

Он родился 1 февраля 1931 года в селе Бутка Свердловской области. Под созвездием Водолея: необычная натура — симбиоз сильных чувств и независимого духа. Говорит и поступает как находит нужным, что нередко окружающие считают вызовом. В поступках бывает непредсказуем, однако руководствуется здравым смыслом. Дружба и независимость ему дороже чувственных влечений...

У него зимний «корень», значит, морозоустойчивый, выносливый и вообще не слабак. Ему присущи суровость, жестковатость, порой — резкость с перехлестом. Но февраль несет с собой предощущение весны...

Мы, окружение Бориса Николаевича, заранее готовились к его юбилею, и он сам тоже волновался — как лучше организовать праздник. Его помощники, и я в их числе, решили сделать ему сюрприз. Но ведь известно, что сам процесс дарения подарков включает в себе намек на степень близости людей, симпатии «по рангу» или «по душе», на близость или отдаленность кресел и т. д. И здесь, по моему, самое время коротко представить двух моих коллег — помощников Бориса Николаевича.

Да, я работаю с Ельциным со дня его прихода в Госстрой — чуть больше трех лет. И на протяжении двух лет я был у него единственным помощником. Когда Борис Николаевич работал первым секретарем МГК, его помощниками были Илюшин и Царегородцев. Когда-то оба занимали посты секретарей райкомов Свердловска и оттуда пришли на работу в обком партии в качестве помощников первого секретаря свердловского обкома партии, в должности которого и состоял тогда Ельцин. В Москву их пригласил Бо-

рис Николаевич. После того, как Ельцин ушел в отставку, Илюшин работал в аппарате ЦК КПСС, а Царегородцев — в Академии народного хозяйства, а затем — в Монголии.

После того, как Ельцина избрали Председателем Верховного Совета России, он снова пригласил на работу Царегородцева, только что вернувшегося из Монголии, и чуть позже — Илюшина.

Это очень толковые, грамотные люди, оба моложе меня на десять лет, их связывают с Б.Н. Ельциным давние и, наверное, более прочные товарищеские узы.

И вот, когда мы готовились отметить юбилей шефа, мои молодые коллеги вспомнили, что у них сохранились все выступления Бориса Николаевича, начиная со Свердловска и кончая работой в МКГ партии. Им пришла в голову неплохая мысль — собрать все эти документы в отдельные тома и красиво их переплести. Кое-какой архив сохранился и у меня, и, «сложившись на троих», мы стали готовить юбилейный подарок.

Текст отпечатали на машинке, подобрали редкие фотографии, вырезки из газет, дружеские шаржи, и в итоге получился «капитальный труд». Была даже глава, в которой прослеживались очень сложные, а порой просто драматические взаимоотношения Б.Н. Ельцина с М.С. Горбачевым.

Готовились к 60-летию своего знаменитого земляка и его однокашники по Уральскому политехническому институту, с которыми традиционно (раз в пять лет) обязательно бывали встречи. (Однажды, когда шла кампания по выборам в народные депутаты России, я вместе с Борисом Николаевичем и Наиной Иосифовной присутствовал на такой встрече. Это настоящее братство людей, проживших разные жизни, но объединенных романтикой молодости, чего уже ни за какие деньги и посты не вернешь... Такие встречи по «терапевтическому» воздействию на душу, наверное, не уступают исповеди...)

Борис Николаевич хотел избежать любого намека на официальность и потому свой юбилей решил отметить где-

нибудь за городом, поближе к природе и без «именитых генералов». Он не стал приглашать сановников, а ограничился списком наиболее близких людей.

Отмечали день рождения в Подмосковье, в одном из пустующих пионерских лагерей, за использование помещений которого Ельцин заплатил, естественно, свои деньги.

Стоял прекрасный зимний вечер, градусов 18 мороза, кругом глубокие, девственной белизны сугробы. Борис Николаевич перед тем, как произнести тост, сказал несколько лестных слов в адрес собравшихся, поблагодарил, к каждому подошел отдельно, и все позвенели бокалами... А дальше — как обычно. Как обычно в веселой, близкой по духу компании. Тамадой избрали Юрия Рыжова. И он тонко, с добрым юмором дирижировал застольем. А оно было легкое, жизнерадостное, с массой искрометных шуток и баек, остроумных тостов, воспоминаний...

Друзья Бориса Николаевича по институту удивили и до слез рассмешили всех нас и самого юбиляра. С таинственным видом они вынесли и поставили на стол коробку и извлекли из нее полуметровую фигурку человека. Сделана она была из дерева, и чувствовалась искусная рука резчика. Но главный сюрприз нас ждал впереди. Под общее веселье кто-то из уральских ребят подошел к фигурке и сказал: «Вот я сейчас, Борис, тебе ка-а-а-к врежу по челюсти, и посмотрим, что с тобой будет...» И нанес удар по... А тот лишь слегка покачнулся, но не упал. Еще раз ударили его, и он опять не упал. И тут мы все поняли, что это неваляшка — символ стойкости. Человечек — копия Бориса Николаевича. Его били со всех сторон, но он все равно не падал, а лишь приобретал еще большую устойчивость...

Приближалась наша очередь поздравить Бориса Николаевича. И вот когда я уже настроил гитару и мы хотели спеть приготовленную для этого случая песню (естественно шутивную), в это мгновение «объявили тревогу». Время уже было за полночь, когда Саша Коржаков отдал «приказ» немедленно всем обуться в теплую обувь, одеть-

ся и в экстренном порядке выходить на улицу. Было такое ощущение, будто что-то случилось страшное. Гости, честно говоря, подрастерялись, ибо никто ничего не знал, побросали своих собеседников, недокуренные сигареты, недопитые бокалы... и быстро, быстро гурьбой на улицу. Все в недоумении — ну зачем такая спешка, из теплого помещения — в ночь, на мороз? Но когда, пережив легкий шок, все вышли на улицу, поразились необыкновенной красоте природы. Морозная ночь при полной луне и ярких звездах. После предвыборных супермарафонов, суматошных, разорванных буден, этот звездный искрящийся мир пробуждал в душе трудноопределимое щемящее чувство. Осмотревшись, я увидел Бориса Николаевича, стоящего в одиночестве с обращенным к небу лицом. Юбиляра окружили друзья, и вскоре нам открылась подоплека «тревоги» Саши Коржакова. На старом кострище ярко вспыхнул костер. Тут же, рядом с костром, поставили бочонок с сухим красным вином, из которого стали варить глинтвейн, появились шашлыки... Мороза мы не чувствовали — пели, танцевали, играли в снежки. Ельцин спел свою любимую «Уральскую рябинушку». Он обычно поет вторым голосом, а мы, кто может, первым. Петь он любит и помнит все слова «своих» песен.

Когда снова вернулись в помещение, мы, помощники Ельцина, вручили ему свои подарки. По глазам Бориса Николаевича видели, что наши «юбилейные тома» ему понравились, и он тут же начал их листать и смеяться. К нему присоединились его друзья, и пошли... пошли воспоминания.

Председатель Верховного Совета Латвии Анатолий Горбунов поздравил Б.Н. Ельцина бочонком превосходного «Рижского пива». Его поставили в зале, и все, кто желал, подходили и наливали себе этот замечательный вкусный напиток...

На юбилей был приглашен фотокорреспондент, постоянно фотографировавший Бориса Николаевича. Один из его фотоснимков, на котором Ельцин в кругу друзей пьет

шампанское, затем оказался на Западе. Мне говорили, что какой-то немецкий журнал купил его в Союзе за 18 тысяч долларов. Естественно, публикация не прошла мимо очей партократических бонз и ее использовали против Ельцина. Снимок разослали по всем регионам страны с целью скомпрометировать первого кандидата в президенты России... Как будто в президенты выбирают не живого человека, а автомат с газированной водой...

БОЧАРОВ ТЕРПИТ ФИАСКО

Сценарий выборов премьер-министра чем-то напоминал выборы заместителей Председателя Верховного Совета. Страсти накалялись до мартеповских температур. Немного предыстории.

Михаил Бочаров уже был известен как член Верховного Совета, соратник Б.Н. Ельцина и работал секретарем в Комитете по делам архитектуры и строительства. Считалось, что Бочаров грамотный экономист, делающий успехи политик и ему под силу такое поле деятельности, как Совмин. Я видел его работу, что называется, вблизи, заходил к нему в комитет, много беседовали, и, когда отсутствовал Борис Николаевич, Бочаров сам вел заседания. И вдруг в прессе появилась как бы ни к чему не обязывающая заметка, в которой говорилось, что Бочарова прочат на место председателя Совмина России. Как потом выяснилось, он сам запустил эту идею.

Прием старый, но верный. Тем более в нашей стране, где каждое печатное слово традиционно воспринималось людьми как непререкаемая истина. И в общем-то сама по себе идея не была отвлеченной фантазией, поскольку в среде демократов имя Бочарова не раз рассматривалось в контексте предстоящих выборов премьер-министра.

Но Ельцин и его окружение прекрасно понимали, что с кандидатурой Бочарова у депутатов возникнут разногласия. Человек это известный, и вряд ли коммунисты захотят видеть его в председательском кресле формируемого Совмина. Уже тогда Бочаров возглавлял концерн «Бутек», хотя раньше был директором кирпичного завода. И слыл умным, целеустремленным руководителем, знающим, как подойти к экономической реформе. И даже сам Горбачев

к нему апеллировал на I съезде народных депутатов СССР как к одному из ведущих экономистов-практиков.

Бочаров был вхож к Рыжкову и Горбачеву, добился льготных условий для своего концерна, привлек в «Бутек» ряд зарубежных фирм и совместных предприятий. Под крышу концерна собрал немало светлых умов от экономической науки. Но при всех его, казалось бы, положительных качествах, в глаза бросалась его самовлюбленность, стремление покрасоваться. Более того, в действиях Бочарова часто просматривалась некоторая авантюризм. Сначала у него появилась программа «400 дней», которую, как утверждали осведомленные люди, он «занял» у Явлинского. Естественно, произошел скандал, и Явлинский в прессе обвинил Михаила Александровича в плагиате. Но этот факт, правда, право даже, нисколько не умалял организаторские способности Бочарова. Он по-прежнему оставался отличным специалистом. Речь шла о человеческих качествах, что, естественно, не могло не отразиться на мнении депутатов. Перед Ельциным встала дилемма: назвать ли кандидатуру Бочарова как единственно возможную или же рассмотреть имена и других соискателей? Когда Борис Николаевич, по старой привычке, поинтересовался моим мнением, я сказал, что в случае избрания Бочарова у Ельцина появится дополнительная «головная боль». В принципе, Борис Николаевич думал, наверное, то же самое, но ему мешали личные отношения. Ведь Бочаров баллотировался в народные депутаты как верный соратник Ельцина. И еще тогда поговаривали, что это были целевые выборы — именно Михаилу Александровичу прочили пост «премьера» России.

С другой стороны, сложность заключалась в том, что когда Власов снял свою кандидатуру на пост Председателя ВС России, его вызвали в ЦК и категорически потребовали включиться в борьбу за кресло премьер-министра РСФСР. Созвали на совещание к Горбачеву больше сотни депутатов-коммунистов и поставили перед ними задачу: голо-

совать только за Власова. Мне лично трудно представить «рядом стоящих» Ельцина и Власова. Но весь фокус состоял в том, что лишь Председатель ВС мог назвать кандидатов в председательское кресло российского Совмина. Началась такая закулисная свистопляска, что только держись. К Ельцину шли и шли коммунисты, аграрии, военные, промышленники и внушали ему, что Бочаров «не проходной». (Я участвовал во многих совещаниях и всюду слышал одно и то же: Бочаров — непроходной...) Давайте, мол, называйте Власова. А Борис Николаевич смотрел спокойно сторонникам Власова в глаза и говорил: «Я хоть сто раз повторю имя Власова, но только при одном условии: вместе с именами альтернативных кандидатов, среди которых будет Бочаров». Они опять за свое: «Хорошо, пусть будет хоть сам сатана, но только фамилия Власова должна быть названа». Ельцин отбоярился: хорошо, мол, подумаю...

Но мы уже сами чувствовали, что при таком раскладе Бочаров оказался в явных аутсайдерах. Тем не менее продолжали зондировать расстановку сил, беседовали со многими депутатами, председателями депутатских комитетов и комиссий.

Предварительная работа была чрезвычайно насыщенная, хотя со стороны и малозаметная.

И вот, сопоставив все «за» и «против», Ельцин пригласил к себе Власова. Когда он пришел, я был в приемной. Зашел улыбающийся, вальяжный человек, ничуть не сомневающийся в своей значимости, поздоровался со всеми и направился на беседу с Ельциным. Однако долгого разговора не получилось, ибо Борис Николаевич, как всегда, лаконично изложил суть проблемы. Сказал же он Власову примерно следующее: «Будьте мужественны и снимите свою кандидатуру. Я не смогу с вами работать»... Однако Власов Ельцину ответил в том духе, что, дескать, сделать он этого не может, поскольку дал слово своим товарищам баллотироваться на место премьер-министра. Шеф опять гнет свое: «Поймите, Александр Владимирович, вы попадете в некрасивое положение, потому что я хоть десять часов

подряд буду называть кандидатов, но вашу фамилию все равно не назову»... А Власов упрямо: «Не сниму, хоть убейте»... И те, кто стоял за Власовым, прекрасно понимали, что эта их креатура — последний рубеж, за который еще можно зацепиться.

После их разговора захожу в кабинет Бориса Николаевича и застаю его вконец расстроенным. Стали прикидывать разные варианты, как когда-то делали это в Госстрое. Я его начал успокаивать: что же, мол, еще можно ожидать от правоверного партийца? Конечно, он будет упираться, ибо это последняя надежда номенклатуры остаться у власти. Ведь создать и противопоставить консервативный Совмин демократическому парламенту — это голубая мечта Горбачева и Лукьянова. Я, кстати, сказал Борису Николаевичу, что все надо делать по Конституции, которая дает право Председателю ВС самому называть кандидатуры. Как в свое время сделал Горбачев, назвав Павлова, Лукьянова и Рыжкова.

Так Борис Николаевич и решил поступить. Пригласил к себе Бочарова — давай, мол, Михаил Александрович, посоветуемся. Бочаров предложил свой вариант: пойти в альтернативной связке с Силаевым и Рыжовым. «Силаева я «легко переиграю», а Рыжов сам снимет свою кандидатуру в «мою пользу», — размышлял Бочаров.

«Силаев? Ну, что ж, Силаев так Силаев!» — уже после разговора с Бочаровым сказал Ельцин. Борис Николаевич хорошо знал Силаева. В прошлом — министр авиационной промышленности, затем возглавлял комитет ВС России по машиностроению. Выяснилось также, что у Силаева не сложились отношения с Рыжковым, который не принимал идеи и предложения Силаева по машиностроительной промышленности. Рыжков не любил Ивана Степановича, и в этом был его (Силаева) «плюс», Рыжков не помогал ему и постоянно отдалял от себя.

Вот так, совершенно экспромтом появилась мысль «ставить» на Силаева — человека из «тени», на которого не точат зубы ни коммунисты, ни демократы. Он был ней-

трален для всех, а судя по характеристике, он представлялся тем человеком, с которым Председатель ВС готов сотрудничать. Во всяком случае, хотя бы в переходный период. И точно угадал Борис Николаевич — Силаев оказался именно тем руководителем, который придал дополнительный динамизм деятельности демократов. У Бочарова бы на это не хватило бы ни такта, ни опыта, ни смелости...

Силаев встретился с Ельциным и, после недолгой беседы, под всеми условиями Бориса Николаевича «подписался». То есть под теми условиями, которые в общем определяли будущую радикальную реформу России.

Академик Юрий Рыжов действительно снял свою кандидатуру в пользу Бочарова, который со своей программной речью выступил как демократ. И хотя читал по бумажке, выступление было весьма эмоциональным. Стоял на трибуне, словно национальный герой, готовый свернуть горы. Вот, мол, пройдет месяц-два — и все будет блестяще. Все депутаты, уже знали, что его программа заимствована у Явлинского, и потому в устах докладчика звучала неубедительно...

Силаев, наоборот, выступил скромно, предупредив зал, что подготовиться как следует не успел. Говорил без «шпаргалки», доходчиво изложил основные направления своей концепции. Не знаю, на какой процент он убедил депутатов. Началось голосование. Ельцин, конечно, рисковал: если Бочаров наберет больше голосов, то именно его придется назначать премьер-министром. Но в первом туре никто не победил — Силаеву не хватило одного голоса. Бочаров же проигрывал 20 с лишним «мандатов».

Борис Николаевич попросил меня пригласить обоих претендентов к нему в кабинет. Первым пошел Бочаров. И Ельцин изложил ему свою точку зрения: «Ну, Михаил Александрович, теперь вы видите, что ваша кандидатура не проходит... И в этой ситуации я вынужден назвать имя Силаева...» Бочаров в знак согласия кивал головой, он вышел от Председателя очень расстроенный.

И когда Ельцин порекомендовал съезду проголосовать за Силаева, выступил космонавт Севастьянов (который всегда голосовал против предложений демократов) и очень решительно поддержал кандидатуру Ивана Степановича. Это, мол, тот человек, который «нам нужен». Он еще не знал, что Силаев идет с одобрения Ельцина, и потому «промахнулся». Но как бы там ни было, после выступления Севастьянова почти все партократы и военные проголосовали за Силаева. И как бы в утешение Бочарову, Борис Николаевич предложил его кандидатуру на место председателя Высшего экономического совета при российском парламенте. Многие крупные ученые-экономисты были, конечно, разочарованы таким назначением, хотя делалось это с согласия Президиума ВС России. «Бочаров? — удивился один ученый муж. — Директор кирпичного завода, в экономике личность малоизвестная, и какой уважающий себя ученый-экономист пойдет в его подчинение?» И это действительно оказалось ошибочным назначением, Бочаров со своей работой в новой должности не справился. Правда, в процессе работы он пытался заигрывать с военно-промышленным комплексом, хотел привлечь его мощный потенциал. У него были неплохие отношения с генералом Родионовым, печально известным по тбилисским событиям (апрель 1989 г.), и многими членами «номенклатурной промышленности». Был случай, когда ко мне однажды пришли представители промышленников и сказали, что они скоро «поставят Бочарова к стенке» за его безделье. И поскольку его на эту должность назначали по инициативе Бориса Николаевича, то все упреки в адрес Михаила Александровича рикошетом били по Ельцину.

Однажды я пришел к Бочарову и прямо заявил ему, что среди народных депутатов зреет недовольство его бесплодной работой. Он ответил, что все это, мол, ерунда и что «нам осталось жить максимум до марта... «Нас сметут», — сказал он в заключение нашего разговора. Говорил он это в декабре 1990 года. И как в воду глядел, только не в марте, а в августе нас пытались «смести» путчисты. Впро-

чем, именно его тесные связи с ВПК, позволяли ему прогнозировать дату государственного переворота.

Затем Бочаров по собственному желанию подал в отставку, так и не привнеся в развитие российской экономики новых концепций.

Недавно Жириновский сделал одно интересное заявление. Когда, мол, он станет Президентом СССР (наверное, отреставрированного?), то премьер-министром нового правительства он обязательно назначит Бочарова...

ПРОЩАЙ, КПСС!

Итак, Ельцин расстался с партией. Той самой, что сначала вознесла его на политический Олимп, а затем взбешенная непокорным нравом своего питомца постаралась низвергнуть его оттуда. Ельцина сейчас упрекают (как, впрочем, и многих других бывших большевиков) за то, что он будто бы изменил партии и сделал это исключительно из конъюнктурных соображений. Я думаю так: «Те люди, которые с приходом гласности узнали о партии столь невыносимую правду (о ее причастности к геноциду, истреблению лучшей части населения страны и т.д.) и все равно остались в ее рядах, продемонстрировали отнюдь не верность ее идеалам, а лишь свою ортодоксальность, неспособность излечиться от марксистско-ленинских догм. А Борис Николаевич смог это сделать...

Когда началась перестройка и Ельцин вместе с Сахаровым, Поповым, Афанасьевым и другими видными деятелями возглавил демократическое движение, стала очевидной его феноменальная способность сдавать «экстерном» курс политических университетов. Конечно, он не в один присест стал сторонником многопартийности и не в один вечер осознал преступную, античеловеческую сущность коммунистической идеологии. Чтобы прийти к этому, нужно было пережить самый сложный душевный кризис, суметь навсегда отказаться от тех постулатов, которыми его пичкали на всем протяжении его «коммунистического бытия».

Большое влияние на трансформацию мировоззрения Ельцина, конечно же, оказал Андрей Дмитриевич Сахаров. Сыграли свою роль и нападки Политбюро, и «уроки» Горбачева. Струя демократических перемен как бы счищала со времени плесень, и людям открывалась простейшая ис-

тина: человека непростительно унижать, нельзя держать его в страхе и тем более нельзя это вытворять с целыми народами. Поездки за границу для Ельцина были настоящим открытием мира, и я уверен, они тоже в большой степени предопределили его прощание с КПСС.

Произошло это «трогательное» событие летом 1990 года на XXVIII съезде КПСС. Мы уже не работали в Госстрое, но я, незадолго до съезда, поехал туда и предложил коллективу Главэкспертизы выдвинуть Ельцина делегатом на предстоящий съезд. Однако, несмотря на хорошее к нему отношение, в Госстрое отказались и отдали предпочтение председателю Госстроя Серову. Мой шеф на это прореагировал по-своему. Он сказал: «Не судите их строго, страх в людях сидит, как ржавый гвоздь». Он часто повторял эту метафору. Да, люди боялись потерять зарплату (а она в Госстрое была по тем временам высокая — 500—600 р.), боялись утратить свои маленькие привилегии.

Но Ельцин все равно был избран делегатом XXVIII съезда и снова не без помощи своих земляков-свердловчан. И хотя у него зрела мысль о выходе из партии давно (что в общем гармонировало с его предвыборной программой), однако, с приближением решающего момента он начал заметно волноваться. Однажды Борис Николаевич собрал нас, помощников, и стал с нами советоваться.

Заложив руки в карманы, он напряженно ходил по кабинету и попеременно обращался к каждому. Я тоже высказался: если выходить из партии, то делать это надо непременно на съезде. Шума, разумеется, будет много, но зато это будет иметь огромный политический резонанс. «Тем более, — говорил я Борису Николаевичу, — вы Председатель ВС, и логично приостановить свое членство в партии. Думаю, что поступок правильно расценят и депутаты, и весь российский народ». — «А не провалю ли я съезд депутатов?» — сомневался Ельцин. Вот чего он больше всего опасался. Илюшин выразил свою точку зрения. «Нельзя, — говорил он, — выходить из партии на съезде. Это взорвет депутатов российского парламента. Лучше потом написать заявление»...

Царегородцев тоже был за то, чтобы «выход» состоялся на съезде. Борис Николаевич внимательно слушал, а сам думал. Трое суток, которые отделяли его от XXVIII съезда, прошли в непрерывных терзаниях. И вдруг пришло решение. Он сел за стол и написал заявление о выходе из КПСС. И когда стали зачитывать списки членов нового ЦК, где также была и его фамилия, Ельцин поднял руку и, попросив слово, пошел к трибуне. В зале установилась мертвая тишина. Все понимали: сейчас что-то произойдет...

После того как Ельцин зачитал заявление, в зале раздалась крики: «Позор! Позор! Позор! Позор предателю!» Надо было видеть выражение лица М.С. Горбачева! Он, как никто другой, понимал, что Борис Николаевич своим поступком выбил и без того прогнившую опору из-под здания «руководящей».

Борис Николаевич так и не вернулся на свое место. Он навсегда ушел не только из партии, но и покинул пространство, где эта партия заканчивала свое существование. Когда он шел по проходу, на него шипели, и это шипение напоминало пар, выходящий из зашедшего в тупик паровоза. Злобное, бессильное...

В общем Ельцин ждал от съезда большего. Он думал, что его делегаты «поумнели», стали более демократичными и потому дадут хорошую встряску своему Генсеку. Но нет, все шло по старому сценарию, отработанному партаппаратом. Единственной новостью было то, что ЦК наконец избавился от Лигачева.

И все же газета «Правда» не отказала себе в удовольствии швырнуть камень в спину уходящему из рядов КПСС Ельцину. В июне 1990-го на ее страницах появилась занудливая реплика.

...Леонид Николаевич Штодин приехал на съезд из Караганды. На лацкане его пиджака вместе с делегатским значком знак почетного железнодорожника.

— Знаете, многого мы ждали от съезда. Большинство «жданок» оправдались. Но вот эта выходка Б. Ельцина и группы «демократов», от лица которых выступал Шостаков-

ский, для меня была полной неожиданностью. Что они — большие политические авантюристы? Впрочем, может, все к лучшему. Хотели расколоть партию, а раскололись сами. Чего добивались, то и получили.

Делегат С. Абубакаров, директор завода из Чечено-Ингушетии, выразился по поводу выходки группы представителей «Демплатформы» кратко и категорично:

— У русских есть хорошая поговорка: «Не плюй в колодец, сгодится воды напиться». А они плюнули. Но когда из команды корабля уходят ненадежные матросы, команда становится крепче, а корабль идет увереннее по назначенному курсу.

Мы с огромным нетерпением и опаской ждали встречи депутатов России с беспартийным его главой. Но когда сессия Верховного Совета открылась и на сцену вышел Борис Ельцин, в зале раздались неожиданные аплодисменты. Это был великолепный знак: поезд КПСС ушел без Б.Н. Ельцина и все этому были чрезвычайно рады.

Но когда я советовал Борису Николаевичу выйти из партии именно на съезде, я сам еще в ней пребывал. Официально вышел только 5 сентября 1991 года, а до этого пять месяцев не платил взносы. Приезжали ко мне из Гостроя (где я состоял на учете) уговаривать, чтобы я хотя бы за два месяца уплатил. Я рассчитался, и меня с миром «отпустили». К этому времени я уже тихо созрел и расстался с «непререкаемой» без страха и упрека. Единственное, что от нее осталось, — членский билет, который больше никому не понадобится. Он стал своеобразной реликвией, больше, пожалуй, напоминающей о молодости, нежели об идеологии, которая так страстно цеплялась за жизнь, да так внезапно обанкротилась...

ВИВАТ, ПРЕЗИДЕНТ!

Интрига свободных выборов Первого Президента России, как ни странно, оказалась менее закрученной, чем, допустим, выборы в Верховный Совет СССР. Тогда свободные выборы были неслыханной «новинкой», которую партийная и государственная номенклатура настолько приняла всерьез, что пустилась во все тяжкие, чтобы нейтрализовать наиболее сильных и авторитетных демократических деятелей. Возможно, со временем она осознала, что грубое давление — вчерашнее оружие, и стала изыскивать средства более эффективные. Но вместе с тем и более «бесшумные», менее скандальные и надежные. Но где такие средства взять?

С тех пор как Б.Н. Ельцин вышел на «большую политическую тропу» (после октябрьского Пленума 1987 года), его личный рейтинг держался на чрезвычайно высокой отметке. И те средства массовой информации, которые оповещали об этом публику, попадали в «черные списки» на Старой площади. За то, например, что «Аргументы и факты» позволили себе вольность опубликовать данные опроса Татьяны Заславской, главный редактор Старков чуть было не поплатился своей должностью. В этом опросе Б.Н. Ельцин, в который уже раз, единолично держал лидерство, оставив далеко позади «отца перестройки» и всю его команду. И тем не менее, готовясь к президентским выборам, демократы очень хорошо отдавали себе отчет в том, что номенклатура не обеспечит им безоблачного существования и за победу придется как следует повоевать.

Организацию предвыборной кампании возложили на Геннадия Бурбулиса, основательного, достаточно умудренного политика, проверенного Свердловском. Все тактиче-

ские и стратегические ходы разрабатывались в его штабе, с которым были связаны все регионы страны, все общественные демократически ориентированные структуры. Стало законом: ничего не пускать на самотек. Борьба за голоса избирателей должна вестись тотальная — за каждый регион, область, район, город, за каждого отдельного человека, потому что все понимали: шанс, однажды предоставленный историей, может не повториться.

Вскоре на свет появилась подробная карта политической обстановки в России. Аналитики с большой степенью вероятности рассчитали, в каком районе, какой процент населения отдаст свои голоса за Ельцина. В помощь Борису Николаевичу были назначены сто человек доверенных лиц. Естественно, отбор вели строгий, поскольку от команды во многом зависела динамика подготовки выборов, да и сами выборы.

Мы, помощники Ельцина, не вошли в число доверенных лиц, поскольку организаторы понимали, что у нас и так был довольно обширный круг обязанностей и времени ездить по стране просто не оставалось. Но я попросил Бориса Николаевича, чтобы в команду доверенных лиц он включил прежних «доверенных», которые по совести и убеждению помогали ему пробиваться в Верховный Совет СССР, а затем — в парламент России и на пост его Председателя. Речь шла о полковнике в отставке Владимире Михайлове, Льве Демидове, Виктории Митиной и Саше Музыкантском. И эта четверка, с согласия Ельцина, была зачислена в группу доверенных лиц. Создался мощный пробивной кулак. Шеф собрал их вместе и дал напутствие — в каком ключе вести предвыборную пропаганду. Не потому, что они сами этого не знали, а для того, чтобы лишний раз напомнить, насколько важно соблюдать правила хорошего тона. Основное требование Бориса Николаевича заключалось в том, чтобы, Боже упаси, не поддаваться искушению и не начать очернять конкурентов. Потом все мы убедились, насколько демократы были корректнее представителей альтернативных кандидатов...

Списки доверенных лиц передали председателю Центризбиркома Василию Казакову. В штаб Бурбулиса вошли социологи, экономисты, ученые других направлений, журналисты, люди из института Татьяны Заславской, которые постоянно «измеряли» пульс общественного мнения. Не щадя сил, работали народные депутаты Юрий Рыжов, Галина Старовойтова, ученые Бунич, Тихонов и другие. Россия еще не знала столь организованной кампании по выборам главы государства. В ее истории это был беспрецедентный случай, и, естественно, все осознавали эту колоссальную ответственность, которая ложилась на них.

Разных прогнозов относительно итогов выборов было более чем достаточно. Каждый стремился доказать, что и в своем отечестве существуют пророки. Валерий Борцов, Лев Демидов, Владимир Михайлов и я составили своеобразный тотализатор по результатам выборов Президента. Вернее, по предсказанию результатов. Я назвал цифру 57-58 процентов — «за», Михайлов — 58-60 процентов, Борцов — 75, Демидов — 58. Таким образом, трое из нас, в общем, угадали — в действительности Б.Н. Ельцин набрал 57,35 процента голосов российских избирателей.

В процессе подготовки выборов наш представитель встречался с Бакатиным на предмет выяснения его позиции, однако выяснить ее так и не удалось. Генерал Макашов явно «работал» на военно-промышленный комплекс, Жириновский, судя по его высказываниям и некоторым странностям биографии, шел от КГБ и симпатизирующих этой организации сил, Рыжков — несомненно, ставленник аграриев и периферии. Тулеев... — «темная лошадка», которая под конец предвыборной кампании все же «стукнула копытцем» и обдала грязью Ельцина. Я имею в виду его заявление по телевидению о «связях» российского правительства с каким-то мифическим дельцом-мафиози.

Жириновский избрал совершенно нелепую тактику: его пропагандистский поезд тащился буквально вслед ельцинскому. И там, где Борис Николаевич говорил «да», его лихой оппонент утверждал «нет» в многократном повторе-

нии. И наоборот: тысячу «да» — ельцинскому «нет». И если Ельцин здраво оценивал свои возможности в случае избрания его Президентом, то Владимир Вольфович, подобно Остапу Бендеру, сулил всем скорое благоденствие с шампанским и ананасами к Новому году, копеечной водкой и чуть ли не бесплатной колбасой. Жириновский нес феноменальную тарабарщину отнюдь не по глупости, а по причине своего безмерного высокомерия и низкого мнения о народе, за голоса которого сражался. Он считал и считает, что толпа все проглотит, чем бы ее ни потчевали, все снесет и поверит в любой бред и пойдет за ним словно стадо баранов. Это, безусловно, мастер злого умысла — циничный, постоянно переигрывающий свою роль, как будто глухарь на току — когда поет, никого и ничего не слышит.

Для новичков в политике он был даже неплох, для провинциалов — даже интересен, ибо «нестандартные» его речи и выходки заставляли людей слушать и «проникаться». Но любой здравомыслящий человек прекрасно понимал, что за его краснобайством и пустозвонством ничего не стоит...

Когда съезд российских депутатов выдвигал его кандидатом в президенты России, то на лицах присутствующих блуждала усмешка. Кое-кому очень хотелось его вытолкнуть на ковер политической арены, чтобы он всласть посмешил и отвлек от тяжелых раздумий публику. Но получилось так, что он не столько потешил публику, сколько показал уровень его выдвигавших.

Председатели колхозов обещали людям: будете голосовать за Рыжкова, получите сено, корма, не будете — останется ваш скот голодным... В воинских частях политработники тоже натаскивали солдат отдать голоса за Николая Ивановича. Мол, в случае его победы можно легко справиться с демократами, которые «развалили страну».

Работал наш штаб, работал, естественно, и штаб Лукьянова, под крышей которого концентрировались все консервативные силы. Борис Николаевич в день выборов находился у себя на даче, и все сведения, которые мы полу-

чали из различных регионов, поступали к нему. В одной из областей, где, по нашим данным, ориентация избирателей была в пользу Ельцина, Рыжков вдруг начал получать перевес. Такого быть не могло, и мы через своих представителей стали разбираться, в чем же дело. Оказалось, что «напутали» в воинских частях... Наши представители выяснили, что там имели место случаи подтасовок бюллетеней. Но такие факты были редки, а в основном голосование проходило по запланированному графику.

Очень помогал нам Аэрофлот, его пилоты перевозили сотни тысяч плакатов и листовок, призывающих голосовать за Б.Н. Ельцина. И хотя каждый из нас верил, что победит Ельцин, штаб все же лихорадило. Нетерпение буквально выматывало, ибо все отдавали отчет в том, что наступил действительно исторический момент, который нельзя упускать. Провалился Ельцин в первом туре, неизвестно, чем бы все кончилось...

Перевыборы, случись таковые, были бы опасны. Возможно, то, что произошло в августе, могло бы в «силу обстоятельств» свершиться уже в июне — июле, скажем, в канун второго тура голосования, если бы таковой имел место. Трудно поверить, что генералитет, КГБ, военно-промышленный комплекс не понимали, на кого они ставят, кому при случае могут доверить управление страной.

Однако плохо же они думали о народе (если вообще думали), когда всерьез ставили на таких людей, как Жириновский и генерал Макашов. Неужели народ достоин таких «вождей»? Что стало бы с ним, если бы, допустим, к власти пришел Жириновский, который обещал Прибалтику сделать свалкой ядерных отходов? Или Макашов, который спал и во сне видел «великую порку», которую он задумал устроить интеллигентам на Красной площади?

Галина Старовойтова так характеризовала кандидатов на пост Президента России: «Спектр выдвинутых кандидатур отлично продуман: каждый из шести претендентов олицетворяет определенное социальное течение, заполняет экологическую нишу. Рыжков — это ностальгия по

временам застоя, когда людям не надо было беспокоиться о завтрашнем дне. Но не забудем — Николай Иванович перенес недавно тяжелую болезнь, вице-президентом же у него будет генерал Громов — случись что, и место Рыжкова автоматически займет он. Бакатин — типичный аппаратчик-либерал, ко всему — с имиджем человека, пострадавшего несправедливо и без соблюдения законной парламентской процедуры смещенного с поста министра внутренних дел. Если бы он выбрал вице-президента из числа депутатов-демократов, думаю, шансы его были бы велики. Макашов представляет так называемые «патриотические» силы, часть офицерства, по крайней мере высшего, а также интерфронты республик, которые могут повлиять на голосование в России — через родных и близких. Жириновский — лидер созданного КПСС фиктивного центристского блока, использующий пропагандистские приемы, характерные для Германии 30-х годов. Он обладает определенной харизмой — то есть влиянием личным, психологическим, и некоторые избиратели, сбитые с толку или уставшие от старых политиков, не исключено, пойдут за ним. Возможно повторение польской ситуации: кандидат в президенты Тиминьский весьма и весьма неплохо шел на первом туре выборов. Правда, этот миллионер делом доказал свою способность решать хотя бы собственные экономические проблемы, достижений же Жириновского — ни в этой, ни в других областях — мы не знаем».

В предвыборной кампании Б.Н. Ельцин применил свою «домашнюю заготовку», о которой потом с раздражением писала коммунистическая пресса. Когда незадолго до выборов объявили, что на Центральном телевидении состоится «круглый стол» всех шести кандидатов в президенты, Борис Николаевич отказался в нем участвовать. У него уже была запланирована поездка в Саратов, и он, объявив об этом, на телевидение не явился. Я думаю, не будь Саратова, он придумал бы что-нибудь другое. Жириновский потом на всю страну голосил, что-де Ельцин его испугался и потому не принял участия в «круглом столе».

Я полагаю, что, если бы Ельцин участвовал в том «круглом столе», он сильно бы проиграл в глазах российского народа. Находиться в одной компании с такими «ребятами», как генерал Макашов и «интеллигент» Жириновский, это, пожалуй, то же самое, что черпать суп из тарелки пятерней — разве этого ждал народ от своего лидера? Ельцин это прекрасно понимал и заблаговременно «умыл руки».

К чести Горбачева, он на этот раз обошелся без закулисных ходов и практически не вмешивался в избирательную кампанию. Просто обладая большим интеллектом, чем его окружение, Горбачев, видимо, не сомневался в победе Ельцина, а значит, и в неизбежности сотрудничества с ним.

Каждый час зарубежные радиостанции оповещали слушателей о ходе выборов. К трем часам ночи ни у кого больше не оставалось сомнений в том, что Б.Н. Ельцин «загнул салазки» своим конкурентам и без всяких «вторых туров» одержит убедительную победу. «Виват, Президент!» — воскликнул диктор одной западной радиостанции. И все мы, кто следил за головокружительной спиралью голосования, ликовали. Восторжествовала справедливость: человек, которого столько раз топили и унижали, победил...

В моей работе с Б.Н. Ельциным, да и вообще в жизни, это был кульминационный момент. Что бы ни случилось, мы все же дошли до заветной цели.

Потом, разумеется, состоялся дружеский ужин у Бориса Николаевича. Затем мы отправились на природу. Вспоминали и близкое, и далекое, первые годы работы, притирку, которая, между прочим, не всегда была безболезненной. Я ощущал себя счастливым — судьба свела меня с человеком, который появляется на исторической арене именно в тот момент, когда никто другой его заменить не может. Зигзаг моей личной судьбы соединился с судьбоносным «зигзагом» времени, которое породило и выдвинуло на авансцену такого деятеля.

Мне вспомнился наш разговор в самолете, когда мы с Борисом Николаевичем возвращались из Америки. Он тогда спросил у меня: «Скажите, Лев Евгеньевич, согласны ли

вы идти со мной до конца?» Я ответил: «Да, пойду до конца». И когда мы были на природе, я напомнил ему о том нашем разговоре. Я сказал, что прошел с ним весь путь: «Вы теперь Президент, и я могу уйти». Это была грустная минута. Но Борис Николаевич тактично и с оптимизмом меня поправил: «До конца мы еще не дошли... Это только начало, Лев Евгеньевич, и мы с вами еще как следует поработаем...»

МЕЖДУ «АЛЬФОЙ» И ЕЛЬЦИНЫМ — РОССИЯ

Вне всякого сомнения, «интродукция рондо каприччиозо», разыгранная заговорщиками, оглушила их самих. Они поднялись не против Горбачева, лишь изолировав его, а всю бронетанковую мощь направили на единственно возмущавшую их силу — Ельцина и его окружение. Мечтали сделать переворот в белых перчатках и заслужить лавровый венок за спасение державы. Но, как известно, подобные перевороты возможны лишь в банановых республиках, а не в стране, которая только-только почувствовала изумительный запах свободы.

Заговорщики знали цену времени. Они спешили во что бы то ни стало помешать Ельцину отметить сто дней его президентства, которые узаконили бы его пребывание у власти. Их охватила непреодолимая паника. Оставались считанные часы до подписания союзного договора, после чего весь каркас союзной власти мог претерпеть нежелательные метаморфозы. И вместо того, чтобы использовать многократно опробованный метод политического терроризма, путчисты втянулись в дорогостоящую, громоздкую и архиглупую акцию по введению ЧП. Чем, интересно, они думали? Ведь можно было посадить своих лучших снайперов на ту же гостиницу «Украина» и в любой момент преспокойно убрать Президента. В конце концов могли бы инсценировать катастрофу самолета (для правдоподобия с пассажирами) со «случайной» траекторией полета: небо, Белый дом, кабинет Президента. Словом, существуют тысячи дешевых и неброских способов устранения любого как физического, так и юридического лица... И этого не случилось исключительно потому, что путчисты знали: убийст-

во Ельцина народ никогда не простит. Был избран довольно наезженный, проторенный гусеницами танков путь: под флером законности произвести контрреволюционный переворот. В результате — сами проиграли и подставили тех, кто надеялся на их поддержку.

Те августовские дни стали самыми горькими в моей жизни. До какого-то момента не покидало ощущение безнадежности. Ведь сначала лишь немногочисленные группы людей прирастали к Белому дому. Это потом пришли тысячи, а в первые часы маятник качался не в пользу законности. И, конечно же, обращение Бориса Николаевича к народу, сыграло в тот момент решающее значение.

Когда я подошел к танку, с которого выступал Б.Н. Ельцин, люди ловили каждое его слово: «В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный Президент страны. Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым реакционным, антиконституционным переворотом... Уверен, органы местной власти будут неукоснительно следовать конституционным законам и указам Президента России...»

Рядом с Ельциным — Геннадий Бурбулис, Валентин Моханин, Саша Коржаков... Они прикрывали своего Президента со всех сторон, ожидая худшего. Могли ведь стрелять из толпы, с деревьев, с этажей зданий, окольцевавших Белый дом. Как потом стало известно, в толпе находились агенты КГБ, внимательно следившие за каждым движением Президента и его свиты.

В Доме Советов все помощники Бориса Николаевича были на местах: Илюшин, Семенченко, Корабельщиков. В приемной Ельцина толпился народ. Там были А. Руцкой, генерал К. Кобец, народные депутаты. Лица у всех напряженные, в глазах тень большого горя. И у меня ныла душа, обуревали нехорошие предчувствия. Но каждый старался не подавать вида. И это нетрудно было сделать, чувствуя близость товарищей.

Был ли путч большой неожиданностью? Нет, пожалуй, ведь увертюра к нему началась значительно раньше. Воз-

можно, с траурных ноток Тбилиси, затем Вильнюса, Риги... Какие-то зловещие тени уже подбирались, но в текучке мы не удосужились их заметить. Было ощущение бесконечного падения в пропасть, хотелось забыться и не думать, к каким последствиям могут привести спущенные с курка события.

В какое-то мгновение я остановился у окна и взглянул на город. До боли знакомые очертания... Стоило преодолеть каких-то сто метров, и я бы оказался в своем старом дворе. В квартире, где и сегодня проживает моя сестра с мужем и двумя детишками. Однако человек не может до бесконечности находиться в состоянии безнадежности. Это противоестественно: силы наши направлены на преодоление.

Приехали доверенные лица Бориса Николаевича: Владимир Михайлов, Лев Шимаев, Лев Демидов, Валерий Борцов. К Белому дому стали стекаться афганцы. Илюшин был на связи все время. Любопытно, что все телефонные каналы Президента бездействовали, спецсвязь тоже не работала, а контакт с внешним миром осуществлялся через мои и илюшинские телефоны. Звонил Буш и разговаривал с Ельциным. Лично мне звонили из Лондона и Праги, почти из всех иностранных посольств. Спрашивали, беспокоились и поддерживали добрым словом. Позвонил хирург Геннадий Вихров из института Склифосовского и предложил свою помощь. Я согласился. Он пришел с хирургическим инструментом и провел с нами две ночи.

В моем кабинете перебывали, наверное, все сторонники Президента. Пришел поэт Евгений Евтушенко, и мы долго обсуждали происходящее. Ему очень хотелось поговорить с Борисом Николаевичем, но это было маловероятно, поскольку готовилось выступление Президента, назначенное на 19 августа. И тем не менее, я пообещал поэту поспособствовать его встрече с Ельциным. И когда объявили по мегафону, что сейчас будет выступать Президент, я предложил Евтушенко пойти с нами. Увидев Евтушенко, Борис Николаевич тепло с ним поздоровался.

Затем была встреча с Ростроповичем. Когда я зашел в приемную Президента, в глаза бросилась любопытная деталь: генерал К. Кобец о чем-то оживленно беседовал с А. Рудким, а чуть в стороне, на диване, сиротливо сидел Святослав Ростропович. Известный всему миру музыкант поддержал сопротивление тем силам, которые изгнали его из страны. Он очень смешно рассказывал о своих впечатлениях: «Я все время себя щипаю и спрашиваю: Слава, ты где? Разве ты мог когда-нибудь предполагать, что будешь охранять Белый дом?» Многие газеты мира опубликовали уникальную фотографию, на которой был изображен Ростропович с автоматом в руках.

А танки между тем все шли и шли, шли бронетранспортеры, грузовики с солдатами. У танковых пулеметов — стрелки. По телевидению — «батман» по-янаевски. Белый дом готовился к отражению штурма. Позже станет известно, что людям из спецподразделения «Альфа»... Впрочем, вчитаемся в строки профессионала — начальника отделения группы «Альфа» Леонида Гуменного: «Военные должны были обстрелять из гранатометов каждое окно со 2-го по 5-й этаж, после чего мы, ворвавшись в здание, провели бы «зачистку», которая производится следующим образом: сотрудники открывают дверь помещений, бросают гранату и дают очередь из автомата...»

Начальник другого отделения группы «Альфа» Анатолий Савельев по поводу сложности штурма Белого дома высказался так: «Штурмовать дворец Амина в Кабуле было намного проще...» Действительно, разница была существенная: в Кабуле «Альфе» противостояла только охрана, в Москве «Альфе» пришлось бы пробиваться через кровавое месиво человеческих тел — москвичей и москвичек.

С аэродрома «Арзиц» поднялись в воздух транспорты с 299-м воздушно-десантным полком из 98-й дивизии ВДВ. 217-й полк должен был приземлиться в Москве на военном аэродроме «Кубинка», а 299-й — на «Чкаловском». 37-я десантная бригада, расквартированная в Калининградской области, передислоцировалась в Ригу, 234-й парашютно-

десантный полк усилил Таллинский военный гарнизон, 21-я бригада высадилась на аэродроме «Вазияни».

В 12.35 167 постов радиоразведки и помех приступили к выявлению и подавлению радиостанций, выступавших в поддержку Президента. В 14.00 ГКЧП закрыл все демократические издания...

Заместитель министра ВД СССР Громов, пытавшийся убедить Пуго отказаться от операции, в ответ услышал сакраментальное: «Это приказ, а все приказы следует выполнять». По приказу генерала Варенникова эскадрильи вертолетов, вооруженных ракетами, были перебазированы в подмосковный Подольск. Этот «воздушный кулак» предназначался для участия в операции «Гром», то есть для захвата Белого дома.

Но вернемся к рассказу Л. Гуменного: «По уточненному плану действий группа «Б» (отдельный учебный центр КГБ) должна была «обработать» 1-й и 2-й этажи секретным оружием огромной разрушительной силы. А задача арестовать Ельцина, которую поставил Карпухин (начальник группы «Альфа»), была нереальной по той причине, что после «зачистки» все, в том числе и Президент России, были бы уничтожены...».

По оценке самих же командос, в случае штурма Белого дома 50 процентов личного состава «Альфы» полегло бы у его стен и в помещениях «коридорного типа». Каждый второй из штурмовавших отдал бы свою жизнь. Во имя чего?

Из «откровений» заместителя председателя КГБ Геня Агеева: «Утром Крючков по телефону поручил мне связаться с заместителем министра обороны Ачаловым для разработки операции по блокированию и захвату Белого дома. Он назвал место, куда будет отправлен арестованный Ельцин. Это было все то же «Завидово». Все эти факты красноречиво говорят о серьезных намерениях заговорщиков.

Но обо всем об этом мы узнали позже. А в то утро, когда моя машина чуть не была раздавлена кортежем Бориса Николаевича, направлявшегося из Архангельского в Белый дом, возник и мучил вопрос: «Почему путчисты не схвати-

ли Ельцина сразу? На что они рассчитывали? На танки и ракетонесущие вертолеты вместе с «секретным оружием»? Или надеялись на «коридорную систему», захватить которую так же легко, как легко разрушить карточный домик? Или путчисты все же отдавали себе отчет в том, что террор против Ельцина поднял бы всю Россию со всеми вытекающими из этого последствиями?»

Если захват Белого дома был чреват колоссальными человеческими потерями, то, думается, штурм президентской дачи был бы не ахти каким сложным делом. Шесть — десять лет назад такие операции могли бы закончиться тихо и молниеносно. В августе 1991 убить или депортировать в «Завидово» первого российского Президента было бы непостижимо сложно. И главное потому, что уже были произнесены на всю страну слова-заклинания: совершен антиконституционный переворот, в опасности Россия и ее законно избранный Президент. Это был бы для путчистов самоприговор, и они это прекрасно понимали. Но вместе с тем они понимали и другое: оставшийся на свободе Ельцин и его сторонники не откроют хунте путь к власти. Что было делать? Чтобы ответить на этот извечный вопрос, главари государственного переворота теряли драгоценные часы. И к счастью, эти потерянные часы, хотя и обернулись для них трагедией, зато сохранили им единственное, с чем никогда не хочется расставаться, — жизнь. Упущенное заговорщиками время прибавилось к часам демократов и в итоге способствовало победе. Маятник российской истории качнулся вправо, влево и замер...

Начиная с 18 августа судьба Ельцина висела на волоске. Но дело в том, что путчисты не уложились в свой график. Бывший начальник 7-го управления КГБ Е. Ращепов дал такую интерпретацию событиям: «...Детали предстоящей операции обсуждались на совещании у заместителя министра обороны Владислава Ачалова. Он проинформировал собравшихся, в числе которых были начальник группы «Альфа» Виктор Карпухин и командующий ВДВ Павел Грачев, о том, что в воскресенье 18 августа самолет Ельцина под

благовидным предлогом будет посажен не во «Внуково», а на военном аэродроме «Чкаловский». Планировалось, что командир особой дивизии КГБ пригласит Ельцина в здание аэровокзала, где, как я понял, у него состоится разговор с министром обороны Язовым. Перед подразделением ВДВ и группой «Альфа» ставилась задача нейтрализовать охрану Ельцина... «Обследовав вместе с Карпухиным Архангельское, — вспоминает Ращепов, — мы обратили внимание, на большое количество в поселке вооруженных милицейских нарядов, в том числе и подвижных милицейских групп. Это подтвердило, что идет подготовка к встрече высокопоставленного гостя.

Убедившись, что самолет приземлился и Президент России отправился в Архангельское, я доложил об этом Грушко. Он приказал мне держать наготове группу «Альфа» и ждать распоряжения от Крючкова.

Итак, все было предрешено. С четырех утра спецназ ждал приказа, но не дождался. Время шло, а действий не было. То ли помешало интенсивное движение в районе Архангельского, то ли многочисленные прохожие... А может, все дело в другом: может, фортуна и на этот раз была благосклонна к моему шефу, а не к тем, кто жаждал поставить его на колени? Как бы там ни было, Ельцину и его охране удалось «вместе» с танками прибыть в Москву, один из которых и стал трибуной для Б.Н. Ельцина.

Вечером 21 августа Илюшин предложил нам собраться в приемной Президента. Обсуждался вариант в случае крайней необходимости перебраться в американское посольство. Американцы были готовы принять нашу группу.

Разве мог я когда-то предположить, что кварталы моего детства превратятся в поле битвы и не с каким-то иноземным захватчиком, а со своими соотечественниками. А бой по существу уже начался. Горели автобусы, раздавались автоматные очереди, пространство, прилегающее к Белому дому, взорвалось стоном многотысячной толпы: «Убийцы! Убийцы! Убийцы!»

В те часы я как никогда чувствовал необходимость дружеского локтя. Прекрасно понимаю Юрия Лужкова, кото-

рый уже в первые часы путча твердо решил, что скорее умрет в борьбе, чем позволит быть схваченным у себя дома или застреленным в переулке.

В самый критический момент, когда до вероятного штурма оставались считанные часы, мне позвонила жена. Мы не знали, как ободрить друг друга, не было слов... Кажется, недавно мы с ней обсуждали «простой» вопрос — идти на работу к Ельцину или нет... И вот уже все позади: бессонные ночи, многотысячные митинги, изнуряющий предвыборный марафон... И прошлое и будущее стали какими-то далекими и эфемерными. Болело сердце за сына, к счастью, он был в безопасности. Тревожные мысли о матери не покидали в эти минуты и Бориса Николаевича. Не выдержало материнское сердце, и после путча Клавдия Васильевна заболела.

Около трех часов (предполагаемое время начала штурма) пришел Саша Коржаков и повел меня, Демидова, Михайлова, Пихоя, Ильина к специальному лифту. На нем мы спустились в подземные этажи, о которых я даже не подозревал. На каждом шагу встречались вооруженные люди. Мы долго шли лабиринтами коридоров и переходов, пока не оказались в просторном помещении, с большими коваными дверями, похожими на створки шлюза. В этом помещении мы увидели нашего Президента, там же были вице-мэр Москвы Лужков и мэр Попов. Борис Николаевич был без пиджака, имел рабочий вид. Затем Лужков вышел в большой зал и стал по телефону отдавать команды. Делал он это решительно, и в его голосе была твердость и уверенность. Мы узнали, что работала мэрия и Моссовет, что туда стекается подробная информация и передается к нам в бункер, где принимались решения и отдавались команды. Узнав, что со стороны Калининского проспекта движется десантная часть, тут же было дано распоряжение перегородить ей путь автобусами. Таким образом все подъезды к Белому дому были перекрыты.

Ребятами из охраны была проведена разведка подземных тоннелей и выставлена охрана. Все, что хоть в какой-

то мере вызывало подозрения, было блокировано. Однако в самый критический момент переезд в американское посольство как вариант Президентом был решительно отклонен. На экстренный случай рассматривался уход через один из тоннелей, который выходил на пустырь, недалеко от Краснопресненской набережной. По нему уже прошли телохранители Ельцина, выяснили, что делается наверху, и установили постоянное дежурство. Это был наиболее вероятный вариант на случай катастрофы.

В ночи витало тревожное ожидание, никто не спал, работали, обменивались мнениями. Ведь не зря же на улицы Москвы выведено такое огромное количество военной техники, различных дивизий и полков, включая части спецназа КГБ, ОМОН, МВД, десантные подразделения. Ясно же, что путчисты поставили конкретную задачу: взять или уничтожить тех, кто руководил сопротивлением.

23 августа в газете «Россия» появилось интервью с генерал-майором КГБ В. Карпухиным. Вот что рассказал этот компетентный человек:

«19 числа в 5 утра я был вызван к Крючкову. Получил приказ: силами своего подразделения арестовать Ельцина и все руководство Верховного Совета России и доставить их в одну из оборудованных точек в «Завидово», недалеко от Москвы... С самого начала я предпринимал все, чтобы не выполнять приказы руководства КГБ...

— Отдавали ли вам приказ брать штурмом Белый дом?

— Да.

— Устно или письменно?

— Крючков вызвал меня в свой кабинет и сказал, что судьба страны зависит от наших действий. Вечером 19 августа в Министерстве обороны СССР состоялось закрытое совещание. Его вел генерал Ачалов. Из военной элиты на нем присутствовали Моисеев, Ахромеев, в кабинет постоянно заходил Язов... Мне был дан приказ возглавить путч. В мое оперативное подчинение вошли дивизии ОМСДОН, Московский ОМОН и специальное подразделение трех высших управлений КГБ — всего 15 тысяч человек.

— Вы были в курсе событий, происходящих у Белого дома?

— Вместе с генералом Лебедем мы объехали вокруг Российского парламента, затем посмотрели видеосъемку оперативной обстановки, сделанную нашими агентами. План боевых действий был таков: в 3 часа ночи подразделения ОМОН очищают площадь, с помощью газа и водометов раскидывают толпу. Наше спецподразделение входит за ними. С земли, воздуха, с использованием вертолетов, гранатометов и других спецсредств... мы занимаем Дом. Все это длилось бы минут пятнадцать. Слава Богу, у меня не поднялась рука... Была бы бойня и кровавое месиво...»

Где-то в половине четвертого Борис Николаевич вдруг встал и громко сказал: «Пошли!» И все направились наверх. Тут стало ясно, что штурма не будет и что у путчистов уже нет козырей. Все у них пошло прахом.

На улице вторые сутки подряд лил дождь, было промозгло, но дышалось как никогда легко. И хотя тревога еще витала в воздухе, что-то светлое и торжественное появилось в настроении людей. Горели костры, люди стояли возле них и грелись. Оживала наша Москва, каждая ее улочка и каждый дом воспрянули надеждой. И мой Десятинский переулок по-прежнему казался приветливым и мирным.

Возвратившись в свой кабинет, я первым делом открыл сейф, положил туда пистолет и облегченно вздохнул. С его тяжестью, кажется, свалился с плеч непомерный груз беды.

Утром над Москвой повисла радуга. Увидев ее, я загадал желание — чтоб никогда-никогда не повторилось то, что пришлось пережить России в те три тревожных августовских дня. Россия отстояла своего Президента, а Президент отстоял Россию.

СОДЕРЖАНИЕ

В самое пекло	5
Первая аудиенция	10
«Захват» Госстроя	15
Немного политики поднимает тонус	23
Кому нужна такая реабилитация?	26
Первое интервью	32
За власть Советов	40
Ельцин открывает Америку, Америка — Ельцина	47
Нью-Йорк: где здесь бездомные?	52
День второй. «Свобода» и свобода	56
Сон в сентябрьскую ночь	64
Здравствуйте, господин Буш!	69
Неунывающий Рональд	75
За штурвалом комбайна	77
Шок после супермаркета	80
Рубленый бифштекс	87
Удар ниже пояса	91
Ельцин зарабатывает доллары	104
Слезы Ельцина	109
Покушение и... защита	123
Чакры и мой день рождения	131
В свои сани	141
Галопом по Европам...	144

Противостояние	150
Верный страж	159
Железное рукопожатие Маргарет	162
Испанская авария	166
Мой шеф — «везунчик»	176
Скажи, кто твой зам...	183
Ельцину — 60	188
Бочаров терпит фиаско	193
Прощай, КПСС!	200
Виват, Президент!	204
Между «Альфой» и Ельциным — Россия	212

Массово-политическое издание

КРЕМЛЕВСКИЙ ТРИЛЛЕР

Суханов Лев Евгеньевич

КАК ЕЛЬЦИН СТАЛ ПРЕЗИДЕНТОМ

Записки первого помощника

Редактор *С. Громов*
Художник *Б. Протопопов*
Верстка *А. Кувшинников*
Корректор *В. Авдеева*

ООО «Алгоритм-Издат»
Оптовая торговля
ТД «Алгоритм» : 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-izdat@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 21.01.2011.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76.
Тираж 3500 экз. Заказ № 4102107

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»,
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 978-5-699-35267-8

9 785699 352678 >

Лев Евгеньевич Суханов был бессменным помощником Ельцина с 1988 по 1997 год. Он являлся свидетелем опалы Б. Ельцина при М. Горбачеве, а затем его возвышения до председателя Верховного Совета РСФСР и президента Российской Федерации.

В своей книге Лев Суханов рассказывает о самых острых моментах политической биографии Бориса Ельцина – об отставке с поста Первого секретаря МКГ КПСС, о покушениях на него, о выборах в Верховный Совет и роли КГБ в судьбе Ельцина, о его американских покровителях, об августе 1991 года, истинной роли Б. Ельцина в событиях, связанных с ГКЧП, и т.д.

Книга содержит множество подробностей из жизни Б. Ельцина и его окружения, которые были известны только автору, а также показывает закулисные стороны головокружительной карьеры первого президента России.

ДОМ КНИГИ
"МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
Суханов Л.Е. Как Ельцин
ISBN 978-5-899-35287-9
2000 М
3558516
Цена: 160 р.